
Серия АИРО-XXI
**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА
И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В СССР, РФ и СНГ**

осуществляется благодаря партнерству
с Департаментом по работе с территориальными палатами
Торгово-промышленной палаты РФ

Издание подготовлено при содействии
Брянской Торгово-промышленной палаты
и Торгово-промышленной палаты Саратовской области

**АИРО
XXI**

АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
(АИРО-XXI)

Международный совет научных проектов и издательских программ АИРО

Геннадий БОРДЮГОВ Руководитель

Карл АЙМЕРМАХЕР Рурский университет в Бохуме

Дмитрий АНДРЕЕВ МГУ им. М. В. Ломоносова

Дитрих БАЙРАУ Тюбингенский университет

Дьердь БЕБЕШИ Печский университет

Владимир БЕРЕЛОВИЧ Высшая школа по социальным наукам, Париж

Бернд БОНВЕЧ Рурский университет в Бохуме

Харуки ВАДА Фонд японских историков

Людмила ГАТАГОВА Институт российской истории РАН

Пол ГОБЛ Фонд Потомак

Габриэла ГОРЦКА Центр «Восток–Запад» Кассельского университета

Андреа ГРАЦИОЗИ Университет Неаполя

Никита ДЕДКОВ МГУ им. М.В. Ломоносова

Роберт ДЭВИС Бирмингемский университет

Стивен КОЭН Принстонский, Нью-Йоркский университеты

Алан КАСАЕВ РИА «Новости»

Андрей МАКАРОВ АИРО-XXI

Джон МОРИСОН Лидский университет

Василий МОЛОДЯКОВ Университет Такусёку, Токио

Игорь НАРСКИЙ Южно-Уральский государственный университет

Норман НЕЙМАРК Стэнфордский университет

Дональд РЕЙЛИ Университет Северной Каролины на Чепел Хилл

Борис СОКОЛОВ АИРО-XXI

Такеси ТОМИТА Сейкей университет, Токио

Татьяна ФИЛИППОВА Российский исторический журнал «Родина»

Сергей ЩЕРБИНА АИРО-XXI

Геннадий Бордюгов, Владимир Бухараев

ВЧЕРАШНЕЕ ЗАВТРА:

КАК «НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ»
ПИСАЛИСЬ В СССР
И КАК ПИШУТСЯ ТЕПЕРЬ

Москва
2011

СЕРИЯ
«Историческая политика и политика памяти
в СССР, РФ и СНГ»

Дизайн, верстка и подбор иллюстраций: *Сергей Щербина*

Бордюгов Г.А., Бухараев В.М.

Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 248 с.; (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»). – ISBN 978-5-91022-154-7.

В книге рассматривается феномен создания национальных историй на протяжении XX – начала XXI вв., выдвижение этнонационального фактора в качестве основного критерия исторического познания. Авторы стремятся ответить на вопрос о природе и истоках разительных перемен, произошедших в историознании постсоветского времени, о роли новых политических элит, заинтересованных в инструментализации прошлого.

© Бордюгов Г.А., 2011
© Бухараев В.М., 2011
© Щербина С.П., подбор
иллюстраций, 2011
© АИРО-XXI, 2011

ISBN 978-5-91022-154-7

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
Глава 1	
ЭТНОЦЕНТРИЗМ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ	18
Глава 2	
СТИЛЬ – БОЛЬШОЙ, ЭПОХА – СОВЕТСКАЯ	33
1. Имперская история. Издание второе	33
2. Национальный историк между державностью и интернационализмом.....	94
Глава 3 СОВЕТСКИЙ СИНДРОМ ПОСТСОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ	121
1. Историческая оснастка национальной мобилизации.....	121
2. Этноромантики и этнопрагматики	155
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	186
ПРИМЕЧАНИЯ.....	192
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.....	203
ПРИЛОЖЕНИЕ	209

О проекте «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»

■ В обозримом будущем постсоветские государства не откажутся от исторической политики и политики памяти. Но историки вправе говорить об идеальной конструкции властных мер к прошлому, его сохранению и памяти о нём.

■ Наивно рассчитывать на равный диалог властью, однако историческая наука не может развиваться без автономии от политики и идеологии, от осознания прошлого как живого процесса, поскольку каждое поколение пишет свою историю. А попытки «присвоить прошлое», следовать принципу партийности приводят к бюрократизации и окостенению историознания.

■ Какими бы ни были механизмы исторической политики (включая, казалось бы, отжившие – цензуру, привилегированные институции, послушных историков и пр.), в среде профессиональных исследователей всегда будет существовать лишь видимость принятия оценок от политиков. Ведь создание собственной мифологии сопровождает практически любой режим власти. Поэтому «минные поля свободы» предпочтительнее ориентации на «тайное знание», равнения на политические абсолютизмы или позитивную идентичность, связанную в последнее время почему-то с империей, Романовыми и Сталиным.

■ Вместе с тем сообщество историков – не священная корова с презумпцией безгрешности. Все потуги власти политизировать историю оказывались бы изначально неконкурентоспособными, если бы на них не работали лакеи от исторической науки. Так было и будет всегда, а потому настоящий историк – подобно Плутарху, Тациту, Прокопию Кесарийскому и многим-многим их последователям – обречён не только на исследовательское одиночество, но и на умение находить общий язык с теми, которые вершат ту историю, о которой эти историки пишут. Во благо истине и самой истории. Наивно полагать, что в будущем здесь может что-то измениться.

■ Не политизация былого, а создание условий и среды для его глубокого изучения приближает к пониманию смыслов нашей уникальной и поучительной для всего мира истории. Этому способствуют также конкуренция различных точек зрения и научных школ, ограждающая от конъюнктуры и различных культов, отказ от конфронтационных образов стран и народов в зависимости от нефтяных котировок, преодоление этноцентризма, освоение пространства общеевропейской истории.

■ История – не политический рычаг, не средство завоевания электората на выборах и легитимации власти. Гораздо предпочтительней вместо разоблачения «происков» «фальсификаторов истории» прорабатывать «трудные вопросы» истории и формировать правовое отношение к преступлениям против человечности. Именно так возникает обмен знаниями между поколениями, создаются подлинные пространство памяти и исторический ландшафт страны.

Геннадий БОРДЮГОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как это ни парадоксально, но времена общественных сдвигов и изломов – самые для историков благодатные. Обнажаются, подобно геологическим породам на высоком берегу реки после оползня, ходы-выходы, что проделал крот истории в общественном теле, его социальной ткани. Частные признаки, «мелочи примет, каждая – отдельно», попадавшие в поле зрения специалистов и ранее, предстают как взаимосвязанные элементы открывшейся разом картины. Завораживая своими величием и многообразием, она сама по себе и становится заглавным объектом внимания и истолкования.

Нечто подобное наблюдается в сообществе историков относительно современной историографической ситуации, отмеченной процессами институционализации и активизмом национальных историографий. Они доминируют сегодня в официальных учреждениях и системах образования стран СНГ и Балтии. Научные центры и университетские кафедры нередко становятся местом культурно-национального самоопределения специалистов, проявления их этнонациональных пристрастий, не сдерживаемых идеологическими обязательствами.

Эта новейшая «смена вех» характеризуется освобождением национального историознания от диктата

державно-имперской, великорусской традиции и утверждением модели «национальной концепции» истории вновь возникших государств или полугосударственных образований. На этом фоне разворачивается процесс конституирования и собственно русской историографической школы. В сложносоставном содержании этого процесса наиболее заметно проявляются две тенденции. Во-первых, определённая часть специалистов привержена подходам, укоренённым в системах либерального мышления. В историописании и учебно-педагогических практиках это оборачивается ориентацией на некий концептуальный «треугольник»: «цивилизационный подход – теория модернизации – идеи «школы тоталитаризма»». Во-вторых, формируется устойчивая линия новейшей историографии, представляющая собой инвариант великорусской традиции, той же позиции «старшего брата» в «семье народов». При всех различиях в идейно-политических пристрастиях, которые демонстрирует это направление историознания, в целом оно ориентируется на российскую консервативную идеологию, с позиций которой патриотическая идея трактуется «в откровенно националистическом ключе» (1).

В любом случае на протяжении последних 20 лет историографическую науку в странах СНГ и Балтии отличает усиление этноцентризма – исследовательского подхода, для которого характерны сочувственная фиксация черт своей этнической группы. Вплоть до выделения этнонационального фактора в качестве основного критерия исторического познания.

Историки, если они и обращаются сегодня к «параду историографических суверенитетов» (далеко не у всех такая возможность в силу известных всем гуманитариям бывшего СССР обстоятельств наличествует), заняты в основном теоретическими разоблачениями «новой», нередко запредельной, мифологии, сличением-различением фактов и сфантазированных историографических образов. Похоже, задача эта не вполне корректная: легенда не поверяется рациональной доктриной.

Поэтому, в частности, авторы книги озадачили себя вопросом о природе и истоках разительных перемен, произошедших в историознании постсоветского времени. Случаются, и нередко (в жизни, политике, теоретических заглядах), такие повороты и превращения, смысл которых высвечивает присловье «шёл в комнату – попал в другую». Социальная прогностика здесь не исключение. В своё время, по итогам схватки за «ленинский кафтан» в большевистских верхах, была буквально демонизирована теория «перманентной революции» Троцкого, являвшаяся по сути разновидностью ленинской концепции революционного перехода от капитализма к социализму в мировом масштабе как эпохи классовых битв «по всем фронтам». Идея непрерывной революции мешала сделать легитимным произведённый размен революционного интернационализма и жертвенности во имя «дела всесветного пролетариата» на державно-бюрократическую стабильность и привилегии.

Между тем стоявший в теоретическом отношении на голову выше других вождей большевизма «про-

рок революции» уловил, схватил – вопреки своему замыслу – важнейшую черту, присущую постреволюционному обществу. Путь российского социума в XX столетии – это череда перманентных революционных потрясений и сопутствовавших им конфликтов. Истоки «революции сверху» рубежа 20–30-х годов – в столкновении госмонопольной системы с хозяйственной самостоятельностью крестьянских общин. Кадровая чистка 1934–1938 годов, разрешала противоречия между «старой гвардией» и «новыми» элитами. Ultima ratio сталинизма – «культуркампф» 1946–1953 годов – явил миру пароксизм скорее именно сталинского, а не сталинистского, большевистского, курса на достижение социоэтнокультурной энтропийности общества. «Антивождистская» революция 1964-го поменяла «коренных» и «пристяжных» в системе взаимоотношений верховной котерии и аппарата...

Здесь, в этих временах, нужно искать предпосылки своего рода термидора, произошедшего в историческом познании некогда единого советского Отечества.

С распадом СССР и образованием новых государств люди стали пересматривать прежние представления о самих себе, столкнулись с сосуществованием старых и новых идентичностей, в том числе национальных. Это вызвало кризис самосознания и далеко не всегда рационально контролируемые политические проекции, связанные с отрицанием *ancien régime* и его политической и социокультурной системы. Известно, что когда представители той или иной нации размышляют о своей истории, им тяжело го-

ворить на одном и том же языке. И дело не только в интеллектуальной борьбе за приоритетное право на престижное наследие или в замалчивании позорящих страниц. В различные эпохи национальной жизни выступают на передний план определенные аспекты, отбрасывая из прошлого то, что соответствует её, этой эпохи, духу.

Сразу после 1991 года повсюду проявились тенденции к героизации, удревнению своей государственности, завышению уровня политического и общественного развития этносов, вообще самоутверждению за счет соседей, созданию модифицированного пантеона выдающихся национальных деятелей. В России некоторые историки стали усматривать преодоление кризиса идентичности в возвращении к «русской идее», в Таджикистане отдельные учёные начали размышлять над причинами и последствиями того «вольнодумства», которое результировалось в негативистской саморефлексии: «Мы ни то, и ни это, и ни третье». На Украине «болевой» оказалась проблема этногенеза украинцев и места в нем Киевской Руси, в Молдавии – запутанность исторических отношений основного этноса (молдаван) с Россией и Румынией, а в Армении заговорили о «карабахизации» своей национальной истории.

По сути, оппозиция «своё/чужое» нередко возводилась в нечто непримиримое. Диалогические отношения (в смысле Бахтина), когда «чужая» культура в глазах другой раскрывала себя полнее, а соприкосновение одного смысла с другим показывало глубины обоих, стали деформироваться. Это являлось по-

следствием, с одной стороны, той политики, которая сопровождалась отрицанием у другого народа «своего» прошлого и, с другой стороны, разрушением исторической памяти. Дало о себе знать стремление заменить советским – «интернациональным» – пластом истории национальные традиционные картины мира и одновременно распространить идею якобы русского превосходства. В национальных историях явились скрытые и открытые формы отчуждения от русской истории и культуры, возникла даже мания этновеличия.

В первое десятилетие XXI века условия для исторического описания на постсоветском пространстве усложнились. Произошли первые постсоветские «цветные революции» с харизматическими провайдерами и первая война между бывшими республиками СССР с трагическими последствиями. Появились новые независимые государства и новые границы. Военные и экономические конфликты вышли за пределы постсоветского пространства, стали дополнительным свидетельством того, что довольно быстро складывается иная конфигурация, не связанная с однозначным доминированием какой-либо страны среди заново образованных государств. Наоборот, появляются новые арбитры при осложнении межгосударственных отношений и новые богатые спонсоры в контексте экономического кризиса. Одновременно растет и роль независимых интеграционных институтов, в том числе в гуманитарной сфере, в продвижении новых научных проектов.

Кризис государственности в ряде стран СНГ и одновременно поиск собственных путей развития народовластия, не связанных с продлением полномочий одного лидера, очевидное завершение процесса формирования собственной государственности потребовали новых программ и проектов по изучению и репрезентации истории. Это связано как с опасностью дезинтегративных тенденций, так и с воспроизводством идентичности, сохранением её главной основы – исторической памяти и национальной культуры. Поэтому ведущая роль в создании национальных историй перешла к политической элите, заинтересованной в инструментализации прошлого для реализации определенных политических целей, в том числе для укрепления независимого статуса новых государственных образований.

На всём постсоветском пространстве на государственном уровне стали формулироваться задачи исторической политики и политики памяти, что связано с сохранением и развитием языка, национальных духовных и материальных ценностей, государственной школы обучения молодого поколения. Подконтрольные власти СМИ, система образования и издание учебной литературы – в зависимости от характера внешнеполитических ориентиров вообще и двусторонних межгосударственных отношений в частности – выпячивали то одни, то другие образы в представлении общей истории своих соседей. Диапазон для этого был довольно широким, хотя и не новым – «враг – чужой – другой – иной – друг – брат». Однако выстраивание взвешенной внешней политики предо-

пределило переход к созданию образа прошлого страны, который бы способствовал стабилизации, нормальным отношениям с соседями, который был бы свободен от излишней политизации. Безусловно, это не означало, что исчезло стремление правящих элит отойти от общей истории, связанной с Российской империей и СССР, что история перестала быть инструментом политики. Во всяком случае, режимы власти, установившиеся в последние пять лет на Украине, в Грузии, Эстонии и Латвии, в определённые критические моменты тенденциозно освещали трагические моменты истории, надуманно взвинчивали ситуацию вокруг памятников и памятных знаков, что нередко вызывало раскол общества. Возникли невиданные для постсоветского пространства определения – «война памятников», «война памяти».

Работа в контексте инструментализации прошлого, с одной стороны, и время от времени возникающих «войн памяти» и «информационных войн» – с другой, поставили перед историками серьёзные вопросы. Что делать? Гасить эти войны? Создавать новую идентичность на «счастливой истории» и только так, игнорируя трагические события, воспитывать молодежь? Чем вообще отличаются национальные картины прошлого и почему? Какие модели национальной памяти преобладают сегодня в массовом сознании? Какие перспективы впереди – апология почвы, облечение мифов в национальную оболочку, или возвращение профессиональной историографии на подобающее место? Продолжится ли дифференциация историков по национальной принадлежности или всё-таки на основе научной позиции?

Особенности эволюции национальной исторической мысли, формы её выражения сначала на фоне развития господствующей (тоже в основе национальной, великорусской) историографии, а затем экспансии этноцентризма, проблемы национальных историографий и национальных культур воспоминаний, состояние научного сообщества историков в советское и постсоветское время находятся в центре внимания авторов этой книги.

Авторы искренне благодарят всех, кто способствовал работе над этой книгой:

участников проекта «Национальные истории» первого (1998–1999 гг.) и второго (2008–2009 гг.) призывов;

Алана Касаева, который на протяжении 12 лет будучи зам. главного редактора «Независимой газеты», «Политического журнала», а ныне Руководителем Редакции по странам СНГ и Балтии РИА «Новости» всячески способствовал продвижению результатов нашей сложной темы в СМИ;

профессора Карла Аймермахера и господина Фалька Бомсдорфа, без интеллектуального вклада и усилий которых данная проблема в России еще бы долго оставалась на периферии исследовательских интересов;

Дмитрия Андреева, Дмитрия Люкшина и Татьяну Филиппову, чьи ценные замечания с признательностью учтены в тексте;

Сергея Щербину – за оформление, поиск и подбор иллюстраций;

Наталью Иванову – за научно-вспомогательную работу.

Глава 1

ЭТНОЦЕНТРИЗМ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

Для уяснения складывающейся историографической ситуации в странах СНГ и Балтии нужно прояснить её природу. Этноцентризм исторического познания, впервые явленный миру в образе европоцентризма, – собственно, ответвление национально-государственной (культурно-геополитической) идеи. Она предстаёт в виде теоретической санкции на конструирование нации и защиту её места под солнцем в эпоху перехода европейских сообществ от традиционализма к техноурбанизму. Истолкование субъектов, используемых в процедуре социально-культурной идентификации («народ», «нация», «белый человек», несущий «бремя» мирового культуртрегерства, и проч.), исторически зависело от определения другого как «врага». По мере удаления во времени от своего прототипа, относящегося к эпохе Великой французской революции (первая буржуазная – французская – нация слагалась из «патриотов», противостоящих супостатам; впрочем, идея нации была измыслена «на вырост» и французская нация в конце XVIII века являлась, скорее, политическим воображаемым), нацио-

нальная идея может и понижать градус ксенофобии. Однако её размещение в формате «мы – другие» остаётся неизменным.

Тематизированная философия истории и научная историография – продукты Нового времени – генетически связаны с национальной идеей. Она обеспечивает конституирование и оснащение принципиальными смыслами историзирующее культурное сознание. Сообщает ему функциональность. Удерживает его в состоянии равенства самому себе. Официальная европейская историография демонстрирует европоцентризм, квалифицируя характер взаимоотношений Европы с народами Азии – Африки – России.

Синкретический «евровзгляд» расщепляется в национальных историографиях, когда те приступают к рассмотрению внутриевропейских дел. Создаваемая под эгидой нации-государства история не принимает в расчёт разнообразные политические «этнические общности с того момента, как они включаются в состав того государства, которое их поглощает» (2). Рационально-феноменальная доктрина, производная позитивистской культуры, системообразующую роль национально-государственной презентации в историознании не улавливает.

Несовпадение фаз европейского «транзита», модернизационные срывы порождают гибридные и превращённые формы этнических национализмов. В нацизме и его философско-исторических «видениях» своеобразно сопряжены почвенное антизападничество и белый расизм германфильского толка. К ним примешаны отредактированный для бюргера комму-

нистический утопизм, языческая концепция цикличности истории (обновление через хаос – национал-социалистическую революцию и экспансию «арийской расы»), научный рационализм (созидание целоположенного «нового порядка»), обращенный здесь против своей прародительницы – иудейско-христианской культуры. Всё же определяющим мотивом этой идейно-теоретической какофонии является национализм: социалист с позиций гитлеровского социализма – тот, кто готов рассматривать цели нации как свои собственные, потому что для него нет более высокого идеала, чем благосостояние нации.

Другая версия социализма – марксизм – может быть истолкована в виде реакции космополитически ориентированной части интеллектуалов, озабоченных бедствиями социальных аутсайдеров эпохи «фабричных труб», на жёсткие общественные практики национальных капиталов и государств, обустроивающих собственные культурно-политические цитадели в ходе формирования новых мироотношений. Логика национально-государственного развития весомее аргументации социального экуменизма. Дело «всесветного пролетариата» оказалось в заложниках национальной мистерии. В годы Первой мировой социал-демократия поддержала свои правительства. Советское руководство обратилось к великорусской державной идее, прикрытой интернационалистской риторикой. Отечественная история вновь предстала, в соответствии с традицией имперской историографии, как преимущественно история русского национального государства.

Либерально-демократические традиции западной науки, корпоративный этос научного сообщества, предписывающий избегать влияния политической и идейной конъюнктуры, подкрепленные процессами социально-культурной интеграции внутри западного мира во второй половине XX века, во многом обесценили этнонациональные предпочтения в историографии. Те или иные ученые, апеллируя к состоянию современного западного историознания, в том числе к опыту собственного творчества, могут – и вполне искренне – отводить упреки в этноцентризме «своих» историографий. Однако об этноцентризме как родовой мете исторического знания нельзя судить, обращаясь к изыскам иного знатока средневекового города.

Этноцентризм – вензель всей национально-государственной историографии. Он явственно обнаруживает себя в школьных и вузовских учебниках, энциклопедической литературе как бы в обезличенной форме: авторство учебника и энциклопедии, этих сконструированных сводов исторических сведений, – понятие, как правило, весьма условное. Не меньше этноцентризм говорит о себе тем, о чем он умалчивает. Скажем, в немецких историознании и исторической публицистике только со второй половины 90-х годов минувшего века стала более открытой дискуссия о Третьем рейхе. Освещаются вопросы, которые до того были не в чести у литераторов: об участии частных лиц в антисемитских преступлениях, о жестокосердии солдат и офицеров вермахта в отношении гражданского населения в 1939–1945 годах.

Актуализация проблемы этноцентризма исторического сознания на опыте российской историографии XX века предполагает учёт особенностей этносоциополитической ситуации российского сообщества и характера её эволюции. В отличие от Запада, Россия и регионы бывшего СССР переживают период национально-культурной трансформации. Особые затруднения встают на пути исследователя, намеревающегося обратить свои взоры на проявления этнонационального сознания в историографии советского периода. Проблема эта, несмотря на её теоретико-познавательный потенциал, выделение этнологии и этнологически оснащенной истории в качестве заглавных дискурсов в историческом познании 80–90-х годов XX столетия остаётся в целом не разработанной.

В советское время она или не рассматривалась вовсе, или ставилась в тенденциозной политизированной форме (национальная история как эквивалент антимарксизма либо национал-уклонизма в большевизме). Историческая наука в России и других государствах ближнего зарубежья демонстрирует отсутствие устойчивого интереса к проблеме (будь он сформирован, следовало бы говорить о новом направлении в историознании). Кроме того – иную идеологическую тенденциозность в оценках истоков национально-исторической мысли, перипетий культурно-исторического развития.

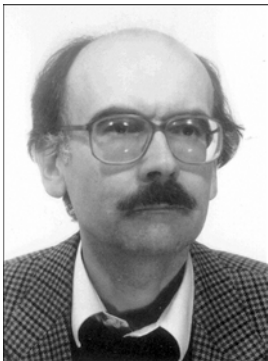
В советологической историографии, развивавшейся под знаком доктрины «школы тоталитаризма», в исследованиях приверженцев которой история и политология практически сливались в единую научную

дисциплину, проявления национальных идей в провинциальной исторической литературе советского периода оценивались в качестве контркультурных форм, которые были практически сведены на нет советским марксизмом, игравшим роль принудительной моноидеологии.

Для современного изучения истории стран СНГ и Балтии, формировавшегося до известной степени в качестве альтернативы ортодоксальной советологии и опиравшегося на «ревизионистскую» критику «школы тоталитаризма» 60–70-х годов, методологию социологически информированной «социальной истории», характерны более широкие проблемно-концептуальные основания. Например, стремление вместо статичной картины «монолитного режима» (3) увидеть в истории Российской империи и СССР противостояние идей и корпоративных сил, многоуровневые конфликты социополитического, религиозного, этнонационального характера.

Возвращение в лоно общеевропейской истории, размещение советского опыта в координатах противоборства консерваторов и реформаторов, включая сферы партийного руководства и идеологии, открывает новые исследовательские перспективы. Одновременно таит в себе опасность теоретического модернизаторства, смешения должного и сущего в освещении истории советского общества, его культуры и науки.

В исследовании А. Каппелера, посвящённом эволюции мультинациональной империи, констатируется наличие историографических школ отдельных советских

Андреас Каппелер

республик. После сталинских времён они пережили период институционального оформления, разветвления и профессионализации, оставаясь при этом под контролем центра. Национальные историографические школы в Советском Союзе, по мнению автора, имели значительные достижения и серьёзные труды, прежде всего по вопросам социальной и экономической истории. Однако вынуждены бы-

ли избегать острых тем, связанных с завоеванием, подчинением, включением в состав Российской империи, с национальными движениями и национальной политикой. Темы эти оставались за скобками научных исследований или освещались в одностороннем идеологизированном плане (4).

В используемом Каппелером понятии «национальные исторические школы» применительно к местным историографиям присутствует известное преувеличение, если не считать, что понятие берётся в широком смысле и обозначает те группы историков, внимание которых сфокусировано на проблемах истории своих регионов. Но история тех же регионов на основе единых теоретических подходов изучалась и историками «центра» — как правило, в процессе создания ими «обобщающих трудов». Некоторые ре-

гиональные исследования, выполненные местными историками, выходили в столичных издательствах. Это являлось признанием заслуг провинциального историка перед советской наукой – под пристальным оком идеологической цензуры.

Разумеется, отличительная черта национальной исторической мысли, выражение которой ограничивалось постулатами имперского мировоззрения, – сосредоточенность – по необходимости в завуалированном виде – на истории своей этнической группы, её топоса. Однако этот признак ещё не даёт основания для возведения местной историографии в ранг «национальной школы». Такое понятие предполагает существование культивирующих национальную историческую мысль научно-педагогических центров, находящихся под патронажем властей, и, соответственно, наличие этноцентристской «оптики» во всём историческом комплексе. Между тем «просветление» этой «оптики», наведение её «на резкость» усиленно сдерживались посредством того, что Каппеллер называет давлением официальной идеологии, фактически оправдывающей завоевания самодержавного государства. Система науки и педагогики была организована так, чтобы обеспечить эффективность этого идеологического давления.

Кроме того, однозначная постановка вопроса о существовании в послевоенный период национальных историографических школ в СССР исходит, по существу, из допущения, что историки-«нацмены» находились в скрытой оппозиции московским правителям и воспринимали насаждавшуюся «сверху» мо-

дель историографии как антиисторическую и чуждую их национальной культуре. Однако реальная картина значительно сложнее. Стремление к этнокультурной идентификации вполне уживается с коммунистическими взглядами. Об этом свидетельствует социополитическая ситуация в постсоветских сообществах, сделавшая тайное явным. Советско-марксистская доктрина имела своих сторонников и приверженцев среди национальных интеллектуальных элит. Некоторые её представители, в годы национально-государственных реформаций оставшись на «стыдливых» интернационалистских позициях, оказались теперь, подобно первым русским марксистам, в маргинальном положении в системах национального историознания. Последние, напротив, поменяли диспозицию: из контркультурных практик превратились в официальные историографии.

Идеократический советский строй сформировал «вполне определённый тип историка», научившегося воспринимать партийное руководство как нечто естественное и само собой разумеющееся. Более того, сложился «тип историка-партийца, жаждущего данного руководства и чувствовавшего себя крайне дискомфортно без него» (5).

Поэтому применение безо всяких оговорок и пояснений понятия «национальные исторические школы» относительно историографической ситуации в национальных регионах Советского Союза послевоенного времени вряд ли плодотворно с научной точки зрения. Скорее, следует использовать понятие «национальные школы историографии» для характери-

стики историографической обстановки 1920-х годов. В выступлениях участников Всесоюзной конференции историков-марксистов, в рамках которой работала секция истории народов СССР, рассматривались проблемы «современной исторической украинской науки», «армянской историографии». Раздавались призывы к организации коллективной работы «историков-марксистов Закавказья», «дружному союзу украинских историков-марксистов и ресефесеровских историков-марксистов, а также и белорусских историков-марксистов, грузинских и т. д.». Посланцы национальных регионов остро реагировали на «отрывки» великодержавного шовинизма и национального нигилизма, которые они усматривали в «русской исторической литературе» (6).

Историки-марксисты, занимавшие левый фланг национальных историографий, отдавали себе отчёт в том, что ведущие позиции в них продолжают занимать наследующие традиции дореволюционной науки «современные антимарксистские течения». Их представители уличались в том, что «в качестве стержневого вопроса» истории рассматривают «борьбу за национальную независимость» своих народов, против «русификаторской и колонизаторской политики» Российской империи. Или, во всяком случае, «дают материал по национальному движению в такой пропорции», что читатели «видят национальный момент основным» — независимо от подчёркивания автором значения экономических факторов. (Имелась в виду историческая концепция марксизма с присущими ей экономическим детерминизмом и истолкованием на-

ционального вопроса в качестве производного от вопроса социального.)

Другое дело, что в официальной исторической науке послевоенного периода не только не признавалось наличие «национальных школ», но вообще не ставился вопрос об эволюции национальной исторической мысли в советское время. В пятом томе академического издания «Очерки истории исторической науки в СССР», посвящённом развитию советской историографии проблем отечественной истории с середины 30-х до конца 60-х годов XX века, оказавшемся последним актом масштабной историко-научной рефлексии советского историознания в условиях советского строя, выделение национальных историографических комплексов отсутствует. Намёк на некую специфику развития историографии в национальных регионах можно усмотреть в наблюдениях авторов «Очерков», касающихся освещения истории становления советского государства: «Все работы об автономных республиках были написаны местными историками и изданы, как правило, местными издательствами, что стало важным показателем культурного и научного роста исследовательских кадров в ранее отсталых окраинах страны» (7). В издании встречаются термины «историки союзных республик», «многонациональная армия историков», хотя в целом – согласно господствующей историографической концепции – и в центре, и на местах работали специалисты, исчерпывающая характеристика которых содержалась в определении «советские историки». Показательно, что не была реализована заявлен-

ная в предыдущем томе «Очерков» (1966 г.) задача – рассмотреть в «специальном томе» проблемы борьбы с буржуазным национализмом в историографии 1920-х – начала 1930-х годов.

Спустя год после появления последнего тома «Очерков» было опубликовано, как заявлено в аннотации, «наиболее полное историографическое обобщение исследований по истории Украины» (8). Для подтверждения «высокой зрелости» историознания на Украине авторы избирают соответствующую методику: издание предпринято в виде дополнительного тома к многотомной «Истории Украинской ССР». Его разделы повторяют тематизацию, лежащую в основе многотомника. Историографические сюжеты оказываются в роли историографических обзоров, предпосланных позитивному изложению отдельных периодов истории Украины. Тем самым авторы историографического исследования избавили себя от необходимости разработки периодизации украинской историографии в целом, уклонились от обобщающей характеристики её комплексов и полос развития. Критика видных украинских историков – С. Антоновича, М. Грушевского, М. Кулиша – с позиций советского марксизма послесталинского времени «рассыпана» по всему изданию, будучи привязанной к вопросам проблемной историографии. Дореволюционная историография Украины на страницах книги предстаёт как «предыстория подлинно научного изучения истории Украины», развёрнутого советскими историками на основе марксистско-ленинской методологии.

Данный унифицированный подход имеет под собой определённые основания. На них, по сути дела, опираются историки в постсоветское время, продолжая вслед за советской историографией фактически игнорировать проблему национальной мысли советского периода. Эти исходные посылки обнажены М. Геллером: «Советские историки обеими руками писали то, что от них требовали. Это не значит, что они писали всё время одно и то же. Их взгляды менялись в зависимости от решения высшей инстанции, как говорят – колебались вместе с линией партии. Повороты происходили по флотской команде: все вдруг. Кто не успевал повернуться или не совсем правильно понимал манёвр, должен был пенять на себя» (9). Сходные оценки (они касаются всей творческой интеллигенции) выносят А. Белинков и В. Буковский – люди, «отрешившиеся от страха» (10).

Такая ригористическая позиция оплачена драматическими судьбами самих критиков. Однако подобные экспрессивные истолкования феноменов советской науки и литературы следует квалифицировать как проявления морализаторско-психологизированного взгляда на историю и общество, укоренённого не в системе научно-теоретических координат, а в морально-этическом формате. Исторические реалии таковы, что советская историография, как и обществоведение в целом, являли собой интеллектуальное пространство, где разворачивалась борьба групп интересов, сохранялись элементы академической культуры. На этом пространстве прослеживается прерывистая штрихпунктирная линия национальной исторической мысли.

Нельзя не сказать о тех затруднениях в понятийном аппарате, с которыми приходится сталкиваться в ходе анализа проявления этноцентризма в историческом познании в советское и постсоветское время. Понятие «национальная история» в социологическом смысле не означает ничего иного, как систему знаний, сотворённую национальной (принадлежащей той или иной стране) школой исто-

В.К. Буковский

риогрaфии, которая в силу неизбежных обстоятельств культурно-исторического развития демонстрирует тот или иной этноцентризм – локальный или геополитический (европейский, североамериканский, африканский, арабский и т. д.).

Между тем в контексте современного русского логоса, актуальных культурных представлений «национальная история» воспринимается в качестве суммы знаний о прошлом какого-либо этноса, взятого во взаимодействии с его историческими соседями. Такая история организована посредством национальной идеи, обосновывающей культурные и политические притязания руководящих классов. Это относится и к понятию «национальный историк» – понятию, которое вполне определённо звучит как обозначение носителя, контрагента завуалированного

или явного, но отрефлексированного, рационального этноцентризма, имеющего явственную праксеологическую направленность.

Смыслы, привносимые сегодня в понятия «история» и «историк», числящиеся по национальному «ведомству», в немалой степени отражают реальное положение дел. Национальные историки на постсоветском пространстве «переигрывают» историю по сценариям, отвечающим задачам идейно-политического обоснования процессов формирования национальных государств. А в этом серьезном деле научная истина никогда не фигурировала в качестве ценности.

Глава 2

СТИЛЬ – БОЛЬШОЙ, ЭПОХА – СОВЕТСКАЯ

1. Имперская история. Издание второе

Национальная историческая мысль в послереволюционном обществе была легализована и стала обретать организационные формы в связи с вынужденным – в результате столкновения доктрины «штурма и натиска» с реалиями полиэтнической ситуации в стране – обращением большевистского руководства к масштабному политическому регулированию культурно-национальной сферы. Образование СССР и налаживание социальных связей в 20-е годы открыла для части национальных историков возможность возвратиться к своей профессиональной деятельности.

Стабилизация в области культурно-национального развития регионов, условиями которой национал-коммунисты стремились воспользоваться для расширения компетенции своих республик, усиления их влияния в определении стратегических целей социалистического сообщества, не могла устроить большевистские верхи. XII съезд РКП(б) оказался последним (впрочем, как и первым) съездом партии, на котором работала секция по национальному вопросу.

М. Султан-Галиев

Спустя полтора месяца после этого съезда, на котором взяла верх ленинско-троцкистская прагматика, состоялось так называемое Четвёртое совещание по национальному вопросу. Оно было посвящено «делу М. Султан-Галиева». В 1918–1923 годах он являлся одним из самых видных и авторитетных национальных коммунистов. Занимал посты председателя Центрального мусульманского комиссариата

при Наркоме по делам национальностей РСФСР, председателя Федерального комитета по земельным делам, другие управленческие должности. Вполне, впрочем, в соответствии с принципом «личной унии» в обустройстве партийно-государственного руководства – принципом, положенным в основу большевистской кратократии.

«Дело» было сработано в недрах Восточного отдела ГПУ, проводившего широкомасштабную операцию «2-й парламент», своим остриём направленную против национал-коммунистических сил Востока России. Акция в отношении Султан-Галиева, находящаяся в одном ряду с разгромом политической группировки грузинских коммунистов во главе с Буду Мдивани, свидетельствовала о том, что «узкое» большевистское руководство рассматривало (надо сказать,

с полным основанием) политические притязания национальных коммунистических групп в качестве главного препятствия на пути утверждения односторонне субординированной управленческой системы.

К началу 1930-х годов, по мере отсеечения сталинской группой «старой гвардии», для которой идеология коммунизма включала в себя безусловное осуждение с классовых позиций «тёмного прошлого» императорской России, в арсенале большевистского строя отчётливо намечаются два своего рода идеологических стержня: интернационально-классовый и национально-державный. Очевидное противоречие, возникавшее между этими полюсовыми позициями (вопреки доктрине оказывалось, что пролетариат «обретал» отечество ещё до победы своей революции), использовалось для поддержания напряжения в идеологических структурах, в среде партийной и беспартийной интеллигенции.

В ходе «революции, проведённой сверху», социально-политических и идеологических пертурбаций 1930-х годов национально-историческая-иноэтнических групп населения – мысль практически делегитимизируется. Её организационные центры развалены. Она втиснута в прокрустово ложе единого «марксистско-ленинского направления», которое всё более переходило на позиции русского национализма.

Однако для того, чтобы смена идеологии стала фактом политики, началось практическое вживание русского патриотизма в социалистическую идеологию, требовались серьёзные и бесспорные поводы. Ими стали провал расчетов на революционный вы-

ход из мирового экономического кризиса 1929–1933 годов и победа национал-социализма в Германии. Угроза новой войны против Советского Союза неизбежно заставляла опираться на идею патриотизма самого многочисленного в стране народа – русского. Тем более что подвижки в идеологической сфере отвечали логике её эволюции. Утверждавшееся новоперство влекло за собой восстановление русской патриотики в качестве несущего элемента идейной конструкции, обеспечивающей советский унитаризм.

После ленинского Брестского мира и сталинского «социализма в одной стране» в 1933–1934 годах вновь демонстрируется подчинённость большевистской доктрины стратегическим национально-государственным интересам. Трансформация идеологических установок – обращение наряду с использованием интернационал-коммунистического подхода в идеологии к национал-большевистским ценностям – оформляется на XVII съезде ВКП(б). Именно с 1934 года после длительного перерыва идеологические вопросы снова включаются в повестку дня Политбюро. Страна втягивалась в период «Большого террора», нуждавшегося в идейном прикрытии.

Сигналом к разыгрыванию в официальной идеологии государственнической, патриотической карты явилось восстановление в идейно-политической жизни позитивного образа дореволюционного прошлого (11). Этот сигнал был продублирован, но «негромко», в небольшой статье Сталина, доступной поначалу лишь посвященным. Речь идёт о тексте Сталина «О статье Энгельса “Внешняя политика

русского царизма”», датированном 19 июля 1934 года. Только спустя семь лет, в мае 1941 года, он был опубликован в журнале «Большевик». А тогда, летом 1934 года, директор Института Маркса–Энгельса–Ленина при ЦК ВКП(б) В.В. Адоратский предложил генсеку напечатать в номере «Большевика», посвящённом 20-летию начала мировой империалистической войны, письмо Энгельса на имя Иоан Надежды.

Оно было опубликовано за границей в 1890 году под названием «Внешняя политика русского царизма». Сталин отклонил это предложение. При этом счёл нужным прокомментировать «статью Энгельса», оформив свои соображения в виде письма членам Политбюро. Он подверг критике действительно отмеченное своеобразной – революционно-морфной – русофобией отношение классика к внешнеполитической деятельности русского правительства в XIX веке и выдвинул несколько положений, соотносимых с международной и внутривнутриполитической ситуацией середины 1930-х годов.

Сталин последовательно опровергает содержащуюся в материале Энгельса и традиционную для всей леворадикальной российской мысли второй половины XIX – начала XX веков оценку царизма как «мирового жандарма». Так начинается ревизия ленинской интерпретации истории России XIX – начала XX веков. Он проводит мысль о том, что европейским правителям эта роль была присуща в большей мере, чем царской России.

Сами «упущения», «недостатки», «преувеличения» Энгельса предстают не в качестве заблуждений

теоретика, которому изменила марксистская диалектика. Они подаются в виде человеческих, предметно-чувственных реакций автора («статья Энгельса – хороший боевой памфлет», обращённый «против русского царизма»). Этот памфлетист, «встревоженный налаживающимся тогда (1890–1891 гг.) франко-русским союзом, направленным своим остриём против австро-германской коалиции», оказывается, озабочен вовсе не тем, чтобы довести до социал-демократии Европы своё видение ситуации, опирающееся на революционную теорию. Как это полагалось бы вождю пролетарского движения. Энгельс «задался целью взять в атаку в своей статье внешнюю политику русского царизма и лишить её всякого доверия в глазах общественного мнения Европы и прежде всего Англии» (читай: объективно в интересах австро-германского блока).

Оценивая экспрессию Энгельса как национально-культурную по своей природе, Сталин фактически возлагает на него ответственность за санкционирование националистической, антирусской позиции германской социал-демократии в предстоящей войне.

На фоне «увлекающегося» и ошибающегося Энгельса, непоследовательности позиции социал-демократии Западной Европы засверкало новыми гранями величие большевизма как образца тактики для всех. Вопрос, которым задаётся Сталин в предпоследнем абзаце своего текста, о возможности напечатания письма Энгельса в «Большевике» – «нашем боевом органе» – в качестве «руководящей» или хотя бы «глубоко поучительной» статьи звучит риториче-

ски. «После всего сказанного» становится ясно, что тот, кого считали Учителем, этого не заслуживает. Но новый Учитель ставит все точки над «i», завершая свои комментарии рубленой фразой: «Я думаю, не стоит».

В результате сталинского «позиционирования» возникало представление о стране, которая и во времена «царей», «феодалов», «купцов», «прочих социальных групп» выглядела более привлекательно, чем европейские страны. Хотя у них и не было царизма – могучей твердыни общеевропейской и азиатской реакции – они с успехом, в большей мере, чем русское правительство, практиковали «в своей внешней и внутренней политике и интриги, и обман, и вероломство, и лесть, и зверство, и подкупы, и убийства, и поджоги (sic!)». Эти «поджоги», упомянутые в 1934 году, отсылали к поджогу рейхстага – провокации гитлеровских спецслужб. Тем самым становились не артикулированным знаком преемственности «зверства» в европейской истории. В контексте сталинских рассуждений эти представления о вполне пристойной по меркам того времени России прошлой смыкались с видением России сегодняшней, продолжающей свой многотрудный, но достойный путь в истории. Под руководством своего единственного Вождя.

Логика статьи, её пафос и аллюзии явственно направлены на изменение акцентов в описании внешней политики Российской империи, истории Российского государства в целом. На то, чтобы понизить ранг классово-интернационалистской дискурсивно-

сти, сделать её ритуальной. Перенести центр тяжести на национально-аксиологические подходы, апеллирующие к национальным чувствам русских. А также национальных меньшинств, склоняемых посредством депрограммирования их этнической идентичности в направлении осознания ими причастности делу великой страны, державы, её истории, великорусскому конформизму.

Казалось, политический момент как нельзя лучше подходил для обнародования выношенных Сталиным мыслей по поводу русской истории и внешней политики Российского государства. Идеологическая машина большевизма разворачивалась лицом к державным идеям и государственным ценностям, связывая воедино прошлое и настоящее. Однако в 1934 году Сталин свои заметки не опубликовал. Скорее всего, посчитал, что обстановка для этой публикации не вполне сложилась и незачем делать такой крупный шаг к прояснению ситуации. Появление в 1934 году сталинской работы было бы воспринято как знак изменения приоритетов в соотношении «классового» и «патриотического». Между тем достижение полной ясности в идейно-политической сфере не входило в число задач идеологии и политики сталинизма.

Однако та часть партийно-государственного аппарата и историков, которые сознательно или интуитивно рискнули поставить на великодержавие и патриотизм, не ошиблись. Значит, Сталин, пусть и в завуалированной форме, мог и дальше развивать великодержавную концепцию в идеологической системе.

В середине и второй половине 1930-х годов советский марксизм продолжал движение по извилистому пути формирования новоимперской идеологии и историографии. Ариадновой нитью в лабиринте порождаемых идеологическими переменами историографических конфигураций для работников образовательных и научных учреждений служили материалы, вошедшие в советскую историографию под названием «Документы Коммунистической партии и советского правительства о советской исторической науке и её задачах в 1934–1936 гг.». В 1937 году они были сгруппированы в сборнике «К изучению истории», изданном Партиздатом ЦК ВКП(б).

Сборник открывался известным сталинским письмом в редакцию «Пролетарской революции» 1931 года. Затем в нём последовательно были размещены: текст под заголовком «Из постановления Совнаркома и ЦК ВКП(б) о преподавании гражданской истории в школах СССР от 16 мая 1934 г.» (само постановление было опубликовано 16 мая 1934 года в «Правде»); материал «В Совнарком Союза ССР и ЦК ВКП(б)», излагавший текст постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б), то есть решения Политбюро «Об учебниках по истории» от 26 января 1936 года, опубликованный 27 января того же года в центральных газетах; «Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР» Сталина, Жданова и Кирова (реально – замечания Сталина) от 8 и 9 августа 1934 года. «Замечания» были разосланы 13 августа 1934 года членам Политбюро и обоим руководителям авторских коллективов, сформированных в марте

1934-го под эгидой Наркомата просвещения РСФСР, – Н.Н. Ванагу и С.А. Пионтковскому. В сборнике «Замечания» обнаружались впервые.

Затем шли датированные 9 августа 1934 года «Замечания о конспекте учебника по новой истории» за подписью тех же трёх руководителей – Сталина, Кирова, Жданова (фамилия Кирова стояла теперь перед фамилией Жданова; документ за подписью Сталина «Об учебнике истории ВКП(б). Письмо составителям учебника истории ВКП(б)», опубликованный в сборнике без каких-либо привязок по времени написания. Наконец, в издании помещались «Постановление жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3-го и 4-го классов средней школы по истории СССР», появившееся в «Правде» 22 августа 1937 года.

Ключом к пониманию характера развития историзнания в середине и второй половине тридцатых является, безусловно, постановление высших органов партии и государства «О преподавании гражданской истории в школах СССР», выдержка из которого вошла в номенклатуру материалов руководящего сборника «К изучению истории». Как известно, решением, содержащимся в этом документе, в систему начального, среднего и частично высшего образования возвращались курсы истории России и всеобщей истории, в основном заменённые в первые годы советской власти курсом обществоведения.

Собственно, уже в 1932 году, после того, как схлынул пик проработок историков в связи с «Письмом 31-го года» и практически все попавшие под

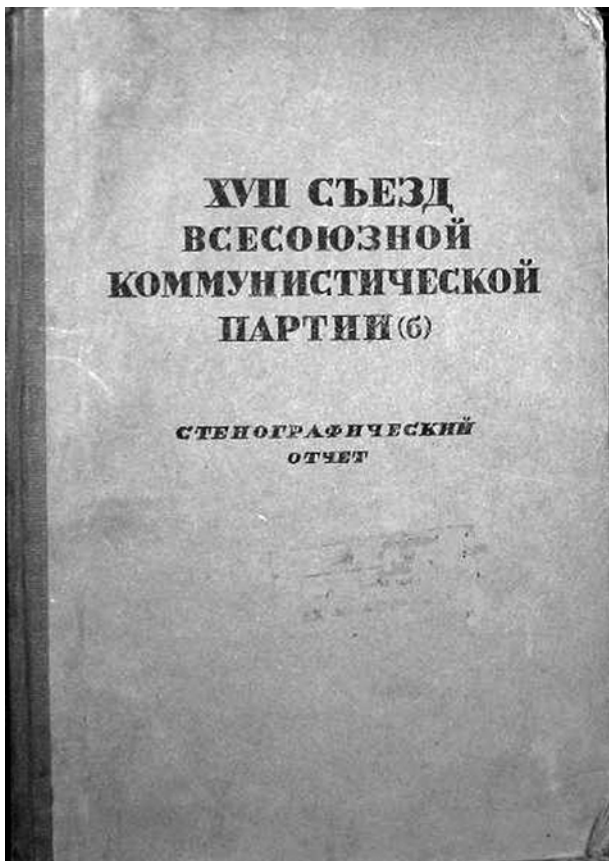
огонь критики публично покаялись, началась работа по созданию «стабильных» учебников истории. Об этом свидетельствует, в частности, принятое 25 августа 1932 года постановление ЦК «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе». Однако придание вопросу о возвращении истории общеполитического и отчётливо идеологического характера произошло только после завершения работы XVII съезда партии. Съезд закреплял курс XVII партконференции на достижение в ближайшее время нового беспрецедентного уровня социальной нивелировки общества – нивелировки, скрепляемой диктаторско-имперскими обручами.

В свете задачи «ликвидации классов вообще» постановка вопроса об «особо значительном хозяйственном и культурном росте», имеющем место «в национальных районах Союза, быстро идущих по пути окончательной ликвидации отсталости», должна была означать стремление к достижению значительных степеней национальной индифферентности и «деэтнизации» инонациональных групп. В связи с этим необходимо было оснастить единую жестко унифицированную систему образования курсом истории, выступающим в качестве звена новоимперской великорусской идеологии.

Обращает на себя внимание словосочетание, вынесенное в заголовок постановления от 16 мая 1934 года, а затем – при его употреблении в самом тексте – выделенное петитом: «гражданская история». Речь шла не просто о восстановлении систематического курса истории взамен неполных и схематизированных

**ХVII СЪЕЗД
ВСЕСОЮЗНОЙ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ (б)**

**СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ
ОТЧЕТ**

исторических сюжетов, излагавшихся в курсах обществоведения. Не только об изменении того положения в педагогике, оценка которого присутствует в документе в виде констатации: «<...> преподавание истории в школах СССР поставлено неудовлетворительно». Нужно было найти приемлемую словесную форму, которая бы, открыто не посягая на марксистскую теорию истории, в то же время ориентировала бы специалистов на державно-патриотические позиции.

Понимание процесса общественного развития в качестве «гражданской истории» не являлось принципиальным вопросом историографии в начале XX века. Само это понятие восходит к возрожденческо-просветительской, секулярной традиции. В её русле происходило вычленение из теолого-исторического мировидения (синтеза Августина, других патристических и схоластических мыслителей) рационально-историоцистского сознания и фундированного им историописания. Последнее и есть то, что называлось гражданской историей. Определение истории в качестве гражданской сохраняет смысл лишь в процедуре различения теологической, священной и рационалистической, профанной концепций истории. В этом смысловом ряду понятие гражданской истории фигурирует у Гегеля и раннего Маркса. В России светское просвещение начинается в эпоху Петра I; с 1708 года по указанию царя книги светского содержания стали печатать упрощённым – так называемым гражданским – шрифтом. В русской высокой культуре рубежа XIX–XX веков выражение «гражданская история» продолжало бытийствовать в качестве

противоположности понятия истории священной, церковной.

Самому Сталину словосочетание «гражданская история» было знакомо с юношеских лет. В учебной программе первых трёх (при пятилетнем обучении) классов Тифлисской духовной семинарии, где он в середине 1890-х постигал азы науки, преобладали светские дисциплины. Среди них – всеобщая гражданская история и русская гражданская история (12). Эта «гражданская история» в документе 1934 года, по существу, отсылала к традиции дореволюционной секулярной историографии, к её позитивному содержанию, складывавшемуся из биографий и хронологии: гражданская история расшифровывалась как изложение важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности с характеристикой исторических деятелей. Сам термин выступал в роли идеологизированного эвфемизма понятия Российского государства.

В постановлении 1934 года речь шла не о преподавании некой гражданской истории взамен социологизаторского историознания времён ленинизма (и история, и социология в наличных системах образования никакого отношения к церковной истории не имели). В действительности предполагалось оснастить образовательные институты политической историей царской России. В аранжировке великорусской идеи. С целью идейно-теоретического обоснования легитимности новой имперской деспотии. Подвёрстывание к документальному комплексу 1934–1936 гг. статьи Сталина «О некоторых вопросах истории

большевизма», известной как «Письмо 31-го года», свидетельствует о том, что эта работа, обслуживавшая в первую голову очередные задачи власти на рубеже 1920–1930-х годов, обладала потенциалом идеологической трансформации – от интернационалистского ленинизма-троцкизма к сталинскому национал-патриотизму (13).

Всё же главной особенностью критических замечаний и указаний, агрегированных в этих документах партийно-советского режима, следует признать их нарочитую противоречивость и многозначность. Полиэтническая идея воссоздания не «русской истории», а «истории Руси» с учётом истории народов, входящих в СССР (включая даже татар, башкир, мордву, чувашей), на основе «марксистского объяснения», конфликтовала с русоцентристскими подходами, утверждавшимися в этих документах, а также с положениями, которые было немислимо представить в боевой марксистской историографии 1920-х – начала 1930-х гг.: о попытках Петра цивилизовать современную ему Россию, о прогрессивном значении введения христианства на Руси и деятельности монастырей и т. д.

Причём это касалось не только содержательной стороны историописания, но и его формы. Постановление от 16 мая 1934 года ориентирует на изложение гражданской истории в «живой, занимательной форме». Постановление жюри комиссии по конкурсу на лучший учебник по истории уже порицает «большинство авторов», которые описывают эпоху социалистического строительства в СССР «больше вос-

клицательными знаками, кликами восхищения и разного рода трогательными анекдотами, песенками и общими характеристиками» (14). Указание на «живую занимательную форму» – в лучшем случае невольная дань традиционным представлениям о пособиях по истории. Эта «форма» никак не вписывалась в утверждавшийся Большой стиль «мужественного оптимизма» и «монументальности», не оставлявший места занимательности и сантиментам. Если их и использовали, то только дозировано и в исключительных случаях. Эта идеологическая и стилистическая неопределённость, кроме того, что она являлась составной частью сталинской политики, в предвоенные годы использовалась для обоснования массовой кадровой «выбраковки» в научной сфере.

Разворот в сторону державно-патриотической идеи обесценивал достижения советской марксистской историографии. Фигура Покровского, являвшаяся символом большевистско-партийной науки, подлежала низвержению с пьедестала. Тем более, что для Сталина, входившего в роль живого классика и основоположника советской науки, был неприемлем канонизированный образ «всемирно известного учёного-коммуниста», «виднейшего организатора и руководителя нашего теоретического фронта» – такие характеристики Покровского содержались в сообщении ЦК ВКП(б) о смерти историка в 1932 году. Вместе с наследием Покровского обрекались на дисквалификацию с позиций национал-большевизма все произведения историков-марксистов. Включая тех, которые начинали работать до 1917 года. Все эти

историки, по сути дела, подпадали под понятие «школы Покровского» – понятие, введенное сталинскими идеологами вполне функционально.

Усугубляло положение марксистских историков то обстоятельство, что, привыкшие оперативно откликаться на изменения политики партии, они в начале 1930-х восприняли содержащееся в докладе Сталина на XVI съезде ВКП(б)

М.Н. Покровский

указание на особую опасность «великодержавного шовинизма», его призывы с уважением относиться к национальным культурам и языкам в качестве признаков вновь формируемой партийной стратегии.

Прямую поддержку национальных историографий выражает поставленная Обществом историков-марксистов задача «создания истории народов СССР руками научно-исторических сил самих этих народов». Это был явный отход от наметившегося в конце 1920-х годов ужесточения идеологической позиции историков центра по отношению к историографиям союзных республик и автономий.

Соответственно усилились нападки на Ю.В. Готье, А.А. Кизеветтера, С.Ф. Платонова и других представителей русской академической историографии как носителей идей великодержавности в историческом

познании. Особую активность проявлял С.А. Пионтовский, один из немногих профессионалов среди первых русских историков-марксистов (он окончил незадолго до революции историко-филологический факультет Казанского университета, был учеником известного провинциального историка Н.Н. Фирсова). За ним с 1928 года тянулся шлейф ревизиониста, подменившего ленинскую концепцию социалистической революции в России теорией «двух революций» в Октябре – буржуазной в деревне, захолустье и пролетарской в городских центрах (15). Демонстрацией своей верности, как ему казалось, партийной интернационалистско-классовой стратегии он стремился загладить последствия критики в свой адрес. Оказалось – набирал «штрафные очки» по системе византийской идеологии сталинизма.

Зигзаг «партлинии» в национальном вопросе в начале 1930-х годов был обусловлен резким обострением в сфере культурно-национальных отношений, являвшихся системообразующим элементом аграрно-традиционалистских укладов инонационального населения. Нажим на массы аграриев-общинников, предпринятый в ходе коллективизации – очередного шага к достижению «той степени развития, когда имеется возможность планировать всё и вся» (16), – обернулся реакцией противодействия нерусских окраин страны. Социальную мелиорацию национальные меньшинства восприняли – причём с полным основанием – как угрозу своей этнической идентичности. Огосударствление аграрного сектора имело своими последствием и задачей маргинализацию и

декультурацию инонационального населения. Наиболее серьезные конфликтные ситуации сложились в Казахстане и Башкирии. Многие грузинские крестьяне бежали в горы. В Татарии и на мусульманском Востоке в целом отмечался подъем «султан-галиевщины».

Тезис XVI съезда о великодержавном уклоне находится в прямой связи с заявлениями о необходимости «решительно бороться с веяниями, тенденциями игнорирования или недооценки единоличного бедняцко-средняцкого хозяйства», содержавшимися в статье Сталина «Головокружение от успехов», постановлении ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении», других партийных материалах того времени.

Коллизии начала тридцатых не могли поколебать далеко идущие замыслы большевистского руководства, обретавшего державно-патриотическую статью.

М.В. Нечкина

С точки зрения общих целей, существенное значение имел курс на развал ленинстской историографии. Он стал осуществляться с конца 1920-х годов по испытанному сценарию «обострения классовой борьбы» – активизации социоконфликтного потенциала тех сообществ и страт, которые становились объектом идейных воздействий или радикального реформаторства. Проработки отдельных специа-

листов или групп обществоведов в ходе организуемых идеологическими инстанциями «дискуссий», перечеркивание наработок историографии российских революций в ходе идейно-теоретического разоблачения теории «двух революций» («двуликого Януса») – преддверия и репетиции масштабной идеологической акции в связи со сталинским «Письмом 31-го года» – всё это совершалось не столько научным истеблишментом, сколько руками самих членов научного сообщества, рядовыми историками, зачастую с привлечением аспирантов и студентов. Социально-профессиональные позиции историков-марксистов были весьма уязвимы. Вместо корпоративной солидарности они демонстрировали готовность к групповым схваткам внутри сообщества «по зову партии».

Своеобразная реставрация подходов русской академической науки, а вернее, одиозного историографического официоза Империи, маргинальных в историописании рубежа XIX–XX веков политически заострённых интерпретаций российского исторического процесса в духе национальной правой во второй половине 1930-х годов сопровождалась безудержным развенчанием «школы Покровского», а подкреплялась физическим устранением подавляющего большинства историков-марксистов «первых призывов».

В ходе обсуждения известного доклада А.В. Шестакова в Институте красной профессуры «Методы и приёмы вредительской работы на историческом фронте» 31 октября 1937 года М.В. Нечкина упрекала «школу Покровского» в отсутствии «чувства Родины». В обличительном запале она договорилась до того, что «теория Покровского белофинская», согласно которой «в жилах русского народа течет финская кровь». В процессе просмотра стенограммы этот пассаж был вычеркнут (17). Финская тема в 1930-е годы звучала на разные лады в идеологических упражнениях, отражая одно из направлений внешнеполитических устремлений советского правительства. Руководство Марийской автономии сочло за благо отмежеваться от нежелательного и опасного родства языка мари («восточных финнов») с языком основного населения Финляндии. На областной партконференции в 1934 году Марийский обком ВКП(б) обнародовал своё заключение-предупреждение: «Как преподаётся в пединституте история мари, марийского языка? Увязывается вопрос марийского языка

с другими, говорится о родственной связи мари с финнами, венграми и т. д., и т. п. Мы не можем допустить, чтобы кафедры высшей школы превратились в кафедры пропаганды буржуазных мнений или людей, которые отражают линию контрреволюционных интеллигентов». В соответствии с этой установкой было сфабриковано дело «федералистов», которые стремятся к созданию «Федерации финно-угорских племён под протекторатом Финляндии», или «Великой Финляндии» (18).

Те из учеников и коллег Покровского, которым позволили остаться в обновленной историографии, расписались в своей полной лояльности, приняв участие в двух сборниках статей, изданных в 1939 и 1940 годах. Эти издания знаменовали отлучение Покровского от историографии советской державы. Сами их названия говорили об окончательном «приговоре» по «делу» некогда всесильного историографа – «Против исторической концепции М.Н. Покровского» и «Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского». Оснащение фамилии Покровского его инициалами в заглавиях сборников («врагам народа» имена и отчества при упоминании их фамилий не полагались) всё же проводило незримую черту между «бандой фашистских прихвостней» – имиджем «старой гвардии» большевизма второй половины 1930-х годов – и Покровским, которому суждено было умереть в своей постели. Этот политиканский штрих потребен был, верно, для негласного обоснования того, что некоторые из близких Покровскому людей продолжали служить советскому

государству. И того, что прах Покровского упокоен в Кремлёвской стене.

Обновлённая историческая концептуалистика предполагала иное структурирование поля исторических изысканий, изменение иерархии проблем исследования. Ключевое значение приобретала агиография наиболее значимых фигур русского автократизма. Особенно много внимания стало уделяться в исторической науке и художественной литературе отображению времени Петра I. Образ титана, преобразователя, с помощью «дубинки-погонялки» боровшегося за преодоление отсталости России, поддерживался сталинским руководством. И главное – проецировался на фигуру Сталина, всё более возносившуюся над простыми смертными. С середины 1930-х годов историографию поразила очередной для русской исторической мысли, но небывалый по размаху «приступ историографического кошмара» (19) – апологетики Ивана IV. Приступ, отразивший личные симпатии Сталина к этому историческому персонажу (20).

В общественно-политические кампании вновь стали превращаться исторические юбилеи. В число приоритетов историографии вошли проблемы военно-политической истории. Прославлялись победы русской армии, проводилась мысль о прогрессивном значении национально-освободительной борьбы русского народа, превозносились достоинства русских полководцев. Стали подчёркиваться прогрессивный характер процессов «собирания земли русской», формирования «ядра русского централизованного государства», создания «великой державы».

Восстановление исторической преемственности между Россией старой и Россией новой и одновременно удержание интернационалистических и классовых принципов создавало весьма эклектичную картину. Ни Сталин, ни ведущие идеологи режима на протяжении 1930-х годов не были склонны разъяснять «альфу» и «омегу» содержания государственной идеологии. Не случайно те, которые наблюдали в эти годы СССР со стороны, испытывали растерянность и недоумение. Для них «лихорадка патриотизма» в советской идеологии и науке была неожиданной. Некоторые немецкие авторы поспешили заявить, что русский элемент вновь возобладал в Советском Союзе, поскольку жизнь сильнее непрактичных теорий. Сталин – русский революционер и патриот, лишённый устремлений к мировой революции. Происходящее в Советском Союзе имеет мало общего с теориями Карла Маркса.

Некоторые литераторы намекали на существенное сходство между событиями в России и Германии: ведь восторжествовал же в обеих странах «вождизм» («Führer-prinzip») (21). Сотрудники «Антикоминтерна», специального ведомства Имперского Министерства народного просвещения и пропаганды Третьего рейха, выступили против подобных толкований: «Мы самым решительным образом отвергаем какие-либо попытки провести параллели между большевизмом и национал-социализмом» (22). Насаждение Москвой державно-патриотической идеи это ведомство изображало как стремление «мобилизовать народы Советского Союза на борьбу за мировую рево-

люцию путем злоупотребления их национальными патриотическими чувствами. Разумеется, перемены есть, но они объясняются лишь характерной для евреев бесчестностью. Эволюция большевизма в направлении к национальному государству невозможна по той простой причине, что Россия – еврейское государство, а еврей не может превратиться в арийца» (23).

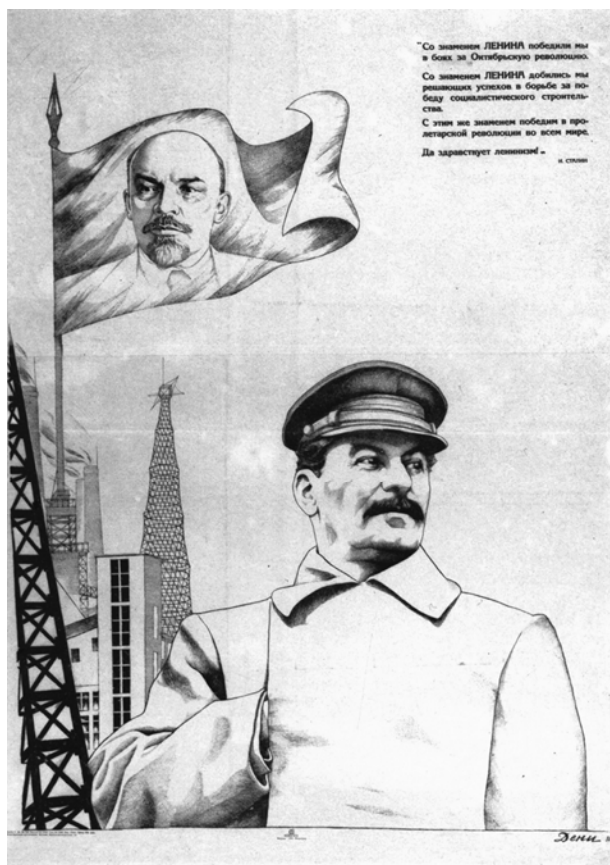
Если отвлечься от характерного для нацистской риторики отождествления мирового еврейства и большевизма, то основания для сомнений в отношении переориентации советской идеологии были. Хотя бы потому, что эти перемены происходили под знаком большевистских, революционных ценностей. Восстанавливались прежде всего имена и авторитеты, которые не нарушали социально-культурного фона советской эпохи. Переиздавались труды «революционных демократов», иные духовные авторитеты и пласты русской культуры XIX – начала XX века фактически оставались под запретом. Для Сталина сохраняла силу ленинская негативная оценка Достоевского, не жаловал он и социалиста Герцена.

Пик идеологических непрояснённостей приходится на 1939–1941 гг. Прекращается изображение историками и литераторами прежней России как «тюрьмы народов» – тем более что требовалось снять с «идеологического тормоза» проблему присоединения к СССР Бессарабии, части Польши, Прибалтики и др. Несмотря на восхваление в прессе советско-германской дружбы, патриотизм и антифашизм не исчезают совсем как темы и подходы. В та-

кой обстановке родились запросы редактора журнала «Интернациональная литература», озабоченного формированием направления издательской политики, – сначала, в сентябре 1939 года, в Союз писателей, затем, в ноябре 1939 и декабре 1940 годов, – в ЦК ВКП(б). Дело кончилось проверкой работы журнала и обвинениями редакции в «упрощённой агитации» и сохранении «антифашистского духа» (24).

В 1941 году в майском номере «Большевика» Сталин наконец-то публикует свой текст «О статье Энгельса “Внешняя политика русского царизма”». Эта статья логически завершала идейную конструкцию, содержащуюся в документах 1934–1936 годов, делала более явственной её характер. Баланс между классово-интернационалистским началом и державно-патриотическим подходом заметно изменялся в пользу последнего. Кроме того, исторические параллели и экскурсы, к которым прибегал Сталин (например, там фигурирует Наполеон, образ которого ассоциируется с сокрушительным крахом завоевательной политики в отношении России), актуализировались в обстановке прямой военной опасности. Наконец, уже никто и ничто не могли помешать вождю поставить себя в один ряд с классиками. При этом он оставлял поле для идеологического маневрирования – отказался от введения понятия «сталинизм» в значении «ленинизма сегодня». Ограничился персонифицированной передачей «эстафетной палочки» – «Сталин – это Ленин сегодня».

Ситуация в идеологии не была доведена до состояния ясных истолкований и установок и после

1941 года, когда произошло окончательное оформление национал-большевистской переориентации идеологии. Однако в годы войны называют и более существенные перемены. Поначалу великодержавный национализм был поставлен на службу активизации патриотических чувств всех народов СССР. Понятие «Родина» отождествлялось с СССР, а не только с Россией. Слово «русский» выступало синонимом слов «советский», «социалистический», «глубоко интернациональный». Доминировала версия общенародного, концентрирующего в себе национальные чувства всех народов СССР патриотизма. По мере достижения успехов на фронте начинается реструктуризация патриотического синкретизма. Ряду народов было отказано в патриотизме. Выстраивается иерархия значимости его проявлений у различных этнических групп, проживающих в стране. Эта дифференциация патриотизмов служила идеологическим обоснованием крупномасштабных акций политико-демографического (депортации народов) и культурно-национального (новое пресечение ростков национального сознания в историографии и литературе) характера, которые предприняло сталинское руководство, воспользовавшись атмосферой воюющей страны, поражённой шпиономанией и психозом уличения предателей.

В ряду самых заметных идейно-политических акций последнего периода войны – постановление ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 года «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации». В нём

осуждалась идеализация местными историками Золотой Орды и популяризация тюркского эпоса об Идеее. Однако этим постановлением дело не ограничилось. В самом начале октября 1944 года в ЦК неожиданно всплывает вопрос, связанный с публикацией в казанском журнале «Совет Эдэбияты» ещё осенью 1940 года сводного варианта эпоса «Идегей» и статьи писателя Н. Исанбета «500-летие татарского народного эпоса – дастана Идегей».

В записке, подготовленной Г. Александровым и М. Иовчуком секретарю ЦК Г. Маленкову, с явным неудовольствием сообщалось о том, что номер этого журнала с начала 1941 года широко распространился в Татарии. Герой эпоса стал популяризироваться как герой татарского народа, хотя «он совершал опустошительные набеги на русские города и селения, увёл в рабство десятки тысяч русских людей». Попытки некоторых историков Татарии провести разграничительную черту между Идееем историческим и Идееем – героем эпоса, смягчающее остроту вопроса заключение Бахрушина и Толстого о том, что это произведение не является эпосом какого-либо одного из народов Советского Союза, явно не удовлетворили авторов записки. Они предложили Маленкову следующий вывод: «Стремление некоторых татарских литераторов поставить эпос в один ряд с величайшими произведениями устного творчества народов СССР ничем не обосновано, так как эпос этот отражает далеко не прогрессивные исторические события. По своим идейным качествам он не может идти ни в какое сравнение с «Давидом Сасунским»,

«Калевалой» и другими, так как воспевают агрессивное государство – Золотую Орду, проводившую захватнические войны» (25).

Точка зрения авторов записки довольно быстро приобрела директивный характер. 28 ноября 1944 года бюро Татарского ОК ВКП(б) приняло постановление о статье Н. Исанбета. Автора резко осуждали за «ошибку националистического характера» – «извращение истории татарского народа».

О том, какое значение придавалось в идеологических аппаратах Кремля золотоордынской теме, говорит и организованная по следам «антиордынских» постановлений сессия Отделения истории и философии АН СССР. Она была проведена в 1946 году совместно с Институтом языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР, существовавшим с 1939 года (до постановления ЦК 1944 года он именовался Татарским институтом языка, литературы и истории). Авторитетом высшего научного учреждения страны была подкреплена версия, согласно которой казанские татары являются прямыми потомками камских булгар, и отринуту представление об их золотоордынском происхождении (26).

Идеологической машине большевизма не откажешь в точном выборе целей. История отношений Руси со Степью, монголо-татарского ига, соответственно, взаимоотношений Московии с возникшими после распада номадического образования Чингизидов тюркско-мусульманскими государствами на территориях от Волги до Крымского полуострова является не только достоянием историографии. Она весомо

представлена в памяти поколений. Сплотка «русский–татарин» (инвариант: «русский, православный – восточный человек, мусульманин»), присутствующая в историческом сознании в виде невралгического узла, обслуживает процессы этнокультурной идентификации народов на всём срезе социума. От низов до интеллектуальных и политических элит. Легенда Золотой Орды в тюрко-татарской ментальности «отвечает» за идею «возрождения» культуры, языка, политической жизни, государственности, наконец. В восточно-славянских культурных архетипах ордынец, ассоциируемый в Новое время с понятием «татарин», остался смутным воспоминанием о враге, басурманине, посягающем на этнокультурные основы и уклад жизни.

Антинациональная направленность была характерна и для знаменитых «дел», связанных с коллективными трудами «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней» (редакторы А. Панкратова и М. Абдыкалыков) и «Очерки истории Башкирской АССР». ЦК КП Казахстана, отчитываясь перед Москвой за состояние идеологической работы в Казахской партийной организации, поспешил – в свете итогов известного совещания по проблемам исторической науки (май–июнь 1944 года) – осудить односторонность оценки присоединения Казахстана к России. Историки обвинялись в том, что они не учли исторической обстановки, сложившейся в Казахстане в момент его присоединения к России, и «не показали по-настоящему прогрессивное значение вхождения Казахстана в состав Российской империи». Не

провели четкое разграничение между «подлинными национально-освободительными движениями казахского народа» и «разбойничьими набегами казахских султанов и феодалов» (27).

Однако все старания казахских аппаратных работников упредить критику не помогли. Специальная проверочная комиссия из Москвы вынесла довольно жесткое заключение. В справке для Маленкова «Об ошибках и недостатках в идеологической работе в партийной организации Казахстана» члены комиссии не только повторили критические замечания казахских коллег, но и добавили к ним ещё изрядное количество других замечаний.

Между тем совещание историков 1944 года не придало легитимности каким-либо внятным характеристикам процессов территориальной экспансии Российской империи. Партийное руководство в лице Маленкова, Щербакова и Андреева не поддержало критику Тарле, Ефимова, Бушуева, Аджемяна в адрес Панкратовой, которая, по их разумению, потакала националистическим тенденциям (сочинители «истории Казахской ССР поставили под сомнение формулу о «наименьшем зле» применительно к факту завоевания царизмом Казахстана»). Однако и не дезавуировало взгляды этих историков, которые Панкратова расценивала как умаление классового подхода к истории, протаскивание под флагом патриотизма устарелых дореволюционных оценок. Хотя общий настрой идеологов секрета не составлял – в очередной раз акцентировалось внимание на великорусских державных приоритетах.

Явное предпочтение отдано великорусско-державному подходу в программных записках, которые в 1944–1945 гг. подготовили руководители идеологических и образовательных структур в связи с перспективами послевоенного развития страны. В.П. Потемкин, с 1940 года занимавший пост наркома просвещения РСФСР, направляет Жданову перечень основных проблем, заслуживающих постановки в «Большевике»:

В.П. Потемкин

«Использование наследия самобытной русской прогрессивной педагогики, внесшей значительный вклад в сокровищницу мировой педагогической мысли.

Борьба прогрессивной русской педагогической мысли с реакционными направлениями зарубежной, в частности, прусско-немецкой и фашистской педагогики.

Самобытность русской культуры и её мировое значение.

Русская культура и её вклад в сокровищницу мирового научного знания.

Общечеловеческое значение русского искусства» (28).

Подобные программы для других областей знаний разработали и тогдашние идеологи «второго ря-

да» – Федосеев, Пospelов, Москалев, Городецкий, Толстов, Кузьмин, Хромов, Козлов, Кузьминов, Галактионов, Трайнин, Коштойац, Максимов, Кошелев, Матюшкин. Среди всех этих записок некоторая «взвешенность» присутствовала лишь у П.Н. Федосеева, который в одном из пунктов своего материала отметил: «Коренной вопрос современной эпохи – вопрос о классовых и национальных отношениях в общественной жизни. До этого были следующие ошибки: 1) абстрактное понимание классовой борьбы, игнорирование национальных моментов в историческом развитии <...> 2) обособление национального вопроса как самодовлеющего начала в общественной жизни <...>. После войны значение национальных моментов возросло. Но и здесь есть свои ошибки – великодержавный шовинизм и местный национализм <...>» (29).

Трудно сказать, какие разработки достигали стола Сталина. Формально он пока не замечает противоречивых тенденций в разыгрывании государственнической, русской «карты». Однако весной 1945-го года вождь даёт знать о новой стратегии в этнополитической сфере. Своё выступление на приёме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года он построит на восхвалении русского народа как «наиболее выдающейся нации из всех наций, входящих в состав Советского Союза», как «руководящей силы в великом Советском Союзе». До сих пор такая характеристика прилагалась лишь к партии и рабочему классу, но никак не этносу.

«Тост за великий русский народ». Худ. М. Хмелько, 1947 г.

Противопоставление русских другим народам страны преследовало определенную политическую цель. Сталин и его окружение пытались опереться на авторитет русского народа, выступать от его имени, сделав его как бы посредником в своих взаимоотношениях с другими национальностями. В русских как имперском этносе Сталин искал укоренённость своего режима. Но не только. У речи Сталина свои стилистика и словесно-символическое наполнение. Превозносятся некие былинные качества русского этноса – «ясный ум, стойкий характер и терпение». Для славословия в адрес этих мифических русских используются выражения, которым придаётся значение превосходной степени, гиперболизированные обороты. Речь звучит не столько в подобающей случаю политической тональности, сколько проговари-

вается в человеческом измерении. Она организована в виде «тоста за здоровье», что призвано придать ей особую доверительность. Русская культура потребления спиртного включает обострённый психологический момент раскаяния («пьяные слёзы»). Используется и этот активизирующий чувства всепрощения окружающих человека во хмелю приём: Сталин впервые признавал свои ошибки, а не сваливал их на других.

Мистификация достигает предела в пассаже об отношении народа к «правительству»: русский народ в сложнейших условиях не прогнал своё руководство, как бы это сделали другие народы, потому как верил в правительство. Термин «правительство» используется в следующих друг за другом предложениях пять раз, в двух из них он прописан с заглавной буквы, и звучит как «правитель». Как раз в тех местах, где речь идёт о поддержке и вере народа в трудный час. Речь формирует некое мифологическое пространство, в котором заглавная роль принадлежит этнокультурным, а не социополитическим факторам. Его населяет идеальный русский человек – носитель несравненных интеллектуальных и моральных ценностей. Эти же параметры будут положены в основу оценки отрицательных черт его недругов и завистников.

Сталин, говоря его словами, выставил «пробный камень» в масштабной идейно-политической игре, облакаемой не только в форму идейно-политических славословий и выпадов, но и культуртрегерских инвектив. Его наверняка не отпускали тревоги, связан-

ные с возможными неблагоприятными для режима и строя перспективами культурно-национального развития нерусских народов. Война вызвала у них новые приливы чувства этнической самооценности. Породила надежды на послабления в сфере национальных отношений. Их надо было «поставить на место». Так же, как и поколение новейших «декабристов», увидевших в заграничных походах 1944–1945 гг. другую, нежели в советской стране, жизнь. Национальное никак не желало соединиться с интернациональным в его великорусско-советском обличье, о чём сигнализировали и коллизии в историографии. Поэтому следовало, согласно сталинской диалектике, ликвидировать одну из двух противоречивых сторон, привести национально-культурную сферу к общему – великорусскому – знаменателю. Теперь, а не в коммунистическом завтра.

Пройдёт ещё около двух лет, прежде чем разыгрывание великорусской идеи в небывалых доселе масштабах захлестнёт общество, культуру и науку. Сталин, как всегда, «держал паузу». Исподволь готовил политические повороты. Поэтому мы не найдем автоматического отражения этой политической позиции в идеологии. Более того, судя по материалам юбилейной сессии Академии наук в марте 1945 года, казалось, наметилась тенденция минимизации уклонов в сторону национально-государственной идеологии, которые открыто проявились в период войны. В «Перспективном плане» в области истории сформулирована задача борьбы против «попыток <...> огульного, антинаучного восхваления дореволюционного прошлого России».

В августе 1946 года на собрании актива Ленинградской партийной организации по поводу решения ЦК о литературных журналах «Звезда» и «Ленинград» Жданов выступит против возвеличивания писателей дворянского происхождения и некритического расхваливания Чехова, Тургенева, Пушкина, Гоголя, Толстого. Начиная с 1947 года, с неясностями будет покончено. «Холодная война» станет топливом для разжигания новой – уже подготовленной и более опасной – волны национализма, возогнанной до крайних пределов. Одним из ярких её проявлений станет навязчивое разоблачение так называемого космополитизма, развернувшееся с конца 1948 года. Роль метронома в этой кампании сыграла тема «глухой патристичности», аранжированная идеей визионерства «великого русского народа». В фантазмагорических пассажах пропагандистов «всё прогрессивное человечество» оказывалось охваченным чувством «благоговения и уважения к историческому пути русского народа, к его качествам, ко всему совершённому им, в особенности, в течение последнего советского периода его истории, к русским людям сталинской эпохи (30). Главным противником русского, советского патриотизма был объявлен буржуазный космополитизм – прикрытие буржуазного национализма и экспансии англо-американского империализма (31). В борьбе с химерами романтической идеологии мирового согражданства (её усечённо-радикальной версией выступает, собственно, утопия всемирного братства пролетариев) явили себя заглавные идеи и решения «позднего» сталинизма:

О ЖУРНАЛАХ «ЗВЕЗДА» и «ЛЕНИНГРАД»

*Из постановления ЦК ВКП(б)
от 14 августа 1946 г.*

★

**О РЕПЕРТУАРЕ ДРАМАТИЧЕСКИХ ТЕАТРОВ
И МЕРАХ ПО ЕГО УЛУЧШЕНИЮ**

*Постановление ЦК ВКП(б)
от 26 августа 1946 г.*

★

О КИНОФИЛЬМЕ «БОЛЬШАЯ ЖИЗНЬ»

*Постановление ЦК ВКП(б)
от 4 сентября 1946 г.*

★

**ОБ ОПЕРЕ «ВЕЛИКАЯ ДРУЖБА»
В. МУРАДЕЛИ**

*Постановление ЦК ВКП(б)
от 10 февраля 1948 г.*

★

ГОСПОЛИТИЗДАТ • 1952

антиамериканизм как инструмент усиления автаркии; превентивное подавление демократических устремлений интеллектуалов, национальной интеллигенции (за помыслами последней проглядывали намерения национальных политических «элитов» – в транскрипции начала 1950-х годов); новый, фронтальный натиск на инациональные начала в культуре и быту, преследующий достижение небывалой «массовизации» общества. Антисемитизм явился средством перевода антиинтеллектуализма и великорусского шовинизма погромно-инквизиторского сорта на простой язык: программировалась этнокультурная мутация народов. С непредсказуемыми последствиями.

Все без исключения идеологические акции второй половины 1940-х – начала 1950-х годов пронизывают идеи преемственности русской культуры на всех этапах развития Руси/России, а также её ведущей роли в стране и мире. В этом ряду доведённые до абсурда доказательства приоритета русских учёных едва ли не во всех областях науки и техники. Порицание «раболепия перед буржуазной иностранщиной» тех писателей, которые фигурировали в решениях ЦК партии о журналах «Звезда» и «Ленинград». Критика композиторов, содержащаяся в решении ЦК ВКП(б) об опере Мурадели «Дружба народов», за игнорирование «великого музыкального наследия гениальных русских композиторов». Победа мичуринской – советской, русской в своей основе – биологии на известной сессии ВАСХНИЛ 1948 года.

Очередь обществоведов и историков в этой новой идеологической акции наступила летом 1947 года.

«Органами Государственной безопасности раскрыта террористическая группа врачей-вредителей, наёмных агентов иностранных разведок»

В это время Жданов инициировал публичную проработку книги одного из видных деятелей идеологической сферы, руководителя Агитпропа Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии». В 1946 году она была удостоена Сталинской премии, и выбор её в качестве объекта идеологической атаки достаточно неслучаен: Жданов «подставил» Александрова как человека Маленкова (32). Вне зависимости от политических хитросплетений эта дискуссия решала те задачи, которые стояли перед идеологической сферой.

Среди потока схоластических поучений и критических замечаний в адрес Александрова, вся новизна которых заключалась лишь в том, что положения книги поверялись на «истинность» очередным набором руководящих цитат Маркса, Ленина и Сталина, прозвучало – в докладе Жданова – главное: «Умаление роли русской философии». Похоже, Александров не уловил (или не захотел этого сделать?) измышленную Сталиным меру превращения «принципа воинствующей большевистской партийности» (в верности которому глава Агитпропа клялся в ходе «дискуссии») в русскую этнопатриотику. Иначе вряд ли в своём заключительном слове указал бы на необходимость «создать крупные монографические исследования о всех имевших существенное значение учёных в истории философской мысли и в России, и на Украине, и в Белоруссии, и в Грузии, и в Азербайджане, и в других советских республиках». Последовали оргвыводы, в которых наверняка была учтена и «непонятливость» Александрова. Он был

Р. Филоанова

А. А. ЖДАНОВ

ВЫСТУПЛЕНИЕ
НА ДИСКУССИИ

ПО КНИГЕ Г. Ф. АЛЕКСАНДРОВА
«ИСТОРИЯ
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ»

24 июня 1947 г.

★

ГОСПОЛИТИЗДАТ • 1952

резко понижен в большевистской «табели о рангах», заняв пост директора Института философии АН СССР. Его место в Агитпропе занял ставленник Жданова М.А. Суслов, избранный ещё в мае секретарём ЦК ВКП(б). Между тем Сталина уже перестал устраивать и ждановский квазилиберализм. Летом 1948 года правитель возвышает Маленкова и поручает ему руководство идеологией.

Чтобы перебросить мостик от критики философии к утверждению «новых» подходов к историознанию, требовалось найти подходящий объект критики в историографии. Им стала книга профессора МГУ Н.Л. Рубинштейна «Русская историография», которая была издана накануне войны (подписана к печати 31 мая 1941 года) в качестве «стабильного» учебника на исторических факультетах. Эта книга была выдержана в духе идеологической конъюнктуры конца 1930-х годов: «Тема исследования – история развития *русской* исторической науки, его основное содержание – история *русской* исторической мысли в научном познании исторического процесса» (33) (выделено нами. – *Авт.*). В этом же качестве книга получила положительный отклик в годы Великой Отечественной (34). Тем более было важно на примере этой русоцентристской работы задать новые высоты в борьбе за имперскую идеологию. Фамилия автора тоже была вполне созвучной образу космополита, насаждавшегося пропагандой. Не вдаваясь здесь в подробности подготовки и развёртывания критики книги Рубинштейна, основная «проработка» которой состоялась с 10 по 15 марта 1948 года на Всесоюзном

Н.А.РУБИНШТЕЙН

РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

*Допущено Всесоюзным Комите-
том по делам высшей школы при
СНХ СССР в качестве учебного
пособия для исторических факуль-
тетов университетов и педагогов*

ОГИЗ • ГОСПОЛИТИЗДАТ • 1941

совещании заведующих вузовскими кафедрами истории СССР, подчеркнём, что Рубинштейну были предъявлены те же претензии, что и Александрову.

Показательно, что выступавший на совещании историков ещё в роли идеолога Е.Н. Городецкий (позже он сам будет зачислен в космополиты в одной группе с И.И. Минцем) указал на теоретико-политическое значение текста Сталина «О статье Энгельса “Внешняя политика русского царизма”». Городецкий назвал сталинский материал «образцом историографической работы» (35). Этот «образец» был подвёрстан к сборнику «К изучению истории» 1937 года, переизданному в 1946 году.

В 1946 году Сталин предпринимает ещё один шаг в области теории. В «Предисловии автора» к первому тому своих сочинений он восстанавливает «национализаторскую» позицию в вопросе об уровне развития капитализма в России. Этим он отклоняет господствовавшее с середины 1930-х годов представление о России начала XX века как полуколонии Запада. Тезис о полуколониальной зависимости России впервые прозвучал в «Замечаниях по поводу конспекта учебника <...>» Сталина, Жданова и Кирова в 1934 году. Закреплялся в катехизисе сталинизма – «Кратком курсе». Статья Сталина «О статье Энгельса <...>» тоже выдержана в духе подобного «денационализаторства».

Дело в том, что постулат «Россия – полуколония» в 1930-е годы, во-первых, призван был обосновать жёсткие методы большевизма, используемые в ходе соцмодернизации (особенно при проведении коллек-

тивизации). Во-вторых, эта позиция со своей стороны подпитывала обстановку идеологической путаницы и теоретических двусмысленностей, в которой происходило избиение ленинистско-интернационалистской историографии. Теперь, на новом витке утверждения великодержавной идеи, надобность в подчёркивании слабого, зависимого положения России отпала. Напротив, нужно было утверждать образ уверенно идущей сквозь столетия могучей державы. Значение перемены точки зрения на уровень капитализации России для идеологии явственно подчёркивалось тем, что «новая» точка зрения была предъявлена в предисловии к собранию сочинений вождя.

Однако вновь, как и в «дискуссии» на «философском фронте», продемонстрированная учёными степень готовности воспринять русоцентризм в прямом, зримом обличье, а не рафинированной форме, явно не могла удовлетворить Сталина. Научное сообщество в экстремальных условиях выказывало слабые признаки сопротивления, пытаясь удержать идеологический натиск верхов на уровне тех балансов и противовесов «классового» и «патриотического», которые сложились в конце 1930-х – первой половине 1940-х годов. Сам Рубинштейн писал в это время о том, что «история СССР может быть построена лишь в итоге разработанной русской историографии и национальной историографии отдельных народов Советского Союза <...>» (36).

Из среды историков союзных республик доносились голоса о недостаточной критике Рубинштейном «реакционно-шовинистических взглядов на прошлое

М.С. Грушевский

русского народа ряда историков (Погодин и др.)». О принципиальной ошибке профессора МГУ, заключавшейся в том, что он исключил «из книги украинскую и белорусскую историографии» (37). В передовице, опубликованной в «Вопросах истории» после завершения акции против книги Рубинштейна, отмечались в качестве положительных явлений «рост национальных кадров в национальных рес-

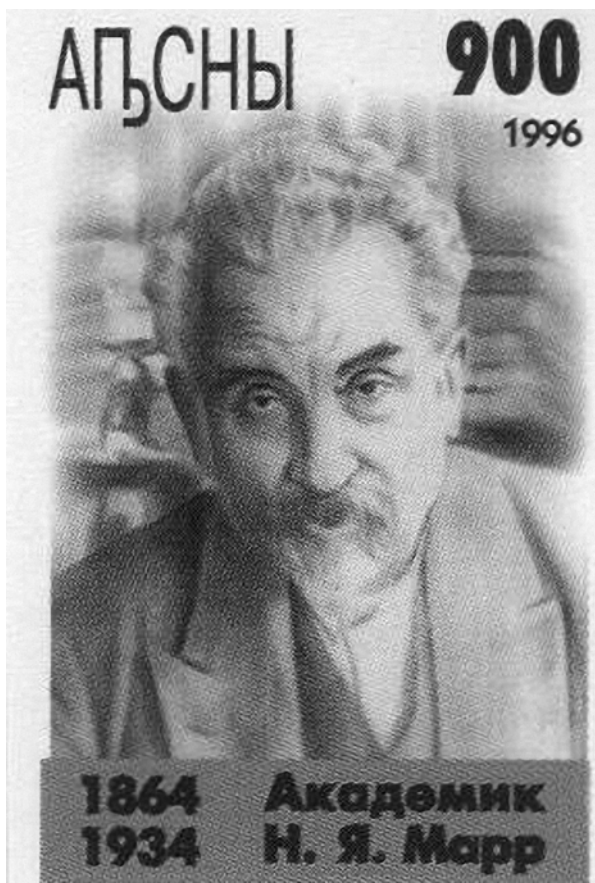
публиках», «успешное выращивание национальных кадров историков» (38). Незамеченным это не осталось. В соответствии с постановлением Политбюро от 4 апреля 1949 года старый состав редколлегии «Вопросов истории» был распущен и «укреплён» специалистами по русской медиевистике, а также «проверенными» кадрами. Началась масштабная «охота на ведьм». Одной из ярких её эпизодов стало закрытое партсоборание истфака МГУ 17 марта 1949 года, на котором была «обнаружена» «школка Минца». Это была не паранойя, а программа.

Своим остриём кампания борьбы с космополитизмом оказалась направленной против интеллектуальных национальных элит как хранителей и носителей культурно-этнического самосознания, или на языке этой идеологической акции – «некоторых наи-

менее устойчивых к тлетворному влиянию разлагающегося капиталистического общества интеллигентов». Антисемитский мотив космополитомании, при всём его особом звучании, лишь дополнял общую картину.

Новая идеологическая обстановка вызвала ужесточение требований к национальным историографиям. Весной 1947 года ЦК КП(б) Украины оперативно созывает совещание украинских историков с участием Л.М. Кагановича, Н.С. Хрущёва и Д.З. Мануильского. Партийные руководители потребовали заменить концепцию истории Украины Грушевского положениями «Краткого курса истории ВКП(б)». Как будто идеи Грушевского не были отринуты ранее. В соответствии с этой директивой в декабре 1947 – феврале 1948 года в Москве с участием украинских историков состоялись «дискуссии» по проблемам периодизации и составления плана-перспективы краткого курса истории Украины. Направлявший обсуждение академик Б. Греков вместе с А. Панкратовой и И. Минцем обвинили украинских коллег в неумении применять общие положения марксизма к конкретной истории Украины: повторялась ситуация конца 1920-х годов.

Начиная с конца 1948 года текст украинского «Краткого курса» несколько раз обсуждался в Москве, а затем в Киеве, в присутствии членов Политбюро ЦК КП(б) Украины. В опубликованных в 1953 году первом и в 1956 году втором томах «Истории Украины» за «методологическую основу» была взята «советская» концепция истории Украины, которая

Марка, посвященная Н.Я. Марру, выпущенная в 1996 г. в Абхазии

соответствовала главным положениям сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)».

20 июня 1950 года в «Правде», в статье «Относительно марксизма в языкознании» Сталин ещё раз и весьма своеобразно обратился к национальному содержанию в послевоенной идеологии. Используя критику идеи академика Н. Марра о «классовости» языка, он представит нацию в качестве наиболее важного фактора современной истории и даже революционной борьбы. Одновременно, казалось бы, Сталин подталкивал учёных к изменению принципиальных положений марксизма в зависимости от объективных данных той или иной науки. Но Сталин не отвергал в принципе примат марксизма над всеми остальными науками, не давал никакого конкретного рецепта или примера пересмотра тех или иных марксистских положений в соответствии с изменившейся обстановкой. Получалось, что если советский ученый будет продолжать держаться за цитаты из классиков марксизма, то он может быть обвинен в начетничестве или вульгаризаторстве.

Об идеале сталинского видения истории в последние годы его жизни даёт представление книга историка А.М. Панкратовой «Великий русский народ», вышедшая в 1952 году. Сталину книга понравилась, и на XIX съезде он включил автора в члены ЦК КПСС. Тут же было опубликовано второе – дополненное – её издание. Историк реабилитировала себя за «недочёты» своих изданий военных лет и за «промахи», допущенные в составе редколлегии «Вопросов истории» в 1947–1948 годах. Классовые

оценки истории, на которых настаивала Панкратова в 1944 году, тонут на страницах книги в русофильских славословиях. Современный историк говорит о том, что Панкратова, наученная горьким опытом полемики с историками-державниками, «действовала в духе конформизма» (39). Скорее, следует говорить о её реакции самосохранения.

Обращаясь к этому моменту развития советского общества (в плане социально-политическом или с точки зрения развития науки, культуры, в ракурсе этнометодологии), историк вольно или невольно задается вопросом о том, до каких степеней расщепления могла быть доведена социальная ткань, не уйдя Сталин из жизни. Нет ответа... Во всяком случае, можно высказать предположение, что десталинизация 1950-х – начала 1960-х годов имела одним из своих основных источников инстинкт сохранения этнонациональной идентичности управленческой бюрократии, в том числе высшего её звена.

Сразу же после кончины тирана – прямо в противовес «Великому русскому народу» Панкратовой – издаётся книга, которая, верно, лежала в столе автора – Н.И. Матюшкина, партийного историка, доцента МГУ, под заголовком «СССР – страна великого содружества народов» (подписана к печати 22 мая 1953 года). В ней восстанавливается трактовка вопросов культурно-национального развития России, характерная для советской историографии 1920-х годов («царская Россия – тюрьма народов», «многонациональное советское государство – государство равноправия», «дружбы народов» и т. п.) (40). Эта акция

ещё требует расшифровки. Но можно предположить, что бериевскому госкапитализму требовался интернационализм.

Национальные историографии, голос которых был еле различим в грохоте послевоенных идеологических кампаний и проработок, обретают возможности для своего развития в условиях начавшегося в середине 1950-х годов нового этапа эволюции советской идеократии, отмеченного ограниченной либерализацией и «секуляризацией» сакральной сталинской идеологии. Отсекаются наиболее одиозные исторические оценки и интерпретации, хотя основные принципы и подходы к историознанию остаются неизменными. В 1950–1960-е годы формируется значительный комплекс литературы в союзных и автономных республиках по различным периодам истории нерусских народов. В нём в общем и целом воплощается официальная русскоцентристская концепция истории, освобождённая от сталинистской патриотики. Эта концепция вновь обретает научно-теоретические формы, а идеологические и этнополитические аргументы отходят в историописании на второй план.

Национальная идея в региональной историографии проявляет себя прежде всего в замещённой форме – национальные историки соревнуются в доказательствах высокой степени зрелости своих этносов для дела революции и социализма. Педалируют вклад их представителей в героические и трудовые свершения советского народа. Эти завуалированные этнонациональные претензии в историознании находили

своих критиков в официальной союзной историографии. Не случайно позднее прозвучало критическое замечание в адрес местных историков в обобщающем историографическом издании. Оно касалось как раз этого «шахматного» методологического подхода национальных историков: «Историки советских республик показывают, что борьба за установление Советской власти в национальных регионах была органической частью общероссийского исторического процесса, руководимого ленинской партией. В этой связи преодолевались попытки некоторых историков «искать» «свои» предпосылки социалистической революции в каждом национальном регионе» (41).

Воздействие власти на историографический процесс в советское время никогда не сводилось лишь к наукообразной критике в официозных изданиях. Идеологическая система времён Хрущёва живо реагировала на проявления национальных настроений в среде интеллигенции. Тем более что Хрущёв, увлеченный созданием программы коммунистического строительства, заявил в 1961 году: «Мы не будем консервировать национальные различия». Это стало сигналом к подавлению всплеска различных проявлений национально-культурной жизни, именовавшихся на официальном языке «инцидентами».

В частности, на Украине, в Киеве, был распущен Клуб творческой молодежи из-за несанкционированного проведения его членами вечера памяти Леси Украинки в Центральном парке культуры и отдыха 31 июля 1963 года. В марте 1964 года власти распорядились уничтожить шевченковский витраж в Киевском

М.Г. Маленков

А.М. Панкратова

Щербаков А.С.

Андреев А.А.

университете, было запрещено собираться возле памятника Тарасу Шевченко. 27 апреля 1965 г. органы КГБ буквально разогнали дискуссию по проблемам состояния украинской истории и культуры, устроенную студентами столичного университета (42).

Во второй половине 60-х годов среди писателей, критиков и публицистов, группировавшихся вокруг журнала «Молодая гвардия», вызрела идея использования в своих националистических построениях до-революционных русских духовных ценностей и ценностей, принесенных Октябрьской революцией. Её называли Великой русской революцией, поскольку совершена она была русским народом, который «босиком и куда уж как без приварка создал гигантскую индустрию». Однако, по мнению «молодогвардейцев», одним из последствий революции стало временное ослабление национальных начал, нигилистическое отношение к национальным святыням, и особенно к деятельности царей, полководцев и Русской православной церкви. Подлинный перелом в этом отношении произошел, по мнению «русистов», только после 1937 года. К концу 70-х годов движение русских националистов было практически оформлено, причем не без поддержки части высшего руководства страны.

И, тем не менее, к 50-летию образования СССР был приурочен всплеск гонений власти на национальную историческую мысль практически во всех республиках СССР. На различных идеологических акциях 1971-го и юбилейного 1972 года были устроены показательные порки отдельных историков,

что вполне соответствовало той линии на частичную ресталинизацию, которую проводило послехрущёвское руководство. Но 1972 год имел и другую сторону. Тогда была провозглашена не только формула «новая историческая общность – советский народ». Не менее важно, что прозвучало положение о советской культуре как сплаве культур народов СССР. Это стимулировало возрождение национального самосознания, подняло волну интереса к национальным традициям. Власть была вынуждена срочно, на ближайшем партийном съезде, уточнить определение «советская культура – сплав достижений советских народов».

Однако судя по воспоминаниям брежневской эпохи и документальным свидетельствам, с конца 1970-х годов возрождение русского самосознания рассматривалось КГБ как одна из серьёзных внутренних угроз политической стабильности в СССР. Ю.В. Андропову приписывается фраза: «Главная работа для нас – русский национализм; диссиденты потом – их мы возьмем за одну ночь». Известна также служебная записка председателя КГБ СССР Андропова в ЦК КПСС от 28 марта 1981 года, в которой говорилось о необходимости «пресечь враждебные проявления “русизма”, охватившего часть интеллигенции» (43).

Термин «русизм» обозначил явление, которое не сводилось к национализму, а было гораздо шире. Партийно-государственный строй уже ничего не мог противопоставить в ближайшей перспективе росту национального самосознания и формированию на-

циональных историографии. Развал СССР в корне изменил и всю систему национального историознания. Национальные историографии были востребованы новыми элитами в качестве официальных институтов.

2. Национальный историк между державностью и интернационализмом

Политическая линия власти в области этнокультурных отношений в 1920-е годы вписывалась в компромиссные решения, характерные для новой экономической политики. Это сказалось и на состоянии национальных историографий. Они были представлены происходившими в основном из местных этнических групп марксистами, а также «старыми» историками, избравшими путь сотрудничества с новой властью. Она им эту возможность предоставляла на условиях политического контроля за их деятельностью, фактически в качестве «попутчиков» (по аналогии с литературным процессом). Кто-то пошёл на сближение с властями на основе своего рода «психосоциального моратория», выражавшегося в позиции: «Не признаём, а подчиняемся» (44). Кто-то пытался изменить собственное положение «чужого среди своих», заявляя о своей приверженности идеям «экономического материализма» и лозунгам революции. Но под бдительным и ревнивым оком историков-марксистов это плохо удавалось.

Наибольшее развитие национальные историографии получили среди крупных этносов, имевших ин-

теллектуальную элиту, высокую культуру, традиции государственности. В этих этнических анклавах под воздействием курса на «коренизацию советской власти» ускорились процессы образования наций, формирования высокой культуры, которые оказывали воздействие на национальную идентификацию исторического сознания.

Своеобразным индикатором историографической ситуации является судьба М.С. Грушевского, чьё имя стало символом украинской «самостийной» исторической мысли. В начале 1920-х годов под влиянием «сменовеховских» настроений, охвативших часть эмигрантов-интеллектуалов, Грушевский несколько раз обращался к украинскому руководству с просьбами разрешить ему вернуться на родину. В 1924 году ЦИК Украины такое разрешение учёному дал. В этом же году он был избран академиком существовавшей с февраля 1919 года Всеукраинской Академии наук (ВУАН), в состав которой входило историко-филологическое отделение. Академиками ВУ АН стали также историки «старой формации» Д.И. Багалей, О.И. Левицкий, Д.И. Яворницкий, Н.Ф. Беляшевский и др. Сходная картина наблюдалась в других национальных научных центрах. Грузинский историк И.А. Джавахишвили, при участии которого в 1918 году был открыт университет в Тбилиси, занявший пост его ректора в 1919 году, продолжал руководить университетом в первой половине 1920-х годов.

Сообщества национальных историков пронизывали линии противостояния, хотя эти напряжения не могли взорвать обстановку относительной стабили-

зации, которая сложилась в исторической науке в период «России нэповской». Среди самих историков-марксистов шла борьба за право представлять «истинную» марксистскую науку в своих национально-государственных образованиях. Представители соперничавших групп обществоведов обвиняли друг друга в «национал-марксизме», стремились дезавуировать «ревизионистов» в своих рядах как невольных пособников «буржуазного национализма».

Против «буржуазных» националистов-идеалистов объединялись все марксистские силы, демонстрируя идейную правомочность своих национально-культурных позиций в противовес антимарксистскому, нелегитимному национализму. Двусмысленность положения национальных историков из числа марксистов не только в идейно-политическом смысле, но и в собственно профессиональной сфере была налицо. Ещё можно было преодолеть, допустим, «бесклассовость украинского исторического процесса» по Грушевскому. Но даже чисто технически, в смысле тематизации и структурирования материала, невозможно уйти в конкретном исследовании по истории украинского этноса от порицаемого марксистами «принципа этнографического отмежевания украинского исторического процесса от русского исторического процесса на Украине».

Понятен смысл предложения М.Н. Покровского, обращённого к национальным историкам-марксистам, установить единый фронт русских и украинских историков, «может быть, на время даже позабыв украинские, белорусские и великорусские, как выража-

ются, традиции» (45). Однако совершенно неясно, как в исследовательской практике национальных историков, являющихся по своей природе носителями этнокультурных социокодов, это всё должно было выглядеть. К искоренению национальных традиций историознания вёл один единственный путь – путь организационного развала национальных историографий. Этот путь и избрало сталинское руководство в отношении историографий нерусских народов. К концу 1920-х годов стало очевидно, что национальные историографии в том виде, в каком они сложились, неприемлемы для социалистического развития.

Сам Сталин располагал разнообразными данными, необходимыми ему для принятия политических решений в области культурно-национальных отношений. Среди них наверняка были впечатления, полученные в ходе встречи с украинскими писателями (с национальными историками он, разумеется, не встречался). Сталин разъяснял «письмэнникам» новую диалектику большевизма, обосновывавшую политику сверхцентрализации власти, унификации национально-государственных и культурных отношений, наращивания насильственных методов в общественной практике («прийти к отмиранию государства путём небывалого расширения функций этого государства»). В этой же плоскости прокомментирован замысел относительно культурно-национальной сферы: «<...> мы проводим политику максимального развития национальной культуры с тем, чтобы она исчерпала себя до конца, и чтобы затем была создана база для организации международной социалистиче-

ской культуры не только по содержанию, но и по форме» (46).

Характер вопросов и выступлений деятелей советской украинской литературы говорили о том, что писатели озабочены не только вопросами литературы и тем более продвижения к международной пролетарской культуре, призванной отменить национальные формы самой культурной жизни. Их интересовали прежде всего задачи территориального расширения и укрепления украинской республики за счёт присоединения к Украине Курской, Воронежской губерний и той части Кубани, где компактно проживает украинское население. В ответ на сталинское замечание о том, что «этот вопрос не касается судьбы русской или национальной культуры», стенограмма зафиксировала «голос с места»: «Он не касается, но он ускорит дальнейшее развитие культуры там, в этих местностях». Во время другого поворота разговора ещё один «голос с места» под общий смех произнёс, что «можно присоединить Галицию к Украине, они нас понимают». Замечанию придавало ироническое звучание то обстоятельство, что Западная Украина, игравшая решающую роль в формировании культурного самосознания украинского этноса, находилась в это время в составе Польши.

Натиску украинских националов Сталин противопоставил систему аргументации, опорными элементами которой явились апелляция к негативной реакции русского населения, которую вызывают подобные планы национально-территориальных изменений, а также указание на несущественный характер этих

вопросов с точки зрения теории и практики социалистического строительства. Державное «нечувствие» Сталин продемонстрировал в вопросе, касавшемся отношения украинских писателей к пьесе М.А. Булгакова «Дни Турбиных». Это произведение они встретили в штыки, усматривая в нём антиукраинские и великодержавные идеи. И тем самым показали, что проблемы литературного процесса писатели рассматривают с точки зрения наращивания политико-идеологических ресурсов украинского этноса.

Писатель Тесняк объяснился прямо: «Когда я смотрел “Дни Турбиных”, мне, прежде всего, бросилось в глаза то, что большевизм этих людей побеждает не потому, что он есть большевизм, а потому, что делает единую великую неделимую Россию. Это концепция, которая бросается всем в глаза, и *такой победы большевизма лучше не надо*» (выделено нами. – Авт.). Присутствовавший на встрече Л. Каганович ещё не вполне, по-видимому, уловивший новые подходы Сталина к национально-культурному развитию, бросил реплику: «Единая неделимая выпирает», – реплику, вызвавшую шум и одобрительные разговоры в зале.

Сталин взял под защиту пьесу и её автора с некоей «точки зрения зрителя», для которого пьеса Булгакова – «это величайшая демонстрация в пользу всесокрушающей силы большевизма». При этом уклонился от комментариев по поводу великодержавной позиции Булгакова, приписываемой тому украинскими писателями.

Разумеется, аргументация Сталина сама по себе ничего не меняла в воззрениях украинских интеллек-

туалов и ни в чём не могла их переубедить. Но пробный шар был запущен. Этнополитическая ситуация тестирована. Выводы сделаны. Потребны были другие – организационно-политические и карательные – методы для укрощения национальных культур и наук. Они и были задействованы в 1930-е годы.

После горнила сталинских чисток, когда генерация первых историков-марксистов была рассеяна, произошла легитимация уцелевшей части «старых» специалистов в качестве советских историков, но никак не историков национальных. Наличия последних обновлённая идейно-политическая система уже не предусматривала вплоть до своего распада.

Впоследствии ушедших из жизни национальных историков (это касалось, как правило, не репрессированных крупных специалистов) советская историография расставила по своему ранжиру: М.С. Грушевский квалифицировался как «украинский буржуазный историк» (47), а И.В. Джавахишвили – «советский грузинский историк» (48).

Неудобные фигуры просто замалчивались – подобно возглавлявшему украинскую делегацию на Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов М.И. Яворскому. Он не представлен даже в «Историографии истории Украинской ССР» 1986 года. В зарубежной историографии распространён взгляд на Яворского как на «официального историка», «идеологического» надсмотрщика, по существу «аппаратчика», но не историка (49). И неспроста. Проделавший, как он сам выразился, «путь от галицийского националистического мещанства к большевизму»,

Яворский отличался последовательностью в отстаивании вновь обретенных позиций. В своём докладе на конференции, озаглавленном «Современные антимарксистские течения в украинской исторической науке», он представил работы большинства современных украинских историков в качестве теоретико-исторического оформления идей буржуазного национализма и фашизма.

В докладе Яворского не прозвучала мысль (наверняка члены украинской делегации обговорили «разделение труда» в своих выступлениях), которую затем высказали другие украинские историки, – о необходимости критической оценки проявлений великодержавного шовинизма. Мишенью их критики явилась работа М.В. Нечкиной «Общество соединённых славян» и второй том сборника «Крестьянское движение в 1917 г.», выпущенный в Москве к десятилетию Октябрьской революции. По словам члена украинской делегации Гуревича, Нечкина умудряется ни слова не сказать об «украинских моментах», освещая историю «общества людей, которые вскормились на украинских традициях». Эти претензии к историографии центра вызвали твёрдые возражения со стороны московских историков, а Покровский отнёс упреки в адрес Нечкиной.

Яворский вынужден был включиться в полемику украинских и русских историков-марксистов по проблемам этноцентризма («этнографизма» – в терминологии того времени) в этих двух национальных комплексах историографии. Вслед за своими коллегами с Украины он указал «некоторым нашим рус-

ским товарищам-марксистам» на неправильное использование ими «названия «русское» даже для нерусских явлений». Однако в целом он занял положение оборонявшейся стороны. Сетовал на отсутствие марксистской традиции в историографии Украины. Обращался за помощью к «русским историкам» (50).

Историографическая ситуация конца 1920-х годов, а материалы Всесоюзной конференции историков являются её репрезентативным срезом, свидетельствовала о том, что первые историки-марксисты оказались в плену имперских традиций русской историографии. Великорусскую идею в историознании они, скорее всего, искренне воспринимали в качестве единой большевистской позиции, боевой интернационалистской идеологии, призванной вразумлять национал-уклонистов в среде марксистов из национальных республик. Отношение к «другой стороне вопроса» – интерпретации национальных историй в великорусском ракурсе – фактически раскалывала марксистский «исторический фронт» на национальный и русский «фланги». Национальные историки шли на уступки и ожидали того же от историков центра. Сталинскому руководству в его унитаристско-имперской политике не требовалось «вносить» идейно-политическую борьбу в сообщество историков-марксистов для решения задач подавления национальной мысли в историознании. Русская марксистская историография сама была на это нацелена.

Не менее важно другое. Обстановка на «историческом фронте» демонстрировала не разрешимое в пределах гносеологии противоречие между «проле-

тарской методологией» и национальной историографией, выступавшей с тех же, казалось бы, марксистских классово-центристских позиций. Более изощрённой попытки соединить эти два начала, чем та, которую предпринял М.И. Яворский, наверное, не знала историография. Он заявляет, что нельзя отбрасывать «в синтезе революционного движения в России» явления только потому, что они «носили свою национальную украинскую форму». Тут же делает оговорку, ставящую под сомнение это положение, «что всё же нельзя подходить с этнографическим принципом к историческим явлениям». Заявлены как бы тезис и антитезис. Но синтез не достигается, поскольку он невозможен в принципе: «Когда я говорю – украинское революционное движение, – я понимаю, что это не есть одно национальное движение, а это есть революционное движение, которое происходило на территории Украины, увязываясь с украинской действительностью». Соответственно, нельзя говорить, что какой-либо революционер «перестал быть украинским революционером потому, что ушёл от украинства», и что «украинское революционное движение есть только в этнографических границах, а русское революционное движение – в русских этнографических границах» (51).

Концептуальный тупик очевиден. Этнонациональное оставалось самим собой, несмотря на все методологические и методические ухищрения. Многоопытный Покровский знал, что говорил, когда советовал «на время» предать забвению все национальные традиции. На практике это означало соединение офици-

альной историографии СССР с великорусской национальной традицией. Что и было сделано, только не на добровольной основе. Таким, как Яворский, не оставалось места в историографии и самой новой жизни. После исключения из партии в начале 1930 года, шестилетнего заключения на Соловках он был 9 октября 1937 года постановлением особой тройки приговорён к расстрелу с клеймом «фашиста» и «националиста».

Однако национальную историографию в принципе нельзя уничтожить, не отказываясь от науки как социального института и исследовательской традиции вообще. Национальный историк, теоретически недействительный, продолжал существовать на потребу мобилизационных методов управления в 1930-е – середине 1950-х годов. Когда в Постановлении ЦК ВКП(б) об идеологической работе в парторганизации Татарии 1944 года говорилось о необходимости устранить допущенные отдельными историками серьёзные недостатки националистического характера в освещении истории Татарии, все причастные к идеологии и культуре понимали, что речь идёт прежде всего о национальных историках. А указания адресованы местным политическим элитам и касаются они их позиции и поведения в целом.

Национальный историк Наки Исанбет, занимавшийся эпосом об Идегее, фигурант разборок в ЦК партии, ноябрьского 1944 года постановления бюро Татарского ОК КПСС, посвящённого его статье об этом дастане, неизменно служил объектом разоблачений и поучений. Ещё в начале 1930-х его объявили

участником мифической организации писателей «Джигедян» («Семёрка»), арестовали, но вскоре вместе с другими отпустили. Собранные местными чекистами материалы тогда не потянули на приговор в Особом совещании ОГПУ. Дела вернулись из Москвы с пометкой: «В них только намерения, а фактов действия нет». Критика в адрес Исанбета продолжалась и в 1960–1970-е годы (52).

Лик национального историка проглядывал в рецензиях (53) и некрологах (54). Его голос пробивался даже на самых жёстких проработках и обсуждениях. Оговариваясь, что судьбы народов СССР «столь тесно переплетены, что по существу и объекты изучения в основном являются одними и теми же» (55), представитель национальной историографии всё же ставил вопрос о значении украинской, белорусской, других историографий.

В этих условиях функции национальных историографий в значительной мере перешли к союзной историографии. Именно историки центра в первую голову отвечали за разработку и крупных, и многих локальных проблем историографии национальных регионов СССР. Теоретическая эклектика, составлявшая суть сталинской и постсталинской государственной идеологии, позволяла разным группам историков находить отдушину и особые способы реализации себя в качестве профессионалов. В свою очередь, такое положение расширяло базу режима, позволяло ему балансировать между разными идеологическими компонентами и их носителями. Любого историка можно было, когда надо, обвинить в перерождении –

то ли в сторону революционной левизны и шовинизма, то ли в сторону буржуазного национализма и мещанского филистерства.

Для политического поведения историков прежде всего характерна модель восторженной поддержки и стремления к развитию тех или иных установок власти в период главных идеологических кампаний. В 1937 году усилиями ряда историков выдвигается весьма удобная для сталинского режима теория «наименьшего зла». Впервые она была выражена в учебнике истории СССР под редакцией профессора А. Шестакова и его статьях в исторических журналах. В частности, завоевание царской Россией Казахстана, которое рассматривалось «петербургской» историографией как мера защиты от кочевников, а в ранней советской историографии – в качестве проявления колонизаторской политики царской России, предстало теперь в виде освобождения казахов от нависшей над ними угрозы агрессии со стороны других государств.

Теория «наименьшего зла» стала для многих историков большой неожиданностью. Но после награждения учебника Шестакова премией жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник они поспешили признать в своих ошибках и сообразовать свои писания с этой точкой зрения. Завоевание царской Россией новых территорий объявлялось прогрессивным деянием. Переход завоёванных царской Россией территорий под власть Советской России предстал в качестве уже не относительного, а абсолютного блага. Тем самым историки-держав-

ники подготовили для сталинского режима обоснование завоевания («присоединения», согласно советской терминологии) Эстонии, Латвии, Литвы, частей Финляндии и Польши, «уклонившихся» после Октябрьской революции от предоставленной им возможности войти в СССР.

Тем не менее концепция «наименьшего зла» довольно медленно внедрялась в национальных республиках, встречала противодействие ряда историков. Изданная в 1943 году в Алма-Ате «История Казахской ССР с древнейших времен и до наших дней» была изъята именно за то, что в ней содержалось идущее вразрез с новой исторической концепцией положение о царской России как основном и наиболее опасном противнике Казахстана. В 1947 году резкой критике была подвергнута изданная во Фрунзе книга русского этнографа С. Абрамова «Очерки культуры киргизского народа». Ему ставили в вину утверждение о том, что киргизский народ попал под власть России вопреки его желанию.

После критики, как правило, следовало раскаяние. Нередко оно сопровождалось переходом критикуемых на ещё более сервильные позиции. В конце 1950-го – начале 1951 года теория «наименьшего зла» усилиями полуопальных (после знаменитого совещания 1944 года в ЦК ВКП(б)) известных историков (М. Нечкиной, А. Якунина, Л. Черепнина), посчитавших недостаточной теорию «наименьшего зла» для оправдания колониальной политики, стала вытесняться теорией «абсолютного добра»: поскольку «любое, даже “наименьшее зло” – есть зло, то есть

отрицательное понятие». На этом фоне повторному осуждению подвергается С. Абрамов (56). Не менее суровая критика звучит в адрес известного археолога и историка Киргизии А.И. Бернштама, который в своих материалах по истории Киргизии «ни словом не обмолвился о тех прогрессивных изменениях, которое вызвало присоединение к России». Критики усмотрели, что «он протаскивает порочный взгляд, согласно которому присоединение Киргизии к России было «абсолютным злом»» (57).

Но даже проходившие в 1952 году в среднеазиатских республиках пленумы ЦК ВКП(б) в своих постановлениях были вынуждены признать, что «существенным недостатком в работе историков (в данной цитате – Узбекистана. – *Авт.*) является слабое освещение прогрессивности присоединения Узбекистана к России во второй половине XIX века. Историки недостаточно разоблачают стремление английской буржуазии в XIX веке закабалить народы Средней Азии. Включение Узбекистана в состав России, которая на рубеже XIX–XX веков стала центром мирового революционного движения и родиной ленинизма, имело большое прогрессивное значение для узбекского народа» (58).

В первой половине 1960-х годов проблема «добровольных воссоединений» с Россией снова становится своеобразной «лакмусовой бумажкой» для национальных историографий. А.М. Сахаров в русле тенденции отождествления СССР с наследием Российской империи и «реабилитации» последней представил «отечественную историю» не как историю

соответственно русских, грузин, латышей, украинцев и других народов, а как историю Российской империи, владельца «громادного количества украденной собственности» (59). Не различая при этом законных её обладателей и, по сути, защищая права «грабителя»: «Нам очень важно, – писал он, – раскрыть <...> как естественный и справедливый протест их (угнетённых наций. – *Авт.*) против угнетения царизмом направлялся во вреднейшее русло борьбы против присоединения к России, выгодной лишь местным феодалам, да порой и зарубежным врагам наших народов» (60).

Таким образом, снова, как при Сталине, предмет обсуждения становился вопрос: правы ли российские цари, относившие любые революционные и прежде всего национальные движения в своей империи к интригам иноземных держав, а деятелей этих движений (от Радищева до Ленина, от Гордиенко до Драгоманова и Грушевского, от Шамиля до Кенесары и Амангельды Иманова и т. д.) – к платным агентам иностранных государств?

Безусловно, реакция историков на встраивание в государственную идеологию национального, патриотического «стержня» не сводилась лишь к обозначенным и легко обнаруживаемым в открывшихся документах формам, подразумевавшим, что критика или проработка непременно обернутся арестом, процессом и приговором. В противном случае, мы слишком бы упростили процесс и создали почву для сочувственной или исключительно негативной, а, следовательно, ничего не дающей в познавательном

плане оценки академической среды сталинского времени. В этом отношении важны оттенки, к примеру, в принятии критики власти. Важен каждый факт непрямолинейного, а обставляемого различными оговорками, апелляцией к бесспорным для власти авторитетам, отношения к одергиваниям сверху. В конечном итоге, это позволяло историкам сохранить хотя бы какую-то часть полученных результатов работы. Отстаивать научный подход. Собственное достоинство.

В журнале «Большевик» в 1951 году сообщалось о том, что за последние годы вышли из употребления, особенно у народов Советского Востока, значительное количество устаревших и чуждых терминов – арабизмов, фарсизмов и тюркизмов. Одновременно происходит обогащение словарного состава языков народов СССР за счет заимствования из русского языка. В этом виделось выражение «ведущей роли русского народа и его культуры в развитии культуры остальных народов СССР». При этом авторы этой конъюнктурной статьи А. Мординов и Г. Сонжеев пытались осторожно предостеречь против русификаторских крайностей в науке (61).

В то же время директору академического Института востоковедения С. Толстову и академику С. Козину не удалось убедить идеологическое руководство отказаться от разоблачения «реакционной сущности» эпоса «Гэсэр-Хан» в газете «Культура и жизнь» в январе 1951 года. Не помог и аргумент: подобная критика вызовет негативные национальные чувства в Монголии, Китае и особенно в Тибете (62).

В следующий раз Толстов поостережётся вступать в полемику с ЦК. При молчании специалистов в 1952 году будут опорочены национальные эпосы народов Кавказа и Средней Азии – «Деде Коркут», «Коркут Ата», «Алпамыш», «Кероглу», «Кобланды-батыр», осетинский эпос Нартов и др.

Вообще способы проявления перестраховки в интеллигентской среде были весьма разнообразными и подчас неожиданными. М.В. Нечкина вдруг завершила свою, скажем так, независимую и глубокую речь на совещании по вопросам истории в ЦК ВКП(б) (июнь 1944 года) странным и противоречащим всему, что она сказала перед этим, пассажем: «У историков нет застоя, но их разнообразная активность не имеет должного направления и руководства <...>. У нас много текущих, повседневных трудных вопросов, по ним надо получить совет и указание. Но советоваться не с кем. Тов. Ярославский оказывал нам большую помощь, но после его смерти место осталось незамещённым. Наши требования к руководителю были бы сейчас ещё более высокими. Руководитель, с которым можно посоветоваться по трудным вопросам принципиального значения, должен соединять очень крупный политический авторитет с личной причастностью к исторической работе, с осведомленностью в исторической работе» (63). Будущий академик просила секретаря ЦК А.А. Щербакова пересмотреть отношение к Сталинским премиям и присуждать их только тем историческим работам, которые могли бы восприниматься как руководящие.

Такого рода перестраховка подменяла принципы научной деятельности целеуказаниями высокопоставленных лиц. Личный выбор историка – предпочтениями комиссий по премиям. Возможно, Нечкина полагала, что она и её группа смогут влиять на этих «советчиков» в ущерб своим оппонентам, и при этом не отвечать ни за избранную тему, ни за результаты исследования.

В соприкосновении «национализированной» идеологии, пронизывающей изучение прошлого, и историков не могли не обнаружиться противоречия, порождающие, в свою очередь, различные тупиковые ситуации. Но парадокс состоял в том, что, фиксируя это, ученые опять-таки нередко пытались сами подказать власти, как объяснить, замять или обойти очевидные слабости новых установок. Таким образом, складывался замкнутый круг взаимного прикрытия и использования друг друга в искусственном сглаживании противоречий. В этой бесконечной игре можно было получить ощутимый выигрыш или обмануть. Власти принадлежала заведомо более выгодная позиция. На ученых весьма часто опробовались идеологические новации. Их же руками контролировался процесс их прохождения. В их среде отыскивались ответственные за возможные ошибки. Естественно, что сложности и спорные моменты идеологии широко не освещались. До народа доводилось только ясное и простое. В результате возникала иллюзия эффективности идеологии, которая на самом деле всё больше и больше отдалялась от подлинной истории, самой действительности и её вызовов.

В 1943 году председатель Всесоюзного общества культурной связи с границей В. Кеменов, выполняя просьбу секретаря ЦК ВКП(б) А. Щербакова, готовит концептуальную статью о мировом значении русской культуры. Предназначенная для журнала «Большевик», эта статья призывала без сожаления расстаться со многими привычными рассуждениями об истории русской культуры, которые успели утвердиться в энциклопедиях и фундаментальных монографиях. Под этими «рассуждениями» подразумевалось стремление ученых прослеживать влияние западных мыслителей и художников на русскую интеллигенцию.

В. Кеменов понимал противоречивость подобного рода директив. Об этом он честно попытался предупредить Щербакова в записке, не предназначенной для печати: «Если отрицать возможность «влияний» в принципе, то тогда нельзя будет доказать и влияния русской культуры на культуру других стран, которое уже сейчас огромно и будет усиливаться. Кроме того, если подчёркивать самобытность, рассматривая ее вне связей русской культуры с культурами других стран, то очень легко впасть в славянофильство».

Это замечание, судя по всему, не было принято во внимание. Более того, официальный подход к проблеме культурных взаимовлияний был парадоксально перенесен и на другие народы СССР. В первом томе «Истории таджикского народа», изданном в 1949 году, читаем: «Народы Средней Азии оказали большое влияние на культурное развитие западных иранцев сасанидского государства. Так, например,

шелководство проникло в Иран из Средней Азии. Эпос различных народов Ирана явно вобрал в себя творчество народов Средней Азии, особенно Хорезма и Согда».

Мысль об автохтонности культур народов СССР приобретает характер навязчивой идеи. Оказывается, и народы Северного Кавказа совершенно самостоятельно создали «самобытную и своеобразную культуру» и «первые начатки государственности» (64). В то же время акцентирование самобытности культур нерусских народов тоже находилось под подозрением.

Серьёзное противоречие возникало и по поводу проблемы преемственности между старой дореволюционной и советской Россией, а ещё точнее – проблемы прерывности и непрерывности её истории. К власти, являющейся носителем и интерпретатором «самой передовой теории», апеллировали две группы историков. Такие ученые, как Тарле, Аджемян и Яковлев, исходя из возвеличивания в годы войны фигур Невского, Донского, Ивана Грозного, Петра I и Суворова, боровшихся за укрепление Российского государства, требовали оправдать «колониально-захватническую политику» царизма. Представить в качестве «реакционных» крестьянские восстания под руководством Разина, Пугачева, движение декабристов, поскольку они были направлены против российской государственности. Оппоненты этой точки зрения – Греков, Бахрушин, Нечкина – объявлялись последователями немецких историков Байера, Шлецера, Миллера – авторов «норманской теории».

Привычное и закономерное для сталинского времени вмешательство ЦК ВКП(б) в эту дискуссию закончилось тупиковой ситуацией. Не найдя ничего лучшего, руководство заклеило обе группировки историков. Первая была обвинена в великодержавном шовинизме и отнесена к «школе Милюкова». Вторая – в «очернении всей истории России» и причастности к «школе Покровского». Проблема была отложена на неопределённое время.

Однако вполне логичной реакцией на подобные споры в конце войны стала реанимация в интеллигентской среде имперского сознания. И вот уже освобождение Красной Армией оккупированных территорий расценивалось как уникальная возможность «завершить дело собирания воедино всех русских земель, русских племен» и тем самым исправить ошибки Екатерины II и Александра I. В январе 1945 года Г. Александров посылает Жданову копию анонимного письма, полученного им из Президиума АН СССР. Он сопровождает документ примечанием: «Письмо представляет известный интерес для характеристики настроений некоторых историков» (65).

Само письмо напоминало листовку: «Наступил исторический час. История представила возможность завершить начатое Иваном Калитой ДЕЛО СОБИРАНИЯ воедино всех РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ, РУССКИХ ПЛЕМЕН <...>. Именно поляки и немцы в XIX и начале XX вв. усиленно раздували, фальсифицируя историю и литературу, сепаратистское движение, “украинизм” как идею отдельной нации, языка и государства. И работа их дала свои результаты в ви-

де требований “Самостийной Украины” в виде “петлюровщины”, “скрыпниковщины”, “бандеровщины”. Этот очаг заразы, этот гнойник надо лечить радикально, пока не поздно <...>. Просим не называть галичан и угрорусов “украинцами”, а называть “русскими” или “руси́нами”, а В. Галицию и Закарпатье – Галицкой Русью и Закарпатской Русью. Русский Галичанин» (66).

Однако уже не анонимный преподаватель кафедры истории СССР МГУ – С.К. Бушуев – в письме Жданову от 12 мая 1945 г. просил помощи и указаний по ряду теоретических вопросов истории СССР. В частности, он «удивлялся» тому, что за последние два года некоторые преподаватели стали меньше обращать внимания на освещение истории отдельных народов СССР, особенно истории северокавказских народов. В частности, истории борьбы горцев за независимость под руководством Шамиля. Имел место и отход от «замечаний тт. Сталина, Жданова, Кирова по поводу конспекта учебника по истории СССР». Почему, спрашивал автор письма, в нашей пропагандистской печати весьма мало статей о советском патриотизме, в котором, по Сталину, «гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза?» (67).

Впрочем, перед нами характерный для того времени перестраховочный шаг: Бушуев, известный своими великорусскими пристрастиями в историознании, в этой форме корректирует свои позиции по итогам совещания историков 1944 года и в связи с

критикой Ждановым Александра, потакавшего историкам великодержавного замеса.

Очевидное противоречие сложилось и после переоценки прогрессивности или реакционности национально-освободительных движений различных народов СССР. Если завоевание царской Россией Средней Азии и Кавказа явилось для народов этих территорий «наименьшим злом» или «абсолютным благом», то все национально-освободительные войны и восстания этих народов против завоевателей уже никак не могли считаться национально-освободительными и прогрессивными, какими они признавались вплоть до 1950 года.

Однако это противоречие разрешалось уже не «диалектическими фразами» о том, что прогрессивный характер присоединения Казахстана к России не исключает прогрессивности национально-освободительной борьбы казахов против колонизаторской политики царизма (68), а объявлением этих национально-освободительных движений реакционными, а в ряде случаев и инспирированными иностранными государствами.

Сначала реакционными были признаны войны Шамиля (69), затем национально-освободительные движения султана Кенесары Касымова в Казахстане (70). В постановлении Президиума АН СССР от 20 сентября 1950 года по вопросу о работе Института истории говорилось, что «в работе по изучению и описанию фактов богатейшей истории народов СССР <...> необходимо постоянно иметь в виду генеральное указание т. Сталина о том, что историю нельзя ни улучшать, ни ухудшать» (71).

Разумеется, в итоге этого стремления – «не улучшать и не ухудшать» историю – и Андижанское восстание, и восстание в Южной Киргизии в 70-х годах XIX века так же, как и роль «Алайской царицы» – Курман-джан, и восстание 1916 года стали считаться антирусскими и реакционными. Огульное охаивание национально-освободительных движений имело целью искоренение среди народов СССР симпатий к национальным героям, возглавившим восстания против власти в дореволюционный период.

В ходе эволюции советского строя эти традиции в более сглаженных формах были продолжены советско-партийным руководством, идеологической системой советского строя. В уже упомянутом 1972 году предпринимается масштабная акция по «обузданию» национальных историографии и историков.

В Армении для этого был избран А. Мнацакян и его книга «Ленин и решение национального вопроса в СССР» (Ереван, 1970). Автора осудили за ошибочное освещение вопроса о возникновении наций и одностороннее подчеркивание национального момента в ущерб классовому и интернациональному.

В Грузии в опалу попали А. Менадзе, написавший работу «Некоторые вопросы развития грузинской национальной государственности» (Тбилиси, 1970), и У. Сидамонидзе за исследование «Историография буржуазно-демократического движения и победы социалистической революции в Грузии» (Тбилиси, 1970). Первый секретарь республиканского ЦК Компартии Мжаванадзе обвинил этих авторов в неправильной трактовке национального вопроса и неис-

торическом подходе к деятельности меньшевиков и национал-уклонистов Грузии. В 1972 году в постановлении ЦК КПСС «О недостатках и ошибках в деятельности Тбилисской организации КП Грузии» отмечены «проявления националистических настроений», «любование стариной», «неоправданное восхваление царей, полководцев, деятелей церкви», вообще «антиисторизм».

В Азербайджане партийному разному со стороны Алиева подвергся В. Шушинский, который в книге «Шуша» (Баку, 1968) «не раскрыл интернациональные идеи совместной борьбы азербайджанского и армянского народов за социальное и национальное освобождение».

В Киргизии резкая критика раздалась в адрес К. Нурбекова за монографию «Возникновение киргизской советской национальной государственности» (Фрунзе, 1965) и второй том «Истории государства и права Киргизской ССР» (Фрунзе, 1970). Республиканское совещание идеологических работников осудило историка за пересмотр утвердившейся в киргизской историографии оценки – пересмотр, выразившийся в «оправдании буржуазных националистов, пытавшихся использовать в корыстных целях естественное стремление киргизского народа к реализации своего права на самоопределение и создать в 1922 году искусственное административно-политическое образование – так называемую Горную область». К. Нурбеков, по мнению партийных руководителей, посмел выдать этот акт за выражение интересов трудящихся масс, представить в качестве этапа на пути оформле-

ния автономии киргизского народа. Хотя это была «националистическая затея, которая принесла несомненный вред, обострив родовую борьбу и затруднив национальную консолидацию киргизов» (72).

Эти очередные идеологические проработки свидетельствовали, что национальный историк как носитель национальной идеи в историознании существует. Действует. Работает. Его ожидает явно другая судьба, нежели та, которую ему предписывал сталинский большевизм.

Глава 3

СОВЕТСКИЙ СИНДРОМ ПОСТСОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

1. Историческая оснастка национальной мобилизации

Конец XX века для независимых республик постсоветского пространства стал периодом, когда формировалась не только государственность, но и начали создаваться «свои» истории – истории, призванные в интересах новых молодых стран объяснять факты и процессы, обслуживающие элиты и создающие непохожие картины мира, формирующие этноцентричное мировоззрение.

Политическая целесообразность, продиктованная распадом СССР, определила схожие тенденции в написании новых историй. Характерной чертой становилась смена так называемой исторической центричности. Тема этнической государственности и этнических территорий выдвинулась в число наиболее актуальных. «Национальное государство» как понятие и как социально-политический феномен приобрело качество абсолютной ценности, вокруг которой и стали в значительной мере формироваться исторические

построения. В данном контексте так называемый парад суверенитетов 1990–1991 годов стал восприниматься как восстановление исторической справедливости по отношению к тому народу, чей этноним содержится в названии соответствующей республики.

То, что истории становились национальными, первоначально проявилось в терминологии научных трудов историков. Вместо прежде шаблонно употребляемых терминов «классовая борьба», «пролетарский интернационализм», вместо всех антиподов буржуазного классового начала появился новый набор, постепенно наполняемый содержанием – «финансово-промышленные группы», «социально-рыночная экономика», «межнациональное согласие», «межкультурная коммуникация», «национальные интересы», «национальное возрождение» и т. д. В новых исторических построениях главным историческим героем стал народ-этнос и конкретные личности, в которых он воплощался. Историю классов, социальных групп, политических режимов и институтов сменяла история народов, национальных государств, национальных культур и национальная история в лицах, где выдающиеся деятели выступают в роли символов лучших черт представляемого ими народа.

Москвоцентричность истории советского периода, согласно которой все важнейшие события происходили в Москве, «все народы якобы связывали свои надежды опять-таки только с Москвой, а Россия выступала едва ли не бескорыстной защитницей соседних народов, несла им свободу и прогресс» (73), повсюду подвергалась критике. Если раньше история

союзных республик – это история «национальных окраин» относительно москвоцентричной советской истории, то после 1991 года каждое независимое государство само становится самостоятельным центром. Истории этих государств естественным образом также начинают отталкиваться от «самоцентризма»: на Украине – украиноцентричная, в Эстонии – эстоницентричная, в Казахстане – казахстаноцентричная и т. д. Более того, это изменение являлось историософичным. Интеллигенция национальных республик во второй половине 1990-х годов настойчиво предлагала иначе оценивать проблему взаимодействия «центра» и «национальных окраин» в СССР, с достижениями собственных народов связать импульсы прогрессивного развития России.

«Московский центр и окраина как бы поменялись местами, – писала Т.С. Гузенкова. – Для национальных историков более важным становится вопрос о том, чем прославил Россию тот или иной народ, а не о том, чего он достиг в результате вхождения в ее состав» (74). Этот «страноцентричный» подход в историознании применялся с той целью, чтобы исследовать мировой исторический процесс не как совокупность фактов, событий и личностей, а чтобы оценить место своего государства в мировой истории, вклад своей культуры и науки в мировые культуру и науку, пробудить в создании граждан этнонациональную гордость. «Центризм» как историческая позиция не просто интуитивно избирался историками как идееобразующий метод исследований, но был в некоторых странах определен верховной властью.

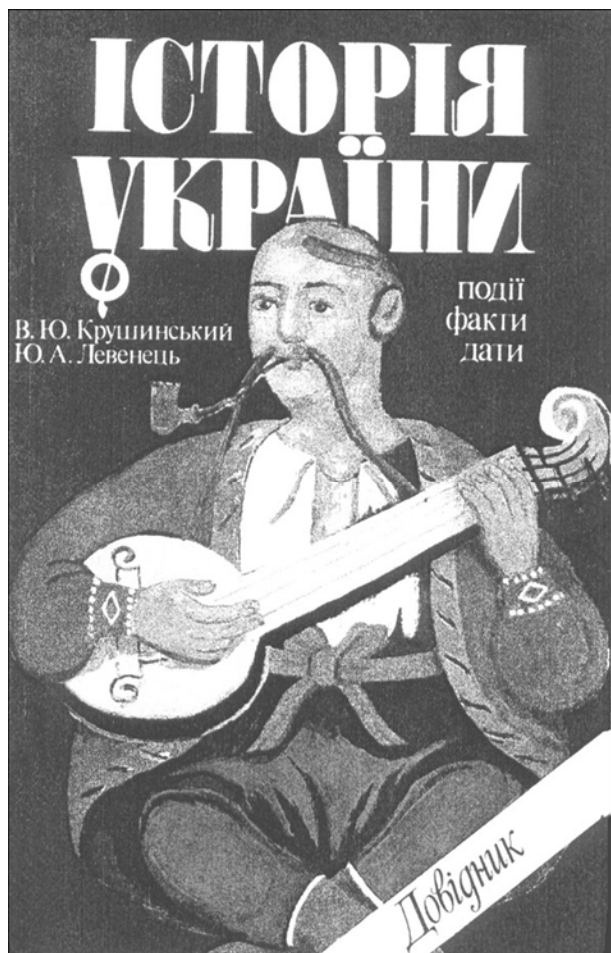
Например, президент Казахстана Н.А. Назарбаев в своей статье «Хранить память, крепить согласие», посвященной провозглашению 1998 года «годом народного единства и национальной истории», обозначил центризм как историческую позицию. В этой статье было сформулировано отношение власти к истории как к инструменту, который призван хранить, прежде всего, единство народов, населяющих Казахстан: «В наступившем году мы приступаем к практической реализации стратегии развития страны до 2030 года. Ведь единство казахстанцев, основанное на бережном, я бы даже сказал трепетном отношении к своему историческому прошлому, может и должно стать мощной созидательной силой, надежным средством решения сложнейших социально-экономических задач» (75).

Этноцентричность начала реализовываться и на уровне школьного образования. В школах Украины основным принципом системы обучения объявлялась украиноведческая направленность. Последняя понималась как рассмотрение общественно-исторического процесса становления и бытия украинской нации, самобытности ее культуры и самосознания в контексте развития мировой науки и культуры. Предложенный «нациецентричный» подход реализовывался через внедрение национально ориентированных курсов (украинская литература, история и география Украины, украинская художественная культура), а также благодаря воссозданию культуроведческих аспектов исторического развития украинской нации в общенаучных предметах (всемирная история, математика, естественные науки).

«Нациецентричные» истории, ввиду своего радикального отличия от прежней исторической науки, аргументировали новые тезисы с опорой на факты, которые раньше замалчивались, на конфликтные вопросы, прежде пресекавшиеся на корню. Обнародование новых сторон прошлого и опора на них разрушала многие идеи, которые являлись базовыми в Советском Союзе, прежде всего, идею дружбы народов. Критике подверглись советские историки, нарочито акцентировавшие внимание на тех исторических событиях, которые соответствовали идее дружбы народов, которые могли ее ярко проиллюстрировать.

В стремлении разрушить дружбу народов как миф историки обращались к наиболее острым вопросам межнациональных отношений, которые в «сплоченном» СССР находились под табу. К таковым в первую очередь относились конфликты между Арменией и Азербайджаном вокруг Нагорного Карабаха, споры между Таджикистаном и Узбекистаном по поводу Самарканда и Бухары (76).

В Белоруссии некоторые радикально настроенные историки вообще пришли к заключению, что «многие десятилетия под фальшивым флагом интернационализма проводилась русификация белорусского народа, его исторической памяти и национального сознания. Итогом этого стало широкое распространение среди молодежи национального нигилизма, отречения от родного языка, национальной культуры, истории, традиций» (77). О прикрываемой дружбой народов и интернационализмом русификации активно спорила украинская научная интеллигенция (78). О русификации

**ҚАЗАҚСТАН
РЕСПУБЛИКАСЫНДА
ТАРИХИ САНА
ҚАЛЫПТАСУЫНЫҢ
ТҰЖЫРЫМДАМАСЫ**

**КОНЦЕПЦИЯ
СТАНОВЛЕНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОГО
СОЗНАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ
КАЗАХСТАН**

в союзных республиках допускалось говорить еще до перестройки, но только в рамках дискредитации этой политики в царской России. После 1991 года термин «русификация» стал связываться с советской национальной, языковой и культурной политикой.

С середины 1990-х годов национальное историописание заметно радикализировалось. Особенно резко и эмоционально передавались темы сталинских репрессий и депортации народов. Переоценка фактов новой и новейшей истории быстро перенеслась на древнюю и средневековую историю. В ряде стран официально принимается новая периодизация истории. Показательна в этом отношении Литва, где стали следовать следующей хронологии:

1795–1915 – Литва в составе царской России,
1915–1918 – Литва в составе кайзеровской Германии,
1918–1940 – Первая Литовская республика,
1940–1941 – Первая советская оккупация,
1941–1944 – Литва в годы оккупации гитлеровской Германии,
1944–1990 – Вторая советская оккупация,
1990 – по настоящее время – Литовская республика (79).

Востребованными становились те события исторического прошлого, смысл которых отвечал конъюнктурной политике новой политической элиты. Наиболее заметной была тема вхождения-присоединения к Российской империи.

В независимой Грузии часть историков подвергла критике прежнюю трактовку присоединения терри-

тории к Российской империи. Принятый в советской историографии тезис о том, что присоединение к России спасло Грузию от неминуемого «поглощения» Османской империей и Селевкидским Ираном, стал резко отрицаться (80). Одновременно для историков и массового исторического сознания время существования Демократической Республики Грузии в 1918–1921 годах – один из самых ярких эпизодов отечественной истории. Быстро преодолеваются штампы советской историографии, согласно которым события 1921 года являлись результатом «победоносного восстания грузинского пролетариата, свергнувшего власть приспешников буржуазии – грузинских меньшевиков». Для подавляющего большинства исследователей 25 февраля 1921 года – установление советской власти – определяется как «аннексия Грузии», «скрытая аннексия Грузии», «вооруженная интервенция Советской России», «оккупация Грузии», «экспорт политической системы» (81).

Проблема интерпретации проблемы присоединения Казахстана к России остро обсуждалась в среде казахстанских историков. В центре внимания оказались национально-освободительная борьба казахского народа 30–40-х годов XIX века, восстание 1916 года, деятельность отдельных ярких представителей национальной интеллигенции в начале XX века, деятельность партии «Алаш» и правительства. Если раньше процесс присоединения определялся как «добровольный», а деятельность хана Абулхаира, хан, главного инициатора присоединения родов младшего жуза, оценивалась как исключительно положительная,

с употреблением эпитетов «мудрый», «дальновидный», «выдающийся», если сам акт принятия российского подданства подавался как чуть ли не единственная возможность сохранения национального единства, то теперь вся эта история описывалась иными понятиями – «поглощение», «насильственное присоединение» и даже «военный захват». Хан Абулхаир, хан предстал как «властолюбивая» и «противоречивая» личность, как «предатель» и «сепаратист».

Как пишет М.К. Сембинов, формирование «своей» истории было замешано на преодолении некоего «комплекса» кочевничества, осознании того, что в прошлом казахи были какими-то не такими, как все. Уникальность кочевничества в массовом сознании порой ассоциировалась с «варварством», «отсталостью». И во что бы то ни стало надо было доказать, что казахи не такие, что у них вполне респектабельное прошлое, насыщенное проявлениями массового гуманизма (82).

История современной Молдавии также не была исключением. Одна из популярнейших идеологем, которая насаждалась Народным фронтом, сводилась к тому, что аннексия территории Молдовы была совершена правительством Российской империи. Наиболее дискутируемыми и политически актуальными для молдавской исторической науки, на которую, ко всему прочему, особое внимание оказала румынская историческая наука, стали события 1812, 1918, 1940 годов, оценка которых превратилась в своего рода «лакмусовую бумажку» для определения политической ориентации автора. Трактовка присоединения

ISTORIA MOLDOVEI ÎN DATE

«История Молдавии в датах» В. Стати. На обложке – карта Молдавского княжества до 1812 г.

Бессарабии к России в 1812 году по условиям Бухарестского мирного договора России и Турции приобрела широкий диапазон оценок: от аннексии и грубого попрания норм международного права до освобождения от турецкого ига и исполнения вековых чаяний населения Молдавии (83).

Особенностью национальных историй стала повсеместная сакрализация постреволюционного периода после падения Российской империи, когда окраины провозгласили себя независимыми республиками. В Литве, к примеру, более не отмечались 1 и 9 мая, 23 февраля и 8 марта, а важнейшими государственными праздниками стали 16 февраля – День провозглашения независимости – создание Литовской Республики в 1918 году, 11 марта – День восстановления независимости, 13 января – день защитников Телецентра.

Дни создания Первой республики были объявлены государственными праздниками в Азербайджане, Грузии, Литве, Латвии и других странах постсоветского пространства. Например, в Грузии День провозглашения Первой республики – 26 мая – стал важнейшим государственным праздником страны. В специальном указе по случаю 80-летней годовщины ДРГ президент Грузии Э.А. Шеварднадзе подчеркнул, что эта дата – «одна из важнейших вех 3000-летней истории грузинской государственности». Отмечая преемственность между Первой республикой и нынешней державой, он отметил, что «те важные цели, к которым Грузия стремится на пути строительства сильного, демократического, правового го-

сударства, органически связаны с целями и идеалами, признанными и конституционно утвержденными провозглашенной 26 мая 1918 г. Демократической Республики Грузия» (84).

Сакральное отношение к периоду независимости республик после 1917 года побуждает общественность к новому мифотворчеству. Еще в мае 1989 года был обнародован и принят окончательный вариант широко обсуждавшейся научной общественностью «Государственной программы по истории Грузии», которая предусматривала утверждение новых подходов к ее исследованию, преподаванию и популяризации. Она указывала на необходимость «пересмотра и уточнения исследовательских планов научных учреждений и учебных заведений», причем, если в области древней и средневековой истории предусматривалось лишь «расширение всесторонних исследований», то в отношении исследования истории Грузии новейшей и предреволюционной эпохи требовалась «коренная перестройка». Историки стремительно начали изучать историю трехлетнего (1918–1921) существования Демократической Республики Грузия, к которому был прикован общественный интерес и на изучение чего существовал социальный заказ. Для работ этого направления была характерна явная идеализация ДРГ как страны, сумевшей достичь впечатляющих успехов в утверждении социального и национального мира. Однако в эту идеализированную схему явно не вписывались известные факты социального недовольства трудящихся: неоднократные демонстрации и забастовки, карательные опера-

ции войск ДРГ по подавлению восстания в Южной Осетии в 1920 году и их силовое присутствие в Абхазии.

Рассуждая о «войне топонимов», переименованиях улиц с историческими названиями и именами в Грузии, Ю.Д. Анчабадзе обращает внимание на «полное изгнание» из языка некогда широко распространенного в грузинской исторической литературе топонима Южная Осетия, который заменяется словосочетанием Цхинвальский регион (если авторы трактуют современные проблемы), или же средневековыми грузинскими Самачабло или Шида Картли (если речь касается исторического контекста). В качестве основной причины замены называется «искусственность», «изобретённость» наименования Южная Осетия, введенного большевиками для того, чтобы оправдать образование в 1921 году в Грузии Юго-Осетинской автономной области (по другому мнению – еще царскими чиновниками, чтобы расколоть территориальное единство Грузии) (75).

Этот же процесс примечательным образом происходил в Армении, где города, улицы и районы с азербайджанскими названиями начали переименовываться. Причем это касалось не только населенных пунктов, названных именами азербайджанских революционеров (например, Азизбекова), но и просто тюркских топонимов в изобилии присутствовавших в Армении и Карабахе. Новому обычно давались армянские названия, иногда «арменизировались» прежние» (86).

Во всех республиках постсоветского пространства произошла реставрация символики, являвшейся национальной в те исторические периоды, когда государства постсоветского пространства считали себя независимыми. На Украине во время Российской империи и СССР национальная символика запрещалась, а исторические культурные ценности, выступавшие в роли государственно-политических символов, были или уничтожены, или вывезены с территории Украины. Важность этномобилизующей и нациеконсолидирующей роли исторической символики понимали украинские интеллектуалы – историки и деятели культуры, которые в конце 1980-х – начале 1990-х годов начали обсуждать вопросы обретения украинцами «своей» исторической символики, ритуалов и церемоний, а также возвращения на Украину культурных ценностей. Все это использовалось для обоснования единства украинцев и всех регионов Украины.

Обращение к истории Киевской Руси, государства Богдана Хмельницкого (середина XVII века), Украинской Народной Республики (1917–1920 гг.) объяснялся первым президентом Л.М. Кравчуком следующим образом: «Мы все воспитаны на искаженных фактах. На идеологизации нашего бытия. Это правда. Историки разошлись в мыслях, но факт истории, что для Украины свойственны желтый и голубой цвета, знак тризуб, остается абсолютно понятным... Давайте попробуем ответить на вопрос: какие символы скомпрометировали государство, а какие – политические символы? Я могу точно и ясно сказать, что звезду, серп и молот скомпрометировало государство, а тризуб и желто-голубой флаг – политические силы, которые не были государственными. Чтобы перестать спорить, давайте себе скажем, что никогда не причиним зло народу Украины и будем строить независимое государство под историческими символами» (87).

Наряду с изменениями в системе праздников, символов и топонимов в ряде республик пересматривается состав национальных пантеонов. В Украине в ряд выдающихся национальных деятелей вошли князя Киевской Руси, украинские гетманы, начиная от Богдана Хмельницкого и заканчивая Иваном Мазепой, Филиппом Орликом, украинские политические деятели XX века: Михаил Грушевский, Владимир Винниченко, Симон Петлюра, Степан Бандера и др. Одна часть общества отворачивалась от «старых» коммунистических героев и демонтировала памятники Ленину, а другая – отказывалась воспринимать «новое»

Памятник Степану Бандере во Львове

прошлое и «новых» исторических героев. Резонансными и за пределами Украины стали пожары на могиле поэта В. Стуса, в доме родителей Т. Шевченко, разрушение памятника С. Бандере.

В странах Балтии и Центральной Азии особо популярными становятся поэты и писатели, прославлявшие в своем творчестве идеи национальной борьбы, деятели искусства, создававшие символические памятники. В Казахстане, к примеру, галерея «мучеников и героев» пополнилась именами представителей казахских ханов, баев, деятелей партии «Алаш», репрессированной национальной интеллигенции. При этом почти не изменилось отношение к государственным и партийным деятелям советского периода – А. Джангильдину, У. Джандосову, Д. Кунаеву. Список антигероев возглавили такие пришлые «элементы», как Ермак, Ф. Голощекин, Г. Колбин и другие. В независимых республиках произошли перемены в системе праздников и исторических дат.

И на Украине, и в Казахстане всё громче и резче поднималась тема голодомора. В массовом сознании начинает укореняться представление о специально организованном голоде 1932–1933 гг. с целью полного уничтожения украинского и казахского этносов. На одно из центральных мест выдвинулась и история, связанная с освоением целинных и залежных земель. Политика Москвы рассматривается теперь с акцентом на результатах полного выветривания плодородной почвы на обширных территориях. Делается вывод, что центр вообще намеренно проводил политику сохранения экономической отсталости Казах-

стана в послевоенные годы, развивал только сырьевую и добывающие отрасли народного хозяйства.

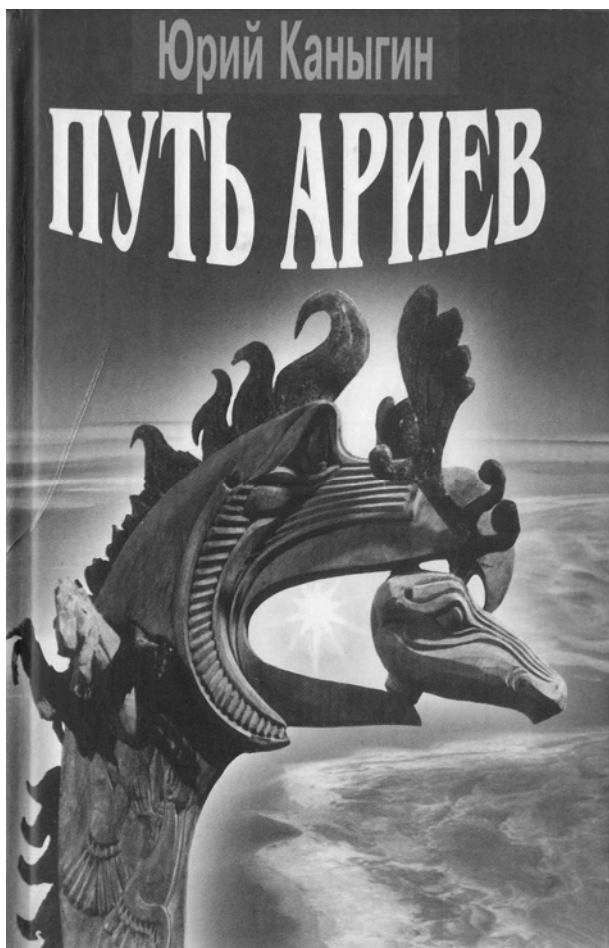
В описании этих и других событий на место политизации пришла мифологизация. Национальной судьбе и национальному характеру придавались черты исключительности. То, что не отвечало этому, просто игнорировалось. К примеру, казахские историки А. Куркчи и С. Примебетов использовали лишь превосходную степень для прилагательных, описывающих главные события национальной истории: если реформа, то обязательно «великая реформа», если создание федерации (Федерации десяти стрел, 634 год), то как «образец администрирования». Если Тюркский каганат между 547 и 645 годом, а затем во время существования в двуедином облике государства Запада и Востока Великой степи «дает первый пример единодушного баланса отношений между внутренней и внешней политикой, между экономической и военно-стратегической экспансией, языковым и родоплеменным единством всех населяющих Великий Тюркский эль народов», то Россия предложила «самый неэкономный в истории способ пересоздания аморфной структуры гигантского пространства Великих степей в нечто устойчивое, но реорганизующееся постоянно через доминанты освоения, добычи сырья, насилия над природой и популяциями через северные ресурсы и Сибирь, через перетасовку энергии по наиболее экологически уязвимой природной среде» (88).

Одновременно не учитывалось, что некоторые крупные субэтнические общины (алтайские старооб-

рядцы, уральские и сибирские казаки, семиреченские уйгуры и дунгане, немецкие переселенческие деревни на севере и северо-востоке) имеют в этих местах сложившиеся за последние два-три века свои локальные истории. Но их самобытное прошлое не освещается в структурах общих курсов национальной истории Казахстана. К тому же, «приватизировались» как исключительно казахские значительные исторические события, личности, памятники средневековья, являющиеся общим духовно-историческим достижением многих современных тюрко- и монголоязычных этносов Евразии.

Идея этноцентризма порой приобретала формы элементарного абсурда в оценке исторических событий. Политический заказ и следующая отсюда научная нечистоплотность, непрофессиональная безответственность, сознательная неверифицированность фактов и уверенное чувство неприкосновенности оказали плохую услугу «нациецентричности». Обретение собственных исторических «корней» часто превращалось не в научный поиск, а в ожесточенную борьбу с «хранителями» советских традиций. В таких условиях лавина публикаций о прошлом хотя и приковывала внимание общества к собственной истории, нередко была замешана на мистике, эзотерических представлениях и фантастических предположениях. В частности, этим отличались статьи и даже книги, посвященные древним историческим «корням» украинцев.

Солидные журналы и газеты публиковали рассказы о так называемых «украх», которые несколько тысяч

лет назад дали название Украине. О том, что трипольские племена, жившие на территории Украины в период неолита, создали первую в Европе письменность, которую потом использовали финикийцы. О «звездных людях» с планеты Венера, которые передали на землю знак тризуба, а потом греки, жители Атлантиды, принесли его на Украину, где уже существовала империя У-Гор, которая простиралась от Атлантики до Тихого океана. Дело дошло до публикации журналом «Вісник НАН України» (НАН – Национальная Академия Наук) книги Ю. Канигина «Путь ариев», автор которой – доктор экономических наук – вполне серьезно утверждал, что украинцы являются прямыми потомками индоевропейских ариев, которые обладали «духовным совершенством», а их символами были арийский крест (свастика) на сине-желтых штандартах. Резкой критике подобную антинаучную работу подверг вице-президент НАН Украины П. Толочко за «доведенную до абсурда “украиноупию”» (89).

В Грузии появился ряд околону научных трудов, в которых исторические и культурные «достижения» России намеренно оценивались как гораздо менее значимые, чем достижения Грузии. Подобные параллелизмы, безусловно, являлись признаком непрофессионализма. Как самостоятельное историографическое направление возникла сталиниана. И хотя личность Сталина получила в Грузии неоднозначную оценку, сталинофильские настроения достаточно сильны и являются скорее преобладающими. Историческое сознание крайне негативно воспринимает советский

Демонтаж памятника Сталину в Гори. 25 июня 2010 г.

тоталитаризм, но отношение к одному из его главных творцов является, мягко говоря, лояльное. Причина этого кажущегося противоречия достаточно тривиальна и заключена в этническом происхождении бывшего политического лидера СССР. Как заявил председатель общества «Сталин» Г. Ониани, «маленький народ гордится великим человеком, оставившим в истории куда более значительный след, чем все его предшественники» (90).

Создание национальных историй в странах Центральной Азии, например, в Таджикистане, усложнялось тем, что в советское время основанное на религии государство, ставшее одной из союзных республик, было «переделано» в светское, полностью изменился жизненный уклад, поскольку советская власть настойчиво искореняла исламский образ жизни как основу прежней ментальности. Второй фактор, осложняющий работу таджикских историков, – несколько раз менявшийся письменный язык, что сделало целый ряд источников недоступным. Известно, что в рамках борьбы с исламским наследием в советское время таджики претерпели две последовательные смены алфавитов. В 1929 году арабица была заменена латиницей, а в 1940-м от латиницы перешли к кириллице. Параллельно с этим систематически изымались из свободного хождения и уничтожались книги на арабице, сохранились только те из них, которые теми или иными путями попали в государственные библиотеки. Последствия этих перемен крайне сложные – новые поколения оказались отчуждёнными от всего корпуса классической письменности и, сле-

довательно, от непосредственных источников знания о собственном прошлом.

Несмотря на то, что русская история и русская наука об истории превратились для таджикистанских коллег в базовые парадигмы, после 1991 года гуманитарное и культурное знание в Таджикистане довольно быстро прониклось печалью по утрате «золотого века» – некой кульминации собственного бытия в глубоком прошлом, которая для средневекового иранца ассоциировалась со временем эпического царя Джемшеда и иными мифическими и историческими периодами. С выходом из СССР, по мере углубления в собственное прошлое, таджикский интеллигент был глубоко потрясен масштабами действительных потерь: измельчением, провинциализацией собственной культуры, нарастающей русификацией и упрощением языка. Образ иранского средневековья и досоветской Бухары стал представляться как время нерастраченной культурной полноты. Для преодоления разрыва с прошлым из-за советских языковых реформ в Таджикистане начинаются работы по реабилитации языка, классической литературы и письменности.

В 1991–1992 гг., после окончательного упразднения цензуры, Таджикистан испытал настоящий бум переизданий старой литературы религиозного характера. Вышли в свет средневековые и современные переводы Корана на фарси, толкования к Корану, хадисы («высказывания») пророка Мухаммада, биографии пророка, житийная литература (как, например, «Кысасал-анбия» – «Сказания о пророках»), история

мусульманства, богословская учебная литература с элементарными сведениями о мусульманстве, молитве, посте и т. п. Пребывание же Таджикистана в составе СССР оценивалось отрицательно в основном молодыми историками (91).

В России на историописание не мог не повлиять кризис национальной идентичности. Уже в середине 1990-х годов отчётливо ощущалась тоска по положительному примеру и героическому прошлому. Неслучайно социологические опросы этого периода зафиксировали усиливавшийся запрос на сильные личности, имперские ценности и авторитарный стиль управления. Всерьёз заговорили о потребности общества и государства в некоей объединяющей национальной идее, «русской идее», которая могла бы заполнить идейный вакуум, возникший после крушения коммунистической идеологии как идеологии государственной. Разные политические силы предложили свою трактовку «русской идеи», однако, несмотря на известные различия, все они практически сошлись в одном: «русская идея» – это идея государственная, державная, не имеющая этнического оттенка. Подобная трактовка национальной идеи влияла и на восприятие русской истории как прежде всего истории государства Российского (92).

Создание национальных историй в странах СНГ и Балтии было немислимо без преобразования корпуса учебной литературы, рассчитанной на миллионы школьников и студентов. С 1991 года прекращается периодическое переиздание канонических, устраивающих политическую элиту учебников для средних

и высших учебных заведений. Новые учебники сопровождались прямым обращением авторов к молодежи. Показательным является текст «К учащимся» в «Истории Украины»: «Бурные преобразования, происходящие в наши дни, изменяют устаревшие представления об историческом процессе. До недавнего времени из неиссякаемого источника отечественной истории мы не могли черпать всю правду. Несколько поколений были отлучены от настоящей истории <...>. Авторы этого пособия стремились с позиций исторической правды воспроизвести реальную картину социально-экономической, общественно-политической и культурной жизни Украины в рассматриваемый период. Особенное внимание уделено устранению «белых пятен» в истории нашей республики, в частности, освещению вопросов украинской государственности, трагических событий 30-х годов, проблемам перестройки и получения действительного суверенитета Украины» (93).

В 1994 году члены того же авторского коллектива (С. Кульчицкий, Ю. Курносов, М. Коваль) опубликовали новый учебник по истории Украины для 10-х – 11-х классов, где в очередном обращении «звучали» иные мотивы и образы, настраивающие читателей на соответствующее восприятие учебного материала. Авторы констатировали, что украинский народ до сих пор доподлинно не знает своего прошлого, что в прежней тоталитарной империи царила атмосфера всеобщего обмана, что идеологические надсмотрщики фальсифицировали историю XX века, что на историческую науку Украины были наложены

тяжелейшие пути, что события на Украине подвергались под процессы, происходившие во всей империи и что, наконец, только сейчас ученые получили возможность разработать историческую концепцию, «основанную на правде жизни» (94).

В учебной литературе на постсоветском пространстве стала заметной еще одна показательная тенденция – социально персонифицированный образ врага (в лице сталинизма, тоталитаризма, коммунистического и оккупационного режима и т. д.) стал дополняться этнически персонифицированной группой, якобы несущей свою долю ответственности за негативные процессы. Такой группой стали русские. Этот абсолютно неновый психологический прием антитезы «мы–они» позволял стереотипизировать на подсознательном уровне сознания отношение к группе лиц или народу, с которыми по принципу аналогии впредь могли бы ассоциироваться все государственные неудачи.

В Молдавии авторы учебников по истории на первый план выдвигали именно национальный фактор в воспитании школьников. Политика России по отношению к Бессарабии подавалась как политика систематического подавления национальных традиций и культуры, разорения и ограбления края, прежде всего, в период русско-турецких войн. Вслед за румынской современная молдавская историография поставила знак равенства между Россией и Турцией, отрицая объективную роль России на Балканах, замалчивая значение для Дунайских княжеств положений Кючук-Кайнарджийского, Ясского, Адрианопольского договоров России и Турции.

Что касается издания массовой литературы в России, то в 1993–1994 гг. была попытка осуществлять на государственном уровне программу избавления от комплекса вины перед «наказанными» народами и сугубо отрицательного отношения к «имперскому» прошлому. Главным инициатором этой программы был тогдашний председатель Комитета РФ по печати Б.С. Миронов. Еще до прихода на это место, будучи директором крупнейшего издательства «Русская книга», он активно издавал таких консервативных русских мыслителей, как К. Победоносцев, К. Леонтьев, И. Ильин, сборник «Под стягом империи», ратовал за новое национальное воспитание, в котором имперские ценности должны были играть одну из ведущих ролей. Открытые выступления о необходимости вернуть русскому народу его традиционное государственное величие, подготовка закона о нравственной цензуре привели к отставке Миронова.

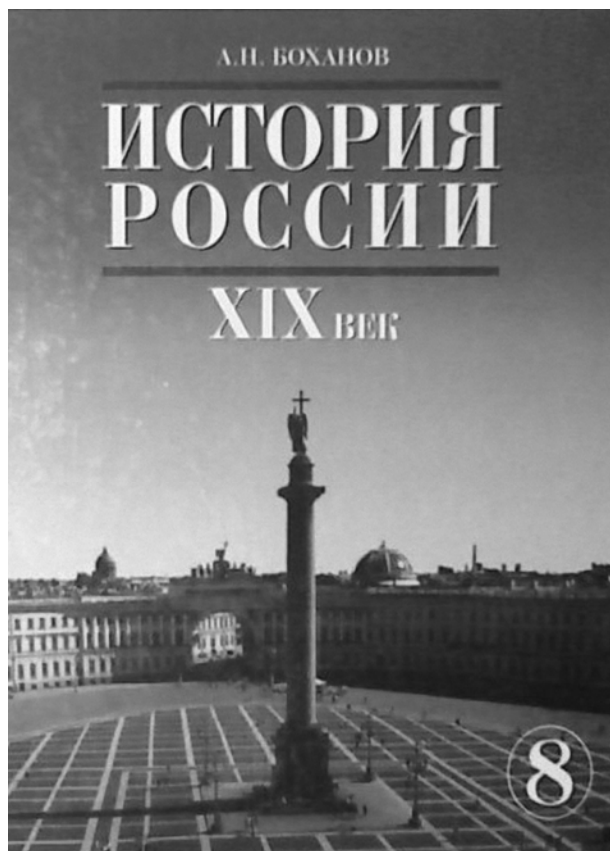
Содержание новых учебников по истории России в 90-е годы отличалось от советских «предшественников» тем, что в соответствии с анализом Е. Зубковой и А. Куприянова, в них заметно вырос удельный вес фактического материала, произошел отказ от наиболее тенденциозных интерпретаций событий. Больше внимания стало уделяться истории реформ и деятелям-реформаторам: Петру I, Александру II, П.А. Столыпину, С.Ю. Витте, Н.С. Хрущёву и другим. Заметную популярность завоевали так называемые системный и цивилизационный подходы, когда российская история представлялась в общемировом контексте, с одной стороны, а Россия – как особая цивилизация,

Памятник П.А. Столыпину в Саратове

с другой. Оба этих подхода позволяли расширить границы исторического познания и пресекали сползание в национализм, пропаганду национальной исключительности русской истории, а вместе с тем, и русских. При этом активно обсуждались проблемы русской самобытности и русской цивилизации как общекультурного феномена. Однако история межнациональных отношений являлась одним из наиболее слабых мест в российском историческом образовании, а если национальные сюжеты присутствовали в учебных программах и учебниках, то диаметрально противоположные трактовки нередко дезориентировала учащихся.

В учебном пособии для учащихся 10–11 классов «Российская цивилизация и истоки её кризиса», написанного И.Н. Ионовым, можно прочесть: «Представители нерусских национальностей, населяющих территорию Российской империи, презрительно именовались “инородцами”. Царское правительство не желало замечать накопившихся различий в культуре русского, украинского и белорусского народов, зачисляя их всех в разряд “русских” и не считаясь с наличием украинского и белорусского языков. Своекорыстие в национальной политике постоянно умножало противоречия между русскими и украинцами, грузинами, казахами. Однако эти противоречия замалчивались. Напротив, нормой являлось славословие в адрес Российского государства». В учебнике же по истории России для 8–9 классов, подготовленного А.Н. Бохановым, можно найти прямо противоположное утверждение: «Новые территории никогда не

разграблялись, население не становилось данником далекой метрополии. Везде сохранялись существовавший до того общественный уклад и привычные нормы жизни... В России не было дискриминации (различия) по национальному или расовому признаку... В XIX веке Российская империя включала сотни племен и народов, каждый из которых сохранил исконные черты, собственную культуру, традиции и обычаи» (95). Получается, что по первому учебнику на вопрос, являлась ли Российская империя «тюрьмой народов», надо ответить утвердительно, а по второму – отрицательно.

Таким образом, сходные условия освобождения от идеологических догм, стремление обрести национальную идентичность, национальную идею делали историописание и изменение массового исторического сознания в период с 1990–2000 годов практически синхронными. Во всех странах СНГ и Балтии наблюдалась стремительная смена «центричности» в изучении исторического процесса и подаче его обществу. Много усилий тратилось на разрушение мифа о «дружбе народов», на преобладание в научном и учебном материалах конфликтных вопросов в отношениях с центром и соседями. Национальная символика, реставрация языка, смена галереи героев и системы государственных праздников и дат также свидетельствовали о стремлении новых государств создать свою национальную историю со своей картиной мира.

2. Этноромантики и этнопрагматики

В первом десятилетии XXI века новые политические элиты и национальные историки в основном придерживались трех сценариев. Первый – взвешенное «обновление» историознания, отступление от радикального этноцентризма к синтезированной мультикультурной истории. Такой путь избрали, скажем, политические лидеры и историки Эстония. Второй путь – сохранение этноцентризма, но с отказом от перегибов и сохранением граней умеренного подхода при обращении к прошлому. По такому пути пошли власти и ученые, например, Азербайджана. Третий – усиление этнонационального радикализма в историознании, историческое мифотворчество, «паннационализм» с прежним акцентом на искусственное удревнение этноса, возвеличивание исторических личностей и событий, которые бы указывали, с одной стороны, на страдальческую составляющую прошлого, а с другой – на силу духа в стремлении обрести независимость. Таков был путь Украины.

Можно говорить и о четвертом варианте, близком ко второму сценарию. По нему пошли государства Центральной Азии: реставрация своей письменности и начатое заново изучение своей действительной истории, то есть её «обретение», но с подчёркнутым «центризмом». Для Кыргызстана и Таджикистана процессы, начавшиеся в первом и продолжившиеся во втором десятилетии их независимости, определяются понятием «появление истории». Исторические исследования в Кыргызстане, возглавляемые Инсти-

тутом истории Национальной Академии наук, в период с 2007 по 2010 годы осуществлялись на основе специального плана мероприятий. Его основными направлениями являлись: актуализация проблем фундаментальных исследований по истории кыргызской государственности, расширение источниковедческой базы, археологические и этнографические экспедиции, а также подготовка монографий, брошюр, учебников и учебных пособий.

Тематика научных исследований института охватывала все основные этапы истории кыргызов и кыргызского государства с акцентом на досоветскую историю. В рамках проекта «Происхождение, формирование и развитие кыргызского народа», а также международной программы ЮНЕСКО «Комплексное исследование Шёлкового пути – пути диалога» (96) исторические исследования разворачивались вокруг тех тем, которые были на периферии историографического внимания в советские годы. Среди таких тем происхождение кыргызов, становление кыргызской народности и государства, национальные движения начала XX века, репрессии сталинского режима. Национальная история воспринимается исключительно как история кыргызов.

Однако этого нельзя сказать о географически соседствующем Казахстане, где в историознании заметен переход от этноцентризма к мультикультурализму. Поскольку в официальной национальной политике не предусматривается титульной нации, акцент делается на гражданство и равенство наций. В государственных образовательных стандартах принято опре-

деление «История Казахстана», что подразумевает историю не нациеобразующего казахского народа, а мультикультурного государства Казахстан. Ставка на культурную эксклюзивность, как и в Азербайджане, в Армении и Грузии, делается, прежде всего, для создания благоприятных условий для привлечения туристов в республику, для установления межкультурной коммуникации. «Места памяти должны стать основой для развития культурного туризма, а также музеефикации. Территорию Казахстана необходимо представить миру как основную ветвь Великого шёлкового пути, создать систему конкретных маршрутов и профессионально заняться осуществлением этого проекта», – таковы цели руководства Казахстана (97).

Идею мультикультурализма в историознании разделяет и многонациональная Эстония, в которой проживает многочисленная российская диаспора. После восстановления национальной истории в этой балтийской республике не ставится знак равенства между историей Эстонии и историей эстонцев, история эстонцев также не отождествляется только с историей крестьянского сословия и его эмансипацией. Пристально исследуется прежде игнорировавшаяся история правящего и долго доминировавшего в культурной сфере меньшинства – остзейских немцев. Больше внимания уделяется истории национальных меньшинств в Эстонии, в том числе, русского. Ввиду того, что интерес эстонской общественности в основном прикован к событиям XX века, отправной точкой исследования всякого исторического вопроса

является идея о самобытности и праве каждого народа на самоопределение на своей коренной территории, где он составляет большинство. Эстонские историки особое внимание уделяют таким темам, как обретение и потеря независимости, Вторая мировая война и советский период.

Наиболее распространенным положением по поводу этих событий является следующее: «Во Второй мировой войне (точнее, уже в 1938 году, повторно 1 сентября 1939 года) Эстония объявила себя нейтральной. Однако после сговора Гитлера и Сталина эстонское правительство вынуждено было капитулировать перед СССР, чтобы сохранить свой народ. Эстония – как государство – была оккупирована в 1940 году Советским Союзом, в 1941 году Германией и в 1944 году опять Советским Союзом. Бессмысленно спорить о выборе, стоявшем тогда перед эстонцами, – как раз выбора-то, по большому счету, и не было. В сентябре 1944 года, когда немцы оставили Эстонию, была предпринята попытка восстановить независимость. Юридически вполне корректно созданное правительство сумело пару дней проработать в Таллинне и успело заявить о нейтралитете в советско-германской войне. С приходом Красной армии правительство бежало, почти все министры были пленены и получили кто каторгу, а кто смертный приговор» (98).

В многонациональной Литве, однако, четкой ориентации на мультинационализм в историознании не наблюдается. В то же время известно, что заниматься изучением истории татар и караимов, проживающих

в Литве со времен короля Миндаугаса, в исторической среде является весьма престижным. В современной Литве наблюдается больший интерес к истории новейшего времени и современности, нежели к медиевистике, когда Великое княжество Литовское являлось одним из крупнейших и мощнейших государств в Европе, что выглядит алогичным. Ведь за счет богатой и славной средневековой истории, по примеру Казахстана, литовцы могли бы вести успешные межкультурные коммуникации. Тем не менее результаты социологического исследования 2007 года (опрашиваемые отвечали на вопрос «Какой исторический период Вам как литовцу (гражданину Литвы) кажется наиболее существенным?») показывают, что 68,5 % опрошенных заинтересованы в нынешнем времени, 35 % – периодом Литовской Республики (1918–1940), 32 % – советскими временами, 26 % – эпохой национального возрождения с конца XIX века. «Литву князей» обозначали только 25,5 % участников исследования (99).

При всей «европейскости» Литвы и, казалось бы, склонности к межкультурному диалогу, в этой балтийской республике реализуются проекты, указывающие на этноцентристскую направленность нового историознания. Ее материальным воплощением является государственный проект по «восстановлению» Дворца Правителей Литвы – части комплекса Нижнего замка, которая служила и как резиденция великих князей Великого Княжества Литовского (ВКЛ) – королей Польши – во время их пребывания в Вильнюсе до середины XVII века. По мнению Н. Шепетиса,

Открытие Дворца Правителей Литвы. 2009 г.

этот Дворец ныне представляется как символ долговечной литовской (в этническом смысле) государственности, но он был разрушен во время оккупации города московскими войсками (1655), умышленно разрушен «царской властью» после аннексии территории нынешней Литвы после 3-го раздела Речи Посполитой (РП). Но на самом деле это здание никогда не имело такого исторического смысла, да и понятие самостоятельности («равноправия») ВКЛ в составе РП не обладало «национальным» в сегодняшнем понимании характером. Здание потеряло прежнее значение в эпоху упадка государства и разваливалось само по себе, действия московских войск или российской власти не были фатальными. Самое важное,

что здание нельзя восстановить, если отсутствуют аутентичные планы и чертежи, если есть только несколько рисунков более позднего времени. Несмотря на эти и другие аргументы историков и других специалистов, Дворец в последние 7 лет строится и устраивается в основном за деньги, и притом большие деньги из государственного бюджета (100).

Для соседней с Литвой Латвии, как и для некоторых других стран постсоветского пространства, характерно появление двух противоборствующих групп историков, где для одних советская государственность является «провалом», «черным пятном» в национальном бытии, а для других – вполне легальной частью национальной истории. Одни стремятся к «национализации» истории, другие – к мультикультурности. Для первых «разрыв» компенсируется наличием национально-освободительного движения (сюда попадают любые формы сопротивления «чужим» режимам – от культурной фронды до партизанского движения), для вторых – разрыва не существует. В Латвии «бои за историю» являются внутренними боями, где противоборствующие стороны представляют собой различные части одного общества. «Перед нами, – пишет Виктор Макаров, – своеобразный треугольник, в котором, с одной стороны, есть латвийская официальная, поддерживаемая большей частью латышско-язычного населения версия истории, с другой стороны, «контрверсия», которую поддерживает другая часть жителей Латвии, наконец, с третьей стороны, версия истории Латвии, какой она видится вне Латвии» (101).

Универсальная формула национальной истории в Азербайджане сейчас следующая: история должна соответствовать текущему моменту, иметь прообраз в достижениях прошлого, а любые возможные апелляции к прошлому должны находить удовлетворительное объяснение в новом историческом знании. Принцип подачи материала в исторической литературе, подходы к оценке тех или иных событий избираются с позиций того, какое значение они имели для азербайджанской государственности. Понятие «национальные историки» предполагает лишь историков, творчество которых протекает в Азербайджане, независимо от того занимаются ли они «национальной историей» или историей других стран (102).

В ряде независимых государств даже в первом десятилетии XXI века в историознании продолжал доминировать этнический компонент. Продолжающаяся «национализация» преподносится как орудие демократизации политической жизни. В действительности же, к примеру, на Украине высшая государственная бюрократия и политические элиты избрали стратегию использования стандартных схем национальной истории для легитимации своего общественного, культурного и политического статуса. Поэтому «национализированная история» по мере своего формирования интегрировалась в достаточно аморфную государственную идеологию, образовательную политику и гражданское воспитание. Все это осуществлялось под прикрытием этноцентризма, локального и геополитического, претендующего стать исследовательским подходом, который фиксирует

черты определенной этнической группы. Характерной чертой этого метода стало сознательное заострение политиками спорных страниц истории для нарочитого разжигания в обществе острых исторических дискуссий.

На Украине, в частности, после «оранжевой революции» президент В.А. Ющенко активизировал национальную составляющую украинской истории, с особым упором на те страницы, где не существовало устойчивого консенсуса, или где его легко было нарушить. Это привело к стремительной актуализации тем, вызывающих крайнее раздражение в политически активной части общества. В результате, как пишет Г. Касьянов, «вторая половина первого десятилетия XXI века явила примеры исключительно острых общественных дискуссий по поводу прошлого, дискуссий, в которые втянулись не только граждане Украины, но и целые государства» (103).

Право на создание национальной истории, где бы подчеркивалась исключительность исторического пути своей нации, требовало фактологических обоснований. Появилась необходимость в мифе с особым упором на национальный героизм и страдания народа. На Украине для этого были выбраны два наиболее знаковых исторических явления: Украинская Повстанческая Армия (УПА) как пример героических страниц истории и голодомор – как пример исключительной по масштабам национальной трагедии. Оба явления преподносились в крайне эксклюзивной форме – как предмет исключительно украинской этнической истории (УПА – борьба украинцев за независимость,

Роздештвенская открытка ОУН-УПА. Выпускалась в 1944-1952 годах

голодомор – геноцид против украинской нации/народа) (104). Так называемая белая страница украинской истории – голодомор – усилиями власти превратилась в специфическую форму культурной реальности, в значимый символ национальной исторической мифологии и в то же время – в предмет крайне противоречивых политических спекуляций и жарких общественных дискуссий.

В Белоруссии комплекс «виктимизации», «страдальчества денационализированной» белорусской нации в том виде, как он сформулирован в «национальной концепции истории», выглядит довольно надуманным и не имеющим необходимой доказательной базы. Великое княжество Литовское имеет «белорусский» характер на основании того, что белорусы составляли большинство его населения. Также в Белоруссии к 2000 году приобретает видимые черты и приносит первые результаты программа полной смены парадигмы исторического познания и преподавания. Она инициировалась под лозунгами обретения национальной идентичности, желанием изучать и знать историю «не с чужого листа». «Чужой лист», «чужие формы дискурса», писали жёсткие критики «бэсэсэровской историографии» – это дискредитировавший себя историзм марксистской традиции. Поскольку, по их убеждению, в истории человечества «нет ничего универсального и всеобщего», то и «нет мировой истории» как таковой. Есть история национальная (105). И тем не менее в Белоруссии при всей впечатляющей решительности, с которой одно в истории «вспоминалось», а другое «за-

бывалось», нет тех крайностей, которые наблюдаются в других постсоветских странах.

После решения вопроса о праве на «нациецентричную» историю, после укоренения восприятия своей страны как самостоятельной единицы в первом десятилетии XXI века в независимых республиках встал более сложный вопрос о самоидентификации в пространственной системе координат, причислении своей нации к одной из двух цивилизационных систем – к Востоку или Западу. С первой системой ассоциируются культурные, государственные, экономические и социально-психологические формы, связанные с отсталостью, подчинением индивида коллективу и государству, деспотией и авторитаризмом. Со второй – индивидуализм, демократия, свободный рынок, разнообразие культурных форм, идеологический плюрализм и свобода личности.

Страны Балтии (вступив в Европейский Союз в 2004 году), «румынская» Молдавия, Грузия (подчеркнув свою принадлежность к европейской семье идей, что Грузия – европейская страна со времен Прометея, который был прикован к горам Кавказа), Западная Украина (в первую очередь, разрушая имперский/советский миф о единстве трех братских славянских народов) решительно идентифицировали место своей нации в Европе. «Логика “национализированной” истории, – пишет Г. Касьянов, – предполагала: первый шаг – превращение в полноценную, “историческую” нацию; второй – вхождение нации, “восстановившей” свою историю и историческую полноценность, в семью европейских наций» (106).

Определение места «своей» нации в системе исторических, историко-географических, культурных и политических координат в рамках «национализированной» историографии предполагало создание таких национальных мифологий, которые позволяли бы не просто «выделить» или «отделить» свою историю от познавательных структур, схем и нарративов, ранее представлявшихся общими, но и доказать историческую обоснованность такого выделения. Главной целью, артикулируемой прямо или косвенно, было отделение от «общерусской» истории и «воссоединение» с «общеевропейской» (1). Например, на Украине, неприкрыто стремившейся в «европейский дом», «европеизируемые» исторические факты целенаправленно «подстраивались» под типично общеевропейские процессы. «Наиболее пригодными с точки зрения набора стереотипов в стиле “исторического евроремонта” национальной истории являются новые интерпретации героического, казацкого периода истории Украины. В наборе соответствующих исторических мифов почетное первое место занимает идея “украинской национальной революции середины XVII столетия”, выдвинутая в научном исследовании и немедленно репродуцированная на уровне школьной и вузовской нормативной истории. В своих базовых формулировках эта идея выглядит так. В середине XVII столетия (если более конкретно – в 1648–1676 годах) на Украине (иногда используется эвфемизм “украинские земли”) происходила национальная революция. Её результатом стало создание национального государства, которое вследствие внут-

ренных раздоров и давления со стороны соседей (разумеется, России и Польши) погибло, однако “украинские земли” сохранили остатки автономии и самоуправления, а с ними и соответствующую традицию. В ходе упомянутой национальной революции возникла “национальная государственная идея”, которая стала “для следующих поколений украинцев неписаным заветом в борьбе за независимость”» (108).

Революция стала импульсом для формирования новой политической элиты, для развития национального самосознания, в частности, «идеологии элитарного украинского национализма», она пробудила «волю нации к самоутверждению и самовыражению в форме независимого соборного государства». Украинская национальная революция XVII века была событием, аналогичным революциям XVI–XVII веков в Нидерландах, Англии, Германии и Франции, это было событие европейского масштаба, и принадлежит оно европейской истории. Эта научная разработка, полностью построенная на риторике романтической историографии XIX столетия с огромным количеством логических форм, построений и риторических фигур советского варианта марксистской историографии (109), немедленно, без каких либо дискуссий была абсорбирована официальной версией национальной истории.

Украинский историк Г. Касьянов считает, что среди наиболее привлекательных конструкций, одинаково ценных для всех центрально- и восточноевропейских исторических мифологий, является миф о «врождённом» демократизме своих наций (как пра-

вило, в противопоставлении «другому», коим всё время оказывается Россия и русские) и о первенстве в законодательном обустройстве. Со времен классиков национальной историографии XIX – начала XX века стандартная версия национальной истории украинцев обязательно содержит ссылки в одних случаях на «вечевую демократию», в других – на «христианскую казацкую республику». Разумеется, важным элементом подтверждения одновременно и демократичности, и принадлежности к европейскому миру является упоминание о наличии на «исторических территориях» Украины Магдебургского права (110).

Отдельным феноменом среди стран бывшего СССР является Молдавия. Казалось бы, историки многонациональной Молдавии должны придерживаться тех же направлений, которые наметились в Эстонии и Казахстане. Однако Молдову и ее судьбу национальные историки осмысливали и продолжают осмысливать как особый случай на постсоветском пространстве, так как само понятие «молдавская национальность» не определено внутри дискурса национальной историографии (111). Кроме того, ни в одной из бывших союзных республик не муссировался вопрос о вливании в состав соседнего государства – в данном случае Румынии.

Поэтому в Молдавии среди национальных историков выделились две оппозиционные группы: «молдовенисты» и «румынисты». Для «молдовенистов» принципиальными являются следующие события: рождение молдавского государства, правление Штефана чел Маре, Дмитрия Кантемира, правление Петра I,

Памятник Штефану чел Маре в Кишинёве

1812 год, 1918–1940 гг., Великая Отечественная война, нахождение в СССР как время расцвета страны. Пребывание в Румынии считается трагической страницей. Для «румынистов» определяющими предстают иные исторические вехи: дако-римские войны, романизация населения, формирование румынского этноса и нации, объединение румынских земель и основание румынского государства под руководством Траяна, Децебала, Буребисты и Михая Витязу, основание Румынии в 1859–1861 годах, 1918 год, соединение Бессарабии с Румынией – 1918–1940 годы, аннексия СССР Бессарабии с 1940 году, возврат латинской графики и румынское название нации и языка.

Представители румыно-интегрированной интеллигенции на вопрос анкеты: «Что для вас означает национальная история?» – отвечают, что это борьба за возрождение национального румынского языка и протест против насильственной русификации в советский период. Они утверждают, что подобной борьбы за язык не было ни в одной стране, что через него шел процесс роста национального самосознания. На уровне официальной политики оспаривается румынская модель национального строительства, которая гласит: «Молдаване – часть румынской нации». Противовесом выступает молдовоцентричная модель, которая обосновывает представление о двух нациях: молдавской и румынской. Румыноцентричная парадигма видит в русских оккупантов... не только с 1940-го, но и с 1918-го и даже с 1812 года (112). Национальное сообщество разделилось по вопросу самоидентификации: основная часть правящей политической элиты считает себя молдаванами, а большинство оппозиции и значительная часть национальной интеллигенции ощущают себя румынами.

Невзирая на то, что в 2000–2010 гг. страны постсоветского пространства условно разделились на группы по методу создания национальной истории, во всех странах сохранился ряд схожих проблем, связанных с общей для всех советской историей. Если в первые постсоветские годы под «белыми пятнами» чаще всего подразумевались отдельные неизвестные или малоизвестные (в силу разных обстоятельств) события, в первую очередь сталинской эпохи, то постепенно хронологические и тематические рамки «бе-

лых пятен» увеличились, объем исторических событий и явлений, нуждающихся в пересмотре с новых позиций, значительно возрос. Уже говорилось о голодоморе на Украине, являвшемся в СССР закрытой темой. Свои «белые пятна» обнаружились в Армении и Азербайджане.

Национальным историкам Армении принадлежат работы по геноциду армян в Османской империи начала XX века, сравнительному анализу геноцида армян и холокоста евреев, поиску политически ответственных за эти трагедии. Осуществить эти исследования в Советской Армении было просто невозможно (113). История геноцида оказывает огромное влияние и на нынешнее отношение Армении к Турции, а непризнание Турцией самого факта геноцида воспринимается большинством граждан Армении как чудовищная несправедливость и признак недружелюбия.

В Азербайджане широкий общественный интерес в 2000–2010 гг. стимулировал исследовательскую работу по проблемам, которые ранее считались подцензурными, а именно: по истории азербайджанских легионов в годы Второй мировой войны, национально-демократического движения в Южном Азербайджане, общественно-политической ситуации в Азербайджанской ССР после войны и в годы хрущевской «оттепели» (114).

Тема Второй мировой войны поднималась и поднимается во всех странах постсоветского пространства, особенно накануне 60-летней годовщины Победы СССР в Великой Отечественной войне, а затем и 65-летия. В первую очередь, дискуссии касались

Мемориал Славы в Кутаиси, взорванный 19 декабря 2009 г.

того, что же это все-таки была за война для их народа – Вторая мировая или Великая Отечественная? Например, в Грузии возобладали точка зрения, что для их страны и народа война не была Отечественной, невзирая на то, что грузинский народ вместе с другими народами СССР мужественно сражался против международного зла – нацизма, а Грузия послала на фронт до 700 тысяч солдат и офицеров, принесла в жертву войне значительную часть своего населения.

В изданной в 1994 году работе Виктора Рцхиладзе говорится, что Грузия оказалась втянутой во Вторую мировую войну, поскольку у инкорпорированной в Советское государство маленькой страны не было другого выхода: «В чужой войне, под знаменами сатанинских империй погибали сыны грузинской земли и их костями усеяны необъятные просторы России, Германии и других стран. Эта война была иронией истории и трагедией для грузинского народа» (115). В учебнике по истории XX века, изданном в 2003 году, однако, предлагается дифференцированная оценка отношения грузинского народа к войне: «В условиях господства советской идеологии значительная часть грузинского народа действительно верила, что война была Отечественной. Вместе с тем для тех, кто помнил оккупацию независимой Грузии, Вторая мировая война не могла быть Отечественной, впрочем, так же, как и для грузинской эмиграции, которая в течение двадцати лет боролась за восстановление независимости своей страны» (116).

В Азербайджане активно обсуждается вопрос о значении бакинской нефти в победе СССР в войне,

но однозначных оценок тому, была ли для азербайджанцев война 1940–1945 гг. Отечественной, нет. В школьных же и университетских учебниках по истории на Украине и в странах Балтии происходит замещение понятия «Великая Отечественная война» более широким понятием – «Вторая мировая». Эстонские историки признают поражение страны во Второй мировой войне в том смысле, что страна потеряла независимость и четверть своего населения, но эти же историки считают, что их страна является одной из победительниц в «холодной войне». «Как гитлеровский, так и сталинский режимы, – пишет А. Адамсон, – на государственном уровне приравнены в Эстонии к преступным, без особого различия между ними. Обе стороны были против права народов на самоопределение, и те и другие – захватчики – убивали, пытали и депортировали население, а в будущем планировали исчезновение (германизация или русификация) эстонцев как самостоятельной нации. В Эстонии считают оба режима равно преступными. К ветеранам германской армии относятся в принципе так же, как к ветеранам Красной армии. Солдат есть солдат, а вина всегда личная, не коллективная» (117).

В Латвии же популярно сравнивать: кто в Латвии больше убил людей в 1940–1941 гг. советская власть или с 1941-го по 1944 год немецкая оккупационная армия? Идут активные подсчеты, и их результаты, безусловно, разные (118).

Особое место в национальных историях занимает проблема оккупации и пакта Молотова–Риббентропа. Некоторые историки стран Балтии, в частности

Литвы, стремятся к умеренной интерпретации советской оккупации 40-х годов. «Было на международной арене всеми признанное государство. Оно было насильственно захвачено и неправомерно аннексировано соседним СССР. Но Литве удалось освободиться и снова укрепиться на международной арене. Теперь она просто обязана определить и четко обозначить действия того соседнего государства против граждан Литвы, а также результаты неправомерной политики и правомерного ей сопротивления. Это обозначение – вовсе не диктат нынешнего Литовского государства в области интерпретации истории, но проявление господства юридического сознания (правового мышления) в политике» (119).

Некоторые историки Молдавии вообще выделяет группу стран, «претерпевших в недавней истории больше всех остальных» в силу катаклизмов 1939–1940 гг. К ним относятся государства Балтии и западные области Украины (120). Как и в странах Балтии, историки считают, что пакт 1939 года узаконил оккупацию и стал причиной порабощения местного населения. В послевоенный период трагедии не прекратились – депортации, голод 1946–1947 гг., репрессии 1949 года. На кого возложить ответственность за все это? В Молдавии в вопросе вины России за преступления советского режима наблюдается редкое единодушие – виновата.

А вот по поводу мнений, распространенных в Латвии, директор Центра «EuroCivitas», историк Виктор Макаров, высказался так: «Был у нас такой летчик Цукурс, знаменитый во всей Латвии, наиболее удач-

ливый летчик до войны. А во время войны он пошел по собственной воле в один из немецкий полицейских батальонов. Лично отличился. И вот выпустили у нас марку в честь этого Цукурса. И кто на марке? Летчик Цукурс или Цукурс-каратель? Вот и разбери. Упоминают то, что выгодно упоминать, а то, что невыгодно, пытаются замалчивать. С обеих сторон» (121). Понимание вот этого «с обеих сторон» и является залогом объективного взгляда на историю.

Если говорить о России, то понятие «национального» в применении к образу прошлого в последние десять лет пребывало в проблемном поле историко-культурной рефлексии по поводу конструирования национальной идентичности в многонациональной стране. Неоднозначный дискурс власти по части идентификации русского/российского народа/народов на историко-географическом пространстве начала XXI века традиционно обращался к историческому знанию и образам исторической памяти как важным аргументам в легитимации позитивной картины настоящего. По мнению Т.А. Филипповой, на особенности национального историописания в России определенное воздействие оказывают два фактора, зачастую вступающие в противоречие: 1) новая западническая стилистика и рационализирующая риторика в описании образа государственности (власть презентует себя как власть-технолог, власть-проектировщик социальных процессов); 2) параллельный рост тенденции (наметившийся в позднееельцинскую эпоху) к имперскому стилизаторству в оформлении исторического и актуального образа страны и её вла-

сти (вне зависимости от реальных политико-культурных характеристик той или иной формы государственности (122).

Учебная литература по истории стран СНГ и Балтии также продолжает продвигать тот образ отечественной истории, который, по мысли его создателей, должен обеспечить воспитание гражданской лояльности новых поколений.

В Грузии национальная история стала программной дисциплиной не только для гуманитариев, но и для всех вузов республики. В Украине в средних общеобразовательных школах был введён предмет «История Украины» (с 4 по 10 классы, а с 2005-го – с 5 по 12), а во всех высших учебных заведениях, независимо от их профиля, был введен обязательный семестровый курс «История Украины». В Азербайджане понятие «отечественной истории» окончательно стало подразумевать лишь историю Азербайджана, а не историю прежней «большой Родины». В Литве канонических учебников синтезированной истории нет. В Латвии официальная латвийская история русскоязычной частью населения отталкивается и в молодежной аудитории не воспринимается. В Эстонии Предметный совет представителей вузов и учителей истории разработал Государственную учебную программу по истории, действующую с 2002 года, в которой учителям истории предлагается только список тем, часто даже без ключевых понятий. Например: «3.1.7. Эстонская Республика 1918–1940. Становление независимости Эстонии. Освободительная война. Экономика, внутренняя и внешняя

политика Эстонской Республики. Культура. 3.1.8. Государство и народ Эстонии во Второй мировой войне. 3.1.9. Эстонская ССР: общество, экономика, население, культура, сопротивление чужеземной власти, эмиграция. 3.1.10. Восстановление независимости Эстонии» (123).

В Молдавии в декабре 2008 года Ассоциация историков Молдавии, придерживающаяся румыно-интегрированной позиции, на своем общем собрании приняла резолюцию, в которой потребовала от молдавских властей отзыва из системы образования учебников интегрированной истории, которые базируются на слиянии курса всеобщей истории и истории румын. Как заявил вице-председатель ассоциации Ион Негрей, молдавские ученики «получают моральные и интеллектуальные травмы» из-за содержания учебников интегрированной истории, «пропитанных идеями молдовенизма» (124).

В России последние годы также отмечены острыми дискуссиями по поводу содержания учебной литературы. В 2007 году в центре внимания были две книги для учителей, предназначенные в качестве концептуальной основы для разработки адресованных школьникам учебников – «Новейшая история России. 1945–2006» А.В. Филиппова и «Обществознание: глобальный мир в XXI веке» под редакцией Л.В. Полякова. И пособие для учителей Филиппова и созданный позднее на его основе учебник (А. Филиппов, А. Данилов, А. Рыбкин) «История России. 1945–2007» лидировали в печатных СМИ и в Интернете по количеству критических отзывов. Какие особенности

А.В. Филиппов

НОВЕЙШАЯ
ИСТОРИЯ РОССИИ
1945-2006 гг.

Книга для учителя

ПРОСВЕЩЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

этих учебных пособий вызвали наиболее заметную реакцию?

Если обратиться к содержательной стороне текстов, то это прежде всего апология изоляционизма, характерного для советской эпохи, оправдание насильственной коллективизации как средства обеспечения индустриального роста, обоснование ускоренной модернизации как высшей цели, достигаемой «любой ценой», трактовка ГУЛАГа как досадного, но побочного продукта эффективной сталинской политики, объяснение террора стремлением верховной власти «не потерять контроль над страной», трактовка концепции «суверенной демократии» как оптимального формата политического режима для современной России. В теоретико-методологическом отношении критические отзывы вызвали ориентиры на безвариантность путей исторического развития страны (своего рода мировоззренческий фатализм), стремление доказать непосредственную преемственность между до- и послереволюционной историей России в режиме апологии авторитаризма и имперской державности. Специфика ситуации состояла в том, что уход от научности в пользу неосталинистского «позитива» и авторитарного «патриотизма» по сути своей не отражает базовых идейных установок власти. Об этом свидетельствуют неоднократные высказывания руководителей страны о неприемлемости в современных условиях «форсированной модернизации» как целевой установки государства, о недопустимости возрождения «железного занавеса», о традиционном государственном патернализме как «весьма неодно-

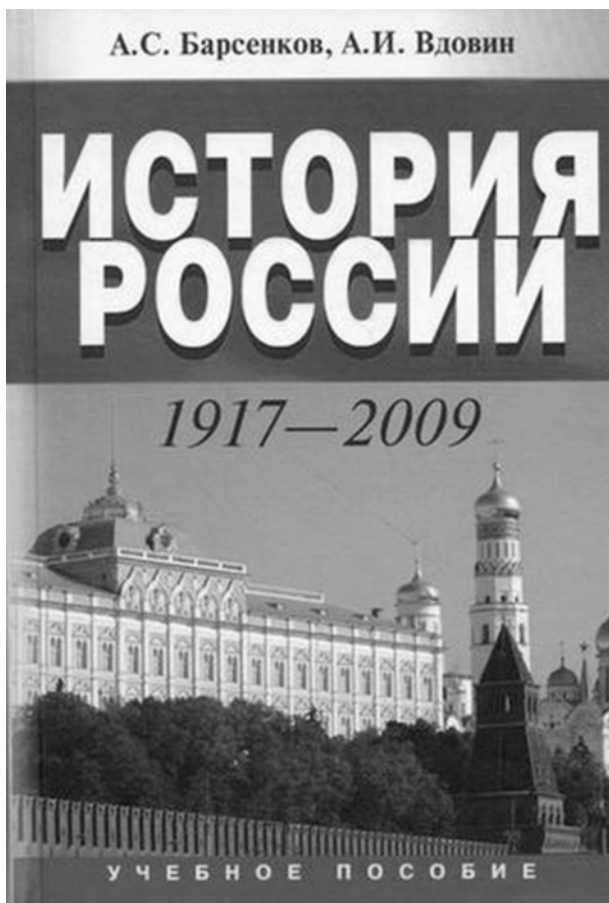
значном национальном опыте». По мнению Т.А. Филипповой, внешние проявления «успеха» упомянутых учебных пособий (министерские грифы и рекомендации, значительный тираж и т. п.), востребованность позитивного образа исторического прошлого страны все же пока истории в школе и в вузах все-таки пока далека от принудительной ориентации на некий моноучебник. Стремление же власти к формированию «позитивной идентичности» (что по сути означает гражданскую идентичность) и воспитанию уважительного, заинтересованного отношения новых поколений к собственному прошлому, как свидетельствуют современные дискуссии, вполне достижимо не в режиме апологии тех или иных государственных деятелей прошлого, а путём обращения к сфере широко понимаемых культурных достижений (125).

Что касается преподавания истории государства, то об этом (от лица части академического сообщества, приобщённого к созданию новых учебников) достаточно корректно и показательно высказался заместитель директора Института всеобщей истории, специалист в области древнерусской истории И. Данилевский: «Президентская республика Российская Федерация – государство совсем молодое, ему от роду чуть более полутора десятилетий. России как государству полиэтничному и поликонфессиональному, безусловно, необходима объединяющая идея, государственная идеология. И в формировании этой идеологии немаловажную роль может сыграть история – но история не государства, (наше государство не является преемником Киевской Руси или, скажем, Мос-

ковского царства), а история государственности, история властных институтов, история этносов и культур. Изучая её, граждане России смогут лучше ориентироваться в переменах, которые переживает наша страна сегодня, и принимать вполне осознанные политические решения, не позволяя манипулировать собой при помощи исторических образов и символов» (126).

В 2010 году в центре острых общественных дискуссий оказалось учебное пособие профессоров МГУ А. Барсенкова и А. Вдовина «История России 1917–2009» (3-е изд. М.: Аспект Пресс, 2010). Его обсуждение нередко принимало форму скандала, в который были вовлечены представители СМИ, академической среды, Общественной палаты и блогосферы. Сторонники авторов утверждали, что ценностью текста является национально-государственный фактор. Противники недоумевали, как стало возможным третье издание учебника, в котором оправдываются «казни политических оппонентов» и «государственный антисемитизм», в котором педалируются чуть ли не конспирологические, национал-социалистические теории о вредной роли «инородцев» в истории России.

На заседании Общественной палаты РФ официально констатировалось, что в книге «помимо ряда исторических неточностей встречаются такие одиозные формулировки, как «представители нерусской национальности», чувствуется, по меньшей мере, пренебрежительное отношение к ряду национальностей». Практически во всех СМИ цитировалось выступление Виктора Дашевского, учителя истории,

заместителя председателя Московского антифашистского центра. На положения учебника о том, что евреи в основном не воевали в войну, а отсиживались в эвакуации, что более 10 тысяч евреев воевали на стороне Гитлера и поэтому выжили, оппонент привёл такие документальные свидетельства: во-первых, их (евреев) было вдвое меньше; во-вторых, это были венгерские евреи, которых адмирал Хорти сначала насильно мобилизовал как солдат рабочих батальонов, а потом отправил под Сталинград, где они попали в плен...

После заседания палаты Ученый совет Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова решил, что дальнейшее использование учебного пособия по истории профессоров Барсенкова и Вдовина при имеющихся в нем недостатках нецелесообразно, официально было отмечено, что в пособии много фактических неточностей, недостоверных данных, «нередко встречается подбор фактов и цитат под априорные схемы и оценки».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В эволюции национальной идеи как сердцевины исторического познания в эпоху советского социализма явственно просматривается несколько этапов, крупных полос. В первое послеоктябрьское десятилетие формирование «своих историй» происходило в обстановке сотрудничества/заигрывания центра с «туземными» элитами, «коренизации», квазилиберальной языковой политики, что стимулировало процессы образования наций среди крупных этносов. Национальные историографии обрели новую – советскую – идентичность и зачастую разрабатывались под флагом краеведения. Однако уже в это время предпринимаются выборочные акции против «национал-уклонистов». Официальная историография в целом ориентируется на классово-центристские и интернационалистские подходы к проблемам истории. Последняя интересна официальной историографии скорее как история революционных движений масс, как «объяснительная глава» к революционным битвам начала XX столетия, грядущего социального переустройства в рамках мирового развития.

В конце 1920-х годов обнаружилось глубинное противоречие между русским (русскоязычным) научным сообществом центра, олицетворяющим официальную историографию, с одной стороны, и национальными историками – как марксистами, так и «идеалистами», – с другой.

1930-е – начало 1950-х годов – время истребительного удара по национальным элитам и культурам, их последовательного и систематического подавления и сдерживания в обстановке утверждения национал-большевистских приоритетов идеологии. Эти приоритеты, однако, не отменяли колебания идеологического маятника между «национальным» и «интернациональным», «классовым» и «державным». Режим был озабочен поддержанием напряжения в среде творческой интеллигенции. Перевод историографии на позиции великорусской державности сопровождался развалом ленинистской историографии, сформировавшейся в основном в 1920-х годах. Идея «своей истории» в этот период сохраняется скорее в виде сокрытых культурных ориентации и предпочтений, удерживается в «закоулках» и «щелях» национального исторического сознания. Функции национальных историографий, связанные с решением крупных проблем историознания, переходят к официальной советской историографии. В последней не прекращается противоборство «державников» и «революционноцентристов». Попытки политического руководства решительно изменить баланс сил, превратить русскую патриотику в тотальную идеологию и историографию прекращаются после смерти Сталина.

Постсталинский период характеризуется оживлением нациестроительства, формированием новых национальных элит, восстановлением процесса «собирания» национальных историй, который происходит в основном в замещённых формах – желании показать «в лучшем виде» представителей своего этноса,

доказать «зрелость» своего региона для дела революции и социализма и т. п. Стремление к «исторической правде» как восстановлению научной объективности в среде национально ориентированных историков во многом совпадает с этноцентристскими предпочтениями, которые предстают в виде слабо отрефлектированных элементов национального взгляда на историю. Идеологическая система и официальная историография удерживают ситуацию доминирования советско-патриотической, в целом великорусской, концепции, распространяемой в основном в научно-теоретических формах. Это не исключает показательных идеологических акций против национальных историографий и историков.

Национальный историк в условиях советского новоимперства был до известной степени декоративной фигурой. Самим фактом своего существования он призван демонстрировать достижения советского социализма в разрешении национального вопроса. Он всегда под рукой в качестве назидательного примера во время кампаний по борьбе с национал-уклонизмами. Нельзя сказать, что обвинения в его адрес с позиций официальной теории истории и общества были всегда беспочвенны. Национальный историк делал своё дело: с разной степенью осознанности в обстановке господства моноидеологии культивировал и удерживал отдельные фрагменты «своей» истории. Он чувствовал себя тем уверенней, чем более нарастали националистические тенденции.

Идея «своей» истории являлась маргинальным дискурсом советской исторической науки. Она была

связана как со старыми этноцентризмами, опирающимися на государственные традиции (украинским, грузинским, татарским и др.), так и вновь возникшими – вследствие создания СССР. В целом эволюция национальных историй в советское время может быть раскрыта с учётом взаимодействия различных факторов, среди которых процессы нациестроительства в советском социуме, трансформация идеологического обеспечения совпартсистемы от интернационального социализма к национал-большевизму, формы и характер насаждения русоцентристского подхода в историознании, политика московских управленцев в отношении национальных политических и культурных элит, состояние массового исторического сознания и степень включённости в него социально-культурных стереотипов и этнофобий, борьба «групп интересов» в науке, включая инициативы и «игры» с властью самих историков, вовлечённых в неформальные кастово-профессиональные объединения.

Обретение национальными историями статуса официальных историографий связано с теми трансформационными процессами, в которые втянулось советское общество во второй половине 1980-х годов. Довольно быстро стал разрушаться идеологический концепт – новая историческая общность «советский народ». На его месте возникли новые исторические представления народов о себе, и друг о друге, в которых реанимировались и получили мощный импульс развития, казалось бы, изжитые советским режимом, исторические представления, вышли загнанные вглубь

национальные архетипы, часто несущие в себе конфликтные этнические доминанты.

Попытки модифицировать или исправить искаженную советскую картину прошлого предпринимались в начале периода гласности, но значительно усилились с возникновением новых самостоятельных государств на территории распавшегося СССР. Так называемые «исправления» были связаны с установками на проявление элементов культурно-исторической идентичности. Кроме того, попытки переосмысления прошлого в рамках сложившейся историографической традиции выглядела желанием анализировать и описывать самих себя психологически, или же рассказать о той или иной исторической ситуации без использования научного метаязыка, изнутри. Однако в тех случаях, когда «переписывание» связывалось не с принципами поиска истины, но с другими побочными – политическими, экономическими или гегемоническими – интересами, то тогда получалась, по выражению Карла Аймермахера, «историографическая каша», в которой перемешиваются правда, ложь, легенды и, конечно, мифы, как самый подходящий «клей истории» (127).

Освобождение национального историознания от диктата державно-имперской, великорусской традиции сменилось повсеместно утверждением «национальной концепции» истории. Этнонациональный фактор занял место чуть ли не главного критерия исторического познания, а мифотворчество – условием сохранения этноцентричности. Как в свое время идеология отвлекала от подлинной истории, так и се-

годня прививаемые понятия наследия и облекаемые в научную оболочку мифы позволяют пользоваться историей «как той или иной красивой вещью, не задумываясь о том, откуда она взялась» (Ролан Барт). Здесь кроется одна из причин раскола во взглядах на прошлое в обществе и профессиональной среде историков. Поэтому, если говорить об актуальных вопросах для национальных историков, то они неизбежно касаются наследия – наследия территории, наследия «непобедимости оружия», наследия «старшего брата», но главное – сохранения подлинной исторической памяти народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. *Шабанов А.Г.* В поисках опоры для национального самосознания // Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки. Часть II. Российская консервативная идеология и современность. Вып. 3. – СПб., 1992. С. 200.

ГЛАВА 1

2. *Ферро Марк.* Европоцентризм в истории: расцвет и упадок // Метаморфозы Европы. – М., 1993. С. 13.

3. *Shapiro, Leonard.* The origin of the Communist Autocracy. 2-d ed. – London, 1977. P. XVIII.

4. *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. – М., 1997. С. 15.

5. *Афанасьев Ю.Н.* Феномен советской историографии // Отечественная история. 1996. № 5. С. 156. См. также: Советское общество и советский человек (точка зрения Александра Зиновьева): Материалы «Круглого стола». Выступление С.Г. Кордонского // Вопросы философии. 1992. № 11.

6. См.: Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. 28.02.1928–4.01.1929. Т. 1. Изд. 2-е. – М., 1930. С. 432, 437, 440–441, 459 и др.

7. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. V. – М., 1985. С. 455.

8. Историография истории Украинской ССР. – Киев, 1986.

9. Геллер М. Как же было на самом деле? // Русская мысль, 25–31 мая 1995. Автор не включил эту статью, содержащую столь категоричную оценку, в книгу, составленную из его эссе, печатавшихся в газете «Русская мысль» под рубрикой «Глазами историка». – См.: Геллер М.Я. Глазами историка. Россия на распутье. 1990–1995. – М., 1996.

10. См.: Белингов А. Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша. – М., 1997; Буковский В. И возвращается ветер... – Нью-Йорк, 1974; Буковский В. Московский процесс. – М., 1996.

ГЛАВА 2

11. Речь идёт о постановлении СНК и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 года «О преподавании гражданской истории в школах СССР».

12. Громов Е.С. Сталин: власть и искусство. – М., 1998. С. 21.

13. На эту сторону «Письма» обращает внимание М.Я. Геллер: оно «начинает поворот в отношении к русской истории. Сталин указывает, что историю европейского марксизма следует писать с точки зрения русских большевиков <...>. И не западным марксистам давать уроки русским товарищам, а наоборот». – Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. Кн. первая. – М., 1995. С. 283.

14. К изучению истории. – М., 1937. С. 22, 36, 38, 39 и др.

15. См.: Бухараев В.М. Концепция «двух революций» в Октябре как историографический феномен // Октябрьская революция. Народ – её творец или заложник? – М., 1992.

16. Сталин И. Собр. соч. Т. 11. С. 83.

17. ГА РФ. Ф. 5143. Оп. 1. Д. 614. Л. 44, 46.

18. Сануков К. Финно-угры и финно-угроведение: новые горизонты // Финно-угроведение. 1994. № 1. С. 17.

19. Выражение А.Л. Янова. – *Янов А. Иваниана* // Нева. 1992. № 5–6. С. 287.

20. «Сталину действительно очень нравилась опричнина, очень импонировала фигура Ивана Грозного. Но он нарочно забывал тот гигантский общенациональный крах, которым кончилось всё это дело». – *Покровский Н.Н.* В пространстве и времени // *Эйдельман Н.Я.* «Революция сверху» в России. – М., 1989. С. 16.

21. *Laqueur, Walter.* Russia and Germany Hitler's Mentors. Problems of Eastern Europe. – London, 1991. P. 247.

22. Там же.

23. Там же.

24. *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941. – М., 1997. С. 128.

25. Записка Г. Александрова, М. Иовчука Г.М. Маленкову от 7 октября 1944 г. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 290. Л. 17.

26. См.: Происхождение казанских татар. Материалы сессии Отделения истории и философии Академии Наук СССР, организованной совместно с Институтом языка, литературы и истории Казанского филиала Академии Наук СССР, 25–26 апреля 1946 г. в городе Москве (по стенограмме.). – Казань, 1948.

27. Отчет ЦК КП(б) Казахстана об идейно-политической работе в партийной организации, декабрь 1944 г. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 311. Л. 123.

28. Записка В. Потемкина тов. А.А. Жданову о перечне основных проблем для освещения в журнале «Большевик» от 28 августа 1944 года. – Там же. Ф. 77. Оп. 4. Д. 8. Л. 14.

29. Записка П. Федосеева тов. А.А. Жданову на аналогичную тему. – Там же. Л. 26–27.

30. *Мавродин В.В.* В борьбе с норманизмом в русской исторической науке. – Л., 1949. С. 6.

31. См.: *Чернов Ф.* Пролетарский интернационализм и буржуазный космополитизм / Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Москве. – М., 1951; *Алпатов М.* Реакционная историография на службе поджигателей войны. – М., 1951; Фальсификаторы истории (историческая справка). – М., 1948.

32. См. об этом, напр.: Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2. – М., 1997. С. 97–101.

33. *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. – М., 1941. С. 3.

34. См.: Исторический журнал. 1942. № 10. Во время обсуждения книги Рубинштейна автор рецензии О.В. Вайнштейн признал ошибочной свою «хвалебную рецензию». – См.: *Вотилов А.* Обсуждение книги Н.Л. Рубинштейна «Русская историография» // Вопросы истории. 1948. № 6.

35. Вопросы истории. 1948. № 6. С. 134.

36. *Рубинштейн Н.* Основные проблемы построения русской историографии // Вопросы истории. 1948. № 2. С. 92.

37. Вопросы истории. 1948. № 6. С. 127, 129 и др.

38. Вопросы истории. 1948. № 12. С. 3–4.

39. Советское общество... Т. 2. – М., 1997. С. 142 (Автор раздела – Г.В. Костырченко).

40. *Матюшкин П.И.* СССР – страна великого содружества народов. – М., 1953.

41. Историография истории СССР (эпоха социализма): Учебник / Под ред. И.И. Минца. – М., 1982. С. 319.

42. *Дзюба Иван.* Интернационализм или русификация? Пер. с украинского. – Амстердам, 1970. С. 15–16, 51.

43. Подробнее см.: *Соловей В.Д.* Русская история: новое прочтение. – М., 2005. С. 151–152; *Митрохин Н.* Русская партия: движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. – М., 2003. См. также: *Dunlop John.* The New

Russian Nationalism. – N.Y, Eastbourne and Toronto, 1985; *McDaniel Timothy*. The Agony of the Russian Idea, Princeton University Press, 1996.

44. См.: *Ericson E.H.* Life history and the historical moment. – N.Y., Norton, 1975; Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. – СПб., 1993. С. 37.

45. Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов... С. 456.

46. Беседа тов. Сталина с украинскими писателями от 12 февраля 1929 г. (стенограмма). – РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4490. Л. 7–9.

47. Советская историческая энциклопедия. Т. 4. – М., 1963. Стб. 857.

48. Там же. Т. 5. – М., 1963. Стб. 145.

49. См.: *Санцевич А.В.* Концепция истории Украины М.И. Яворского и судьба учёного // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. – М., 1996; Украинский исторический журнал. 1990. № 8.

50. Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов... С. 461, 466.

51. Там же. С. 461, 465–466.

52. См.: *Султанбеков Булат*. История Татарстана: страницы секретных архивов. – Казань, 1994.

53. *Дьяконов М.* [Рец. кн.: *Гафуров В.* История таджикского народа в кратком изложении. Т. 1. – Сталинабад, 1947 (на тадж. языке)] // Вопросы истории. 1948. № 7. «Рецензируемая книга является первым опытом написания истории таджикского народа и принадлежит перу таджикского историка и общественного деятеля».

54. В извещении о кончине историка С.И. Джанашиа говорилось, что он «отражал кипение грузинской научной общественности». – Вопросы истории. 1948. № 1. С. 159.

55. См.: Вопросы истории. 1948. № 6.

56. См.: Вестник АН СССР. 1952. № 5.
57. Там же.
58. Правда. 1952, 27 февраля.
59. *Сахаров А.М.* О значении отечественной истории // История СССР. 1965. № 4. С. 3–12.
60. Там же. С. 10.
61. См.: Большевик. 1951. № 8.
62. Записка В. Кругжкова и В. Степанова М. Суслову 3 января 1951 года. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 451. Л. 78–83.
63. Стенограмма совещания по вопросам истории в ЦК ВКП(б) в 1944 году // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 81–82.
64. См.: Вопросы истории. 1950. № 11.
65. Письмо Г. Александрова тов. Жданову за январь 1945 г. – РГАСПИ. Там же. Оп. 125. Д. 340. Л. 20.
66. Там же. Л. 21–23.
67. Там же. Л. 66–71.
68. Вопросы истории. 1950. № 8. С. 127.
69. Там же. 1951. № 9. С. 76–96.
70. Там же. № 4. С. 9.
71. Вестник АН СССР. 1952. № 5. С. 46.
72. История СССР. 1972. № 3. С. 40; № 6. С. 40–41.

ГЛАВА 3

73. *Лойко Т.В.* Введение в историю Беларуси. Учебно-методическое пособие для студентов всех специальностей. – Минск, 1992. С. 5.

74. См.: *Гузенкова Тамара.* Этнонациональные проблемы в учебниках по истории // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под редакцией К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Предисловие Ф. Бомсдорфа. Изд. 2-е, испр. и дополн. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. С. 121.

75. *Назарбаев Н.* Хранить память, крепить согласие // Мысль. 1998. № 3. С. 2.

76. См. подробнее: *Искандарян Александр, Арутюнян Бабкен.* Армения: «карабахизация» национальной истории; *Шукуров Рустам.* Таджикистан: муки воспоминания // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. С. 145–158, 228–253.

77. *Бич М.О., Сидоров В.Н., Фомин В.М.* История Беларуси. XX век. Учебное пособие для 10–11 кл. средних школ. – Минск, 1992. С. 3.

78. *Гузенкова Тамара.* Этнонациональные проблемы в учебниках истории // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. С. 125.

79. Подробнее см.: *Вишняускас А.* Россия в литовских учебниках истории // Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: старые и новые образы в современных учебниках истории. Научные доклады и сообщения / Под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. – М., 2003. С. 149–164.

80. *Анчабадзе Юрий.* Национальная история в Грузии: мифы, идеология, наука // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. С. 161.

81. Там же. С. 171.

82. *Сембинов Мурат.* Становление национальной истории Казахстана // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. С. 177–179.

83. *Благодатских Ирина.* Молдова и Приднестровье в поисках «своей» истории // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. С. 192, 198–199.

84. *Анчабадзе Юрий.* Национальная история в Грузии: мифы, идеология, наука // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. С. 165.

85. Там же. С. 169, 170, 172.

86. *Искандарян Александр, Арутюнян Бабкен.* Армения: «карабахизация» национальной истории // Националь-

ные истории в советском и постсоветских государствах. С. 153.

87. *Васильев Валерий*. От Киевской Руси к независимой Украине: новые концепции украинской истории // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. С. 209–210.

88. См.: *Куркчи А., Примебетов С.* Великий тюркский эль // Казахстанская правда. 1997, 28 февраля.

89. *Васильев Валерий*. От Киевской Руси к независимой Украине: новые концепции украинской истории // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. С. 211.

90. *Анчабадзе Юрий*. Национальная история в Грузии: мифы, идеология, наука // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. С. 163.

91. *Шукуров Рустам*. Таджикистан: муки воспоминания // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. С. 228–229, 237–239.

92. Подробнее см.: *Зубкова Елена, Куприянов Александр*. Возвращение к «русской идее»: кризис идентичности и национальная история // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. С. 297–306.

93. *Коваль М.В., Кульчицкий С.В., Курносов Ю.А., Сарбей В.Г.* История Украины / Пробное учебное пособие для 10–11 кл. средней школы. Допущено Министерством народного образования Украины. Перевод с укр. – Киев, 1991. С. 3.

94. *Кульчицкий С., Курносов Ю., Коваль М.* История Украины / Пробный учебник для 10–11 кл. средней школы. Ч. 1. Перевод с укр. Допущено Министерством образования Украины. – Киев, 1994. С. 3–4.

95. См.: *Ионов И.Н.* Российская цивилизация и истоки её кризиса. Пособие для учащихся 10–11 классов. – М., 1994. С. 259; *Боханов А.Н.* История России (XIX – начало XX века). Учебник для 8–9 классов. – М., 1998. С. 7–9.

96. *Богатырев Валентин*. Кыргызы: восстановление истории // Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009. С. 296, 308.

97. *Кундакбаева Жанат*. В поисках исторического нарратива Казахстана: «диалог памяти» или «национальная память» // Национальные истории на постсоветском пространстве – II. С. 270.

98. *Адамсон Андрес*. Национальная история Эстонии в контексте европеизации прошлого и «войны памятников» // Национальные истории на постсоветском пространстве – II. С. 188–189.

99. *Шепетис Нериюс*. Отсутствующая «национальная история» Литвы // Национальные истории на постсоветском пространстве – II. С. 161.

100. Там же. С. 163–164.

101. *Макаров Виктор*. «Бои за историю» в Латвии // Национальные истории на постсоветском пространстве – II. С. 148.

102. См.: *Исмаилов Эльдар, Нифталиев Ильгар*. Проблемы развития национальной истории в Азербайджане // Национальные истории на постсоветском пространстве – II. С. 201–210.

103. См.: *Касьянов Георгий*. «Национализация» истории в Украине // Национальные истории на постсоветском пространстве – II. С. 119, 122, 124.

104. *Касьянов Г.* Указ. соч. С. 120.

105. *Буховец Олег*. Историописание постсоветской Беларуси: демифологизация «ремифологизации» // Национальные истории на постсоветском пространстве – II. С. 21.

106. *Касьянов Георгий*. «Национализация» истории в Украине // Национальные истории на постсоветском пространстве – II. С. 128.

107. Там же. С. 129.
108. Там же. С. 131.
109. Там же. 131–132.
110. Там же. С. 133.
111. *Цвик Ирина*. Национальная история Молдовы: модели осмысления прошлого // Национальные истории на постсоветском пространстве – II. С. 65.
112. Там же. С. 56.
113. *Искандарян Александр*. Армения: удревление модерна // Национальные истории на постсоветском пространстве – II. С. 232. См. также: *Iskandarian A.* Armenien und die Türkei: Geographisch verbunden – durch die Geschichte getrennt. Wenn Man die Armenienfrage diskutiert. – Istanbul: Heinrich Boll Stiftung, 2006 (на немецком и турецком яз.).
114. *Исмаилов Эльдар, Нифталиев Ильгар*. Проблемы развития национальной истории в Азербайджане // Национальные истории на постсоветском пространстве – II. С. 212.
115. *Джанелидзе Отар, Сиамашвили Георгий*. По следам «белых пятен» истории Грузии // Национальные истории на постсоветском пространстве – II. С. 253.
116. Там же. С. 253–254.
117. *Адамсон Андрес*. Национальная история Эстонии в контексте европеизации прошлого и «войны памятников» // Национальные истории на постсоветском пространстве – II. С. 183.
118. *Макаров Виктор*. «Бои за историю» в Латвии // Национальные истории на постсоветском пространстве – II. С. С. 149.
119. *Шепетис Нериус*. Отсутствующая «национальная история» Литвы // Национальные истории на постсоветском пространстве – II. С. 163.
120. *Цвик Ирина*. Национальная история Молдовы: модели осмысления прошлого // Национальные истории на постсоветском пространстве – II. С. 52.

121. *Макаров Виктор*. «Бои за историю» в Латвии // Национальные истории на постсоветском пространстве – II. С. 151.

122. *Филиппова Татьяна*. «Российская нация» и её история: перезагрузка смыслов // Национальные истории на постсоветском пространстве – II. С. 107.

123. *Адамсон Андрес*. Национальная история Эстонии в контексте европеизации прошлого и «войны памятников» // Национальные истории на постсоветском пространстве – II. С. 186.

124. *Цвик Ирина*. Национальная история Молдовы: модели осмысления прошлого // Национальные истории на постсоветском пространстве – II. С. 62.

125. *Филиппова Татьяна*. «Российская нация» и её история: перезагрузка смыслов // Национальные истории на постсоветском пространстве – II. С. 109.

126. *Данилевский И.* Долгая дорога к гуманитарному полюсу // Родина. 2008. № 4. С. 32.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

127. *Аймермахер Карл, Бордюгов Геннадий*. «Своё» и «чужое» прошлое. Введение. Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под редакцией К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Предисловие Ф. Бомсдорфа. Изд. 2-е, испр. и дополн. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. С. 15.

Указатель имен

А

- Абдыкалыков М. – 65
Абрамов С. – 107, 108
Абулхаир, хан – 130, 131
Августин Блаженный Аврелий – 45
Адамсон А. – 175, 200–202
Аджемян Х.Г. – 66, 114
Аймермахер К. – 17, 190, 197, 202
Александр I – 115
Александр II – 150
Александр Невский – 114
Александров Г. – 63, 76, 80, 115, 117, 194, 197
Алиев Г. – 119
Алпатов М. – 195
Андреев Д. – 17, 66
Андропов Ю.В. – 93
Антонович С. – 29
Анчабадзе Ю.Д. – 135, 198, 199
Арутюнян Б. – 198
Афанасьев Ю.Н. – 192

Б

- Багалай Д.И. – 95
Байер Г.З. – 114
Бандера С. – 137, 139
Барсенков А. – 183, 185

- Бахрушин С.В. – 63, 114
Белинков А. – 30, 193
Беляшевский Н.Ф. – 95
Бернштам А.И. – 108
Бич М.О. – 198
Благодатских И. – 198
Богатырев В. – 200
Бомсдорф Ф. – 17, 197, 198, 200, 202
Боханов А.Н. – 152, 199
Буковский В. – 30, 193
Булгаков М.А. – 99
Буребиста – 170
Буховец О. – 200
Бушуев С.К. – 66, 116

В

- Вайнштейн О.В. – 195
Ванаг Н.Н. – 42
Васильев В. – 199
Вдовин А. – 183, 185
Винниченко В. – 137
Витте С.Ю. – 150
Витязу М. – 170
Вишняускас А. – 198
Вотиков А. – 195

Г

- Галактионов М. – 68
Гафуров В. – 196

Гегель Г.В.Ф. – 45
Геллер М. – 30, 193
Герцен А.И. – 59
Гоголь Н.В. – 72
Голощекин Ф. – 139
Гордиенко – 109
Городецкий Б.М. – 68
Городецкий Е.Н. – 80
Готье Ю.В. – 51
Греков Б. – 83, 114
Громов Е.С. – 193
Грушевский М. – 29, 83, 95, 96,
100, 109, 137
Гузенкова Т.С. – 124, 197, 198
Гуревич – 101

Д

Давид Сасунский – 63
Данилевский И. – 182, 202
Данилов А. – 179
Дашевский В. – 183
Децебал – 170
Джавахишвили И.А. – 95, 100
Джанашиа С.И. – 196
Джангильдин А. – 139
Джандосов У. – 139
Джанелидзе О. – 201
Дзюба И. – 195
Дмитрий Донской – 114
Достоевский Ф.М. – 59
Драгоманов – 109
Дьяконов М. – 196

Е

Екатерина II – 115
Ермак – 139
Ефимов А.В. – 66

Ж

Жданов А.А. – 41, 42, 67, 72,
76, 78, 80, 115–117, 194, 197

З

Зиновьев А. – 192
Зубкова Е. – 150, 199

И

Иван IV – 57, 114, 194
Иван Калита – 115
Иванова Н. – 17
Идегей – 63, 104
Ильин И. – 150
Иманов А. – 109
Иоан Н. – 37
Иовчук М. – 63, 194
Ионов И.Н. – 152, 199
Исанбет Н. – 63, 64, 104, 105
Искандарян А. – 198, 201
Исмаилов Э. – 200, 201

К

Каганович Л.М. – 83, 99
Канигин Ю. – 143
Кантемир Д. – 169
Каппелер А. – 23–25, 192
Касаев А.Ч. – 17
Касьянов Г. – 163, 166, 168,
200
Кеменов В. – 113
Кенесары Касымов – 109
Кизеветтер А.А. – 51
Киров С.М. – 41, 42, 80, 116
Коваль М. – 148, 199
Козин С. – 110

Козлов – 68
Колбин Г. – 139
Кордонский С.Г. – 192
Костырченко Г.В. – 195
Кошелев – 68
Коштоянц – 68
Кравчук Л.М. – 137
Кружков В. – 197
Кузьмин Б. – 68
Кузьминов – 68
Кулиш М. – 29
Кульчицкий С. – 148, 199
Кунаев Д. – 139
Кундакбаева Ж. – 200
Куприянов А. – 150, 199
Курчки А. – 140, 199
Курносов Ю. – 148, 199

Л

Левицкий О.И. – 95
Ленин В.И. – 37, 60, 76, 109, 118, 137
Леонтьев К. – 150
Лойко Т.В. – 197
Ломоносов М.В. – 185
Люкшин Д. – 17

М

Мавродин В.В. – 194
Мазепа И. – 137
Макаров В. – 161, 176, 200–202
Максимов А. – 68
Маленков Г.М. – 63, 66, 76, 78, 194
Мануильский Д.З. – 83
Маркс К. – 37, 45, 58, 76
Марр Н. – 85
Матюшкин Н. – 68, 87, 195

Мдивани Б. – 34
Менадзе А. – 118
Мжаванадзе В.П. – 118
Миллер Г.Ф. – 114
Милюков П.Н. – 115
Миндаугас, король – 159
Минц И.И. – 80, 82, 83, 195
Миронов Б.С. – 150
Митрохин Н. – 195
Мнацакян А. – 118
Молотов В.М. – 175
Мординов А. – 110
Москалев – 68
Мурадели В.И. – 74

Н

Назарбаев Н.А. – 125, 198
Науманн Ф. – 197, 200, 202
Невежин В.А. – 194
Негрей И. – 179
Некрич А. – 193
Нечкина М.В. – 55, 101, 107, 111, 112, 114
Нифталиев И. – 200, 201
Нурбеков К. – 119

О

Олеша Ю. – 193
Ониани Г. – 145
Орлик Ф. – 137

П

Панкратова А. – 65, 66, 83, 85, 87
Петлюра С. – 137
Петр I – 45, 49, 57, 114, 150, 169
Пионтковский С.А. – 42, 52

Платонов С.Ф. – 51, 196
Победоносцев К. – 150
Покровский М.Н. – 50, 51, 55–
57, 96, 101, 103, 115, 194
Поляков Л.В. – 179
Поспелов П.Н. – 68
Потемкин В.П. – 67, 194
Примебетов С. – 140, 199
Пугачев Е. – 114
Пушкин А.С. – 72

Р

Радищев А.Н. – 109
Разин С. – 114
Риббентроп И. – 175
Рубинштейн Н.Л. – 78, 80–82,
195
Рцхиладзе В. – 174
Рыбкин А. – 179

С

Сануков К. – 193
Сарбей В.Г. – 199
Сахаров А.М. – 108, 197
Сембинов М.К. – 131, 198
Сиамашвили Г. – 201
Сидамонидзе У. – 118
Сидоров В.Н. – 198
Соловей В.Д. – 195
Сонжеев Г. – 110
Сталин И.В. – 37, 38, 40–42,
47, 50, 51, 53, 57–60, 68–71,
76, 78, 80, 81, 85, 87, 97–99,
109, 116, 117, 143, 145, 158,
187, 193, 194, 196
Степанов В. – 197
Столыпин П.А. – 150
Стус В. – 139
Суворов А.В. – 114

Султанбеков Б. – 196
Султан-Галиев М. – 34
Суслов М.А. – 78, 197

Т

Тарле Е.В. – 66, 114
Тесняк – 99
Толочко П. – 143
Толстов С. – 68, 110, 111
Толстой А.Н. – 63
Толстой Л.Н. – 72
Трайнин А. – 68
Траян, император – 170
Тургенев И.С. – 72

Ф

Федосеев П.Н. – 68, 194
Ферро М. – 192
Филиппов А.В. – 179
Филиппова Т. – 17, 177, 182,
202
Фирсов Н.Н. – 52
Фомин В.М. – 198

Х

Хмельницкий Б. – 137
Хромов – 68
Хрущёв Н.С. – 83, 90, 150

Ц

Цвик И. – 201, 202
Цукурс Г. – 176, 177

Ч

Черепнин Л. – 107
Чернов Ф. – 195
Чехов А.П. – 72

Ш

- Шабанов А.Г. – 192
Шамиль – 109, 116, 117
Шеварднадзе Э.А. – 133
Шевченко Т.Г. – 92, 139
Шепетис Н. – 159, 200, 201
Шестаков А.В. – 55, 106
Шлецер А.Л. – 114
Штефана чел Маре – 169
Шукуров Р. – 198, 199
Шушинский В. – 119

Щ

- Щербаков А.А. – 111, 113
Щербина С. – 17

Э

- Эйдельман Н.Я. – 194
Энгельс Ф. – 36–38, 60, 80

Ю

- Ющенко В.А. – 163

Я

- Яворницкий Д.И. – 95
Яворский М.И. – 100, 101, 103,
104, 196
Якунин А. – 107
Янов А.Л. – 194
Ярославский Е. – 111

D-E

- Dunlop J. – 195
Ericson E.H. – 196

L-S

- Laqueur W. – 194
McDaniel T. – 196
Shapiro L. – 192

ПРИЛОЖЕНИЕ

История
в государственной символике
постсоветских государств

Азербайджанская Республика Azərbaycan Respublikası

Флаг представляет собой трёхцветное полотнище (триколор). Полосы (голубого, зелёного и красного цвета) расположены горизонтально. В центре флага на красной полосе размещены восьмиконечная звезда и полумесяц. Оба изображения белого цвета. Согласно Конституции Азербайджана, голубой цвет на флаге является традиционным цветом тюркских народов и символизирует – тюркство, красный – прогресса, зелёный – ислама. Полумесяц обозначает принадлежность к религии ислама, восьмиконечная звезда означает восемь ветвей тюркских народов.

В центре герба изображён огонь, который символизирует «Страну Огней». Цвета, использованные на гербе, являются цветами национального флага Азербайджана. Восьмиконечная звезда символизирует восемь ветвей тюркского народа. Снизу расположен венок из колосьев пшеницы и ветвей дуба. Венок из колосьев

символизирует богатство, плодородие. Ветви дуба символизируют древность страны.

Государственный гимн Азербайджана «Марш Азербайджана!» (азерб. «Azərbaycan Marşı!»), один из главных государственных символов Азербайджана, наряду с флагом и гербом. Мелодия гимна написана азербайджанским композитором Узеиром Гаджибековым, слова поэтом Ахмедом Джавадом в 1918 г. Был гимном Азербайджанской Демократической Республики. Гимн официально принят в 1991 г. после восстановления независимости Азербайджана.

Азербайджан, Азербайджан!
О, колыбель святая славных сынов!
Нет земли милей Отчизны,
Нет её родней
От истока нашей жизни
До скончания дней!
Под знаменем Свободы верши свой путь!

Тысячи нас, павших в бою,
Защищавших землю свою.
В час роковой встанем стеной
В нерушимом ратном строю!

Пусть цветут сады, твои!
Созидай, мечтай, твори!
Сердце, полное любви,
Посвятили мы тебе.

Славься, славься гордой судьбой,
Край наш древний, край наш святой.
Каждый сын твой движем мечтой
Видеть мирный свет над тобой.

О светлый край, заветный край,
Азербайджан, Азербайджан!
Азербайджан, Азербайджан!

Республика Армения

Հայաստանի Հանրապետություն

Флаг представляет собой прямоугольное полотнище из трёх равных горизонтальных полос: верхней — красного, средней — синего и нижней — оранжевого цвета.

Красный цвет символизирует Армянское нагорье, постоянную борьбу армянского народа за существование, христианскую веру, свободу и независимость Армении. Синий цвет символизирует стремление армянского народа жить под мирным небом. Оранжевый цвет символизирует созидательный талант и трудолюбие армянского народа.

Герб составляют следующие элементы: Щит – в центре – гора Арарат, которая является символом армянской нации, на её вершине Ноев ковчег, поскольку согласно библейской легенде ковчег после потопа остановился именно на этой горе. Щит разделен на 4 секции, которые символизируют четыре независимых армянские царства в истории Армении:

вверху слева — Багратидов,
вверху справа — Аршакидов,
внизу слева — Арташесидов,
внизу справа — Рубенидов.

Лев и Орёл, которые поддерживают щит, являются царями животного мира и символизируют собой мудрость, гордость, терпение и благородство. В течение многих столетий они были символами царских семей.

Государственный гимн Армении

Утверждён 1 июля 1991 года решением верховного совета Республики Армения. Фактически используются первая и четвёртая строфы гимна. За основу взят гимн Республики Армении 1918–1920 годов (первой республики). Автор стихов – Микаэл Налбандян, автор музыки – Барсег Каначян.

Родина наша, свободная, независимая,
Что веками жила
Своих сынов ныне созывает
В свободную, независимую Армению.

Вот тебе, брат, флаг,
Который я связала своими руками,
Ночами я не спала,
Слезами омыла.

Посмотри на него, в трех цветах,
Священный наш знак,
Пусть блистает перед врагами,
Пусть всегда будет Армения!

Повсюду смерть одна,
Человек умирает только раз,
Но блажен тот, кто погибает
За свободу своего народа.

Республика Беларусь Рэспубліка Беларусь

Флаг представляет собой прямоугольное полотнище, состоящее из двух горизонтально расположенных цветных полос: верхней – красного цвета и нижней – зелёного цвета. У древка вертикально расположен белорусский национальный орнамент красного цвета на белом поле, составляющем 1/9 длины флага.

«Красный цвет на нашем флаге – это цвет победоносных штандартов грюнвальдской победы белорусских полков над крестоносцами. Это цвет знамён дивизий Красной Армии и белорусских партизанских бригад, освобождавших нашу землю от фашистских оккупантов и их прислужников. Зелёный цвет воплощает надежду, весну и возрождение; это цвет наших лесов и полей. Белый цвет – воплощение духовной чистоты». А. Лукашенко.

Государственный герб Республики Беларусь представляет собой размещенный в серебряном поле зеленый контур Государственной границы Республики Беларусь, наложенный на золотые лучи восходящего над земным шаром солнца. Вверху поля находится пятиконечная красная звезда. Герб обрамлен венком из золотых ко-

лосьев, переплетенных справа цветками клевера, слева – цветками льна. Венок трижды перевит с каждой стороны красно-зеленой лентой, в средней части которой в основании Государственного герба Республики Беларусь в две строки начертаны золотом слова «Рэспубліка Беларусь».

Государственный гимн Беларуси

Музыка гимна написана Нестором Соколовским для гимна Белорусской ССР 1955 г. Текст этого гимна, написанный М. Климовичем, начинался со слов «Мы, белорусы», как и нынешний. В 2002 утверждён новый текст гимна; текст переработан В. Каризной, который убрал ссылки на Русь, Ленина и коммунистическую партию.

Мы, белорусы — мирные люди,
Преданные сердцем родной земле.
Искренне дружим, силы закаливаем,
Мы в работающей, вольной семье.

Славься, земли нашей светлое имя,
Славься, народов братский союз!
Наша любимая Родина-мать,
Вечно живи и цвети, Беларусь!

Вместе с братьями мужественно веками
Мы защищали родной порог.
В битвах за волю, битвах за будущие,
Своё добывали знамя побед!

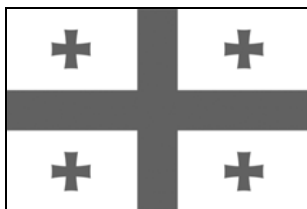
Славься, земли нашей светлое имя,
Славься, народов братский союз!
Наша любимая Родина-мать,
Вечно живи и цвети, Беларусь!

Дружба народов — сила народов —
Наш заветный, солнечный путь.
Гордо возвейся в ясные выси,
Знамя победное — радости флаг.

Славься, земли нашей светлое имя,
Славься, народов братский союз!
Наша любимая Родина-мать,
Вечно живи и цвети, Беларусь!

Грузия

საქართველო

Флаг представляет собой прямоугольное полотнище белого цвета с пятью красными крестами, одним центральным Георгиевским и четырьмя равносторонними Болнисско-Кацхскими крестами в четырёх квадрантах. Изображённые на государственном флаге Грузии один прямоугольный крест и по углам четыре малых креста на серебряном (белом) фоне являются общехристианским символом, олицетворяющим Иисуса Христа-Спасителя и четырёх евангелистов. Серебряный (белый) цвет в геральдике указывает на невинность, непорочность, чистоту, мудрость, а красный — мужество, отвагу, справедливость и любовь.

Государственный герб представляет собой щит красного цвета с изображением серебряной фигуры покровителя Грузии Святого Георгия на коне, поражающего дракона копьем. Щит увенчан золотой королевской короной грузинского монаршего рода Багра-

тиони, держат его два золотых льва. Под щитом находится лента с девизом «Сила в единстве». Этот герб частично основан на средневековом гербе грузинского царского дома Багратиони.

Государственный гимн Грузии

Музыка гимна Грузии взята из двух опер Захария Палиашвили – «Даиси» («Сумерки») и «Абесалом и Этери», автор текста – современный грузинский поэт Давид Маградзе, использовавший цитаты из стихотворений грузинских поэтов-классиков – Акакия Церетели, Григола Орбелиани и Галактиона Табидзе.

Отчий край — моя икона,
Я молюсь стране великой,
Светлы горы и долины
Бога доля — наша доля
В день сегодняшний Свобода
Поёт славу дням грядущим
И той звезде с зарей взойдущей
Что меж двух морей сияет
Так восславим же Свободу!
Ты, Свобода, здесь навек!

Республика Казахстан Қазақстан Республикасы

Флаг представляет собой прямоугольное полотнище голубого цвета с изображением в его центре солнца с лучами, под которым – парящий орёл. У древка – вертикальная полоса с национальным орнаментом. Изображения солнца, лучей, орла и орнамента – цвета золота. Голубой флаг с золотистым национальным орнаментом слева, золотистым солнцем и парящим силуэтом орла в центре – символ свободы, независимости и суверенитета Республики Казахстан. Одноцветие фона — символ единства Казахстана.

Государственный герб Республики Казахстан представляет собой изображение шанырака (верхняя сводчатая часть юрты) на голубом фоне, от которого во все стороны в виде солнечных лучей расходятся уйки (опоры) в обрамлении крыльев мифических коней. В нижней части герба – надпись «Қазақстан».

В цветном изображении Государственный герб Республики Казахстан – двух цветов: золота и сине-голубого.

Государственный гимн Казахстана

С 7 января 2006 года гимном Республики Казахстан стала «Мой Казахстан» (Менің Қазақстаным) – популярная песня, написанная ещё в 1956 году, в которую были внесены изменения для соответствия статусу государственного гимна. Поскольку поправки в текст внесены Президентом РК Нурсултаном Назарбаевым, он будет указываться, как соавтор текста. Музыка композитора Шамши Калдаякова на слова Жумекена Нажимеденова (1956), Нурсултана Назарбаева (2005).

В небе золотое солнце,
В степи золотое зерно.
Сказание о мужестве
Моя страна!
В седой древности
Родилась наша слава,
Горд и силен
Мой казахский народ!

Припев:

О, мой народ! О, моя страна!
Я твой цветок, возвращённый тобой.
Я песня, звенящая на твоих устах,
Родина моя – мой Казахстан!

У меня простор неоглядный
И дорога, открытая в будущее.
У меня независимый,
Сплочённый, единый народ.
Как извечного друга
Встречает новое время
Наша счастливая страна,
Наш народ!

Припев:

О, мой народ! О, моя страна!
Я твой цветок, возвращённый тобой.
Я песня, звенящая на твоих устах,
Родина моя – мой Казахстан!

Киргизская (Кыргызская) Республика Кыргыз Республикасы

Флаг представляет собой представляет собой полотнище красного цвета, в центре которого размещён круглый солнечный диск с сорока равномерно расходящимися лучами золотистого цвета. Внутри солнечного диска красным цветом изображён тундук киргизской юрты. Красная одноцветность флага символизирует доблесть и смелость, золотое Солнце, купающееся в своих лучах, олицетворяет покой и богатство, а тундук – символ отчего дома в широком понимании этого выражения и мира как вселенной. 40 лучей, объединённых в круг, означают объединение 40 древних племён в единый Кыргызстан. Тундук символизирует единство народов, проживающих в стране. Красный цвет флага был цветом флага великодушного Манаса.

На гербе изображён сокол кречет «Ак-шумкар» Манаса с распротёртыми крыльями, что символизирует свободу страны. Также

изображена жемчужина Киргизии – озеро Иссык-Куль, окружённое высокими скалистыми хребтами Ала-Тоо. Вершины гор, освещённые солнцем, похожи на киргизский национальный головной убор «калпак».

Государственный гимн Киргизии

Гимн утверждён постановлением Жогорку Кенеша Киргизии 18 декабря 1992 года. Слова: Ж. Садыкова, Ш. Кулуева. Музыка: Н. Давлесова, К. Молдобасанова.

Высокие горы, долины, поля –
Родная, заветная наша земля.
Отцы наши жили среди Ала-Тоо,
Всегда свою родину свято храня.

Припев:

Вперёд, киргизский народ,
Путем свободы вперёд!
Взрастай, народ, расцветай,
Свою судьбу созидай!

Извечно народ наш для дружбы открыт,
Единство и дружбу он в сердце хранит.
Земля Киргизстана, родная страна
Лучами согласия озарена.

Припев:

Мечты и надежды отцов сбылись.
И знамя свободы возносится ввысь.
Наследье отцов наших передадим,
На благо народа потомкам своим.

Припев:

Латвийская Республика Latvijas Republika

Флаг представляет собой прямоугольное полотнище из трёх разновеликих горизонтальных полос: тёмно-красной, белой и тёмно-красной.

По легенде красно-бело-красный флаг Латвии – один из старейших в мире. Его история берет начало со времён битвы с земгальскими племенами неподалёку от Риги в XIII веке. Согласно одной из легенд, основой флага стало белое полотно, в котором вынесли с поля боя смертельно раненого вождя латышского племени. Солдаты подняли пропитанное кровью с двух концов полотно как знамя, и оно привело их к победе.

Герб Латвийской республики представляет собой пересечённый и полурассечённый на лазурь, серебро и червлень щит. В лазоревом поле изображено стилизованное золотое восходящее солнце с расходящимися лучами, в серебре – смотрящий влево червлёный лев, в красном поле – смотрящий вправо серебряный грифон, держа-

щий в правой лапе клинок. Над щитом три расположенные дугообразно золотые пятиконечные звезды. Щит поддерживают вздыбленные червлёный лев и серебряный грифон, стоящие на основании из зелёных ветвей, обвитых лентой.

Государственный гимн Латвии

Слова и музыка написаны в 1873 году одним из первых латышских композиторов Карлисом Бауманисом. Впервые исполнен на Первом всенародном празднике песни, состоявшемся летом 1873 года в Риге. Как прообраз будущего государственного гимна – 18 ноября 1918 года во время акта провозглашения Латвийской Республики. 17 июня 1920 стал официальным гимном Латвийской Республики.

Боже, благослови Латвию,
Наше дорогое отечество,
Да благослови Латвию,
Ах, благослови её!

Где цветут дочери Латвии,
Где поют сыновья Латвии,
Пусти нас туда в счастье танцевать,
В нашей Латвии!

Литовская Республика Lietuvos Respublika

Флаг представляет собой прямоугольное полотнище из трёх равновеликих горизонтальных полос: верхней – жёлтого, средней – зелёного и нижней — красного цвета. Образ литовского национального флага формировался в 1917–1918 годах с учётом традиций геральдики и литовского народного декоративно-прикладного искусства. Комиссию, выработавшую проект литовского флага, составили учёный и общественный деятель Й. Басанавичюс, художник А. Жмуйдзинавичюс и археолог, краевед, художник Т. Даугирдас. Й. Басанавичюс предложил использовать цвета, чаще других встречающиеся в литовском народном текстиле. Руководствуясь этим предложением, художник А. Жмуйдзинавичюс подготовил проект с полосами красного и зелёного цветов, чаще других встречающихся в народных тканях. По предложению Т. Даугирдаса был введена полоса жёлтого цвета, символизирующего зарю.

На красном фоне геральдического щита изображён серебряный всадник в латах на белом коне, с поднятый правой руке над го-

ловой серебряным мечом. На левом плече всадника синий щит с двойным золотым крестом. Седло и узда у коня синего цвета, рукоятка меча, стремяна, соединения упряжи и другие детали – золотого цвета.

Государственный гимн Литвы

Впервые гимн был опубликован в журнале «Varpas» («Колокол») в 1898 году. Публично исполнен впервые в Петербурге 13 ноября 1899 года хором под управлением Чеслава Сосновского (Чесловас Саснаускас). В Вильнюсе исполнен 3 декабря 1905 года. Официально утверждён в качестве государственного гимна декларацией Сейма в 1919 году.

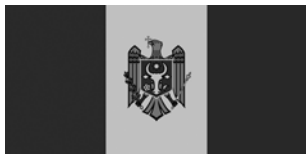
Летува, отчизна наша,
Ты – земля героев,
И сыны Твои на прошлом
Все величье строят.

Пусть шагают Твои дети
К правде, шаг за шагом.
Пусть творят Тебе на пользу
И людям на благо.

И пусть солнце Летувы
Мрак ночной развеет,
И слава, и право
Путь наш озаряют.

Пусть горит любовь Литвы
В сердцах яркой чашей.
В честь судьбы той Литвы -
Единенье наше!

Республика Молдова Republica Moldova

Флаг представляет собой триколор с равновеликими полосами, расположенными вертикально, в следующем порядке начиная от древка: голубая, жёлтая, красная. В центре, на жёлтой полосе, расположен Государственный Герб Республики Молдова.

До 26 ноября 2010 года флаг Молдовы, наряду с флагом Парагвая и флагом Саудовской Аравии, являлся одним из немногих государственных флагов, выглядящих по-разному спереди и сзади. На флаге Молдовы герб был изображён только с фронтальной стороны. 26 ноября 2010 года вступил в силу Закон о Государственном флаге Республики Молдова, который установил, что обратная сторона полотнища флага зеркально отображает его лицевую сторону.

Герб представляет собой пересечённый щит, в верхней части которого – красное поле, в нижней – синее. В центре щита изображена голова зубра, между рогами которого расположена вось-

милучевая звезда, справа от головы – пятилепестковая роза, слева – полумесяц, обращённый и слегка наклонённый влево. Все элементы на щите золотистые (жёлтые). Щит помещён на груди орла, держащего в клюве золотой крест (орёл-крестоносец), в когтях: справа – зелёную оливковую ветвь, слева – золотой скипетр.

Государственный гимн Молдовы

Гимн – композиция «*Limba noastră*» («Лимба ноастрэ», «Наш язык») на стихи Алексея Матеевича. Автор музыки – Александру Кристя, аранжировка – Валентин Дынга. «*Limba noastră*» стала гимном Молдовы в 1994 году.

Наш язык, наш клад нетленный
От безверия укрытый,
Свет жемчужин драгоценных,
Над отчизною разлитый.

Наш язык – душа живая
Пробуждённого народа.
Он воспрянул, разрывая
Сна мертвящие тенета.

Наш язык – узор прекрасный,
Кодры, шорох листопада.
Плёт Днестра, в котором ясно
Догорают звёзд лампы.

Нет ему в веках забвенья,
Что забыто – воскресите,
Пыль эпох с него сотрите, –
Жаждет он освобожденья.

Да пребудет он нетленным
От безверия укрытый,
Свет жемчужин драгоценных
Над отчизною разлитый.

Российская Федерация

Флаг представляет собой прямоугольное полотнище из трёх равновеликих горизонтальных полос: верхней – белого, средней – синего и нижней – красного цвета. День Государственного Флага Российской Федерации отмечается 22 августа каждого года.

Герб представляет собой четырёхугольный, с закруглёнными нижними углами, заострённый в оконечности красный геральдический щит с золотым двуглавым орлом, поднявшим вверх распущенные крылья. Орёл увенчан двумя малыми коронами и – над ними – одной большой короной, соединёнными лентой. В правой лапе орла – скипетр, в левой – держава. На груди орла, в красном щите, – серебряный всадник в синем плаще на серебряном коне, поражающий серебряным копьём чёрного опрокинутого навзничь и попранного конём змея.

Государственный гимн России

Мелодия гимна РФ – музыка, написанная Александром Александровым для «Гимна партии большевиков» на стихи Сергея Михалкова, использовавшаяся также в качестве гимна СССР с 1943 по 1991 годы. Гимн России принят в 2000. Автор текста – Сергей Михалков.

Россия – священная наша держава,
Россия – любимая наша страна.
Могучая воля, великая слава –
Твоё достоянье на все времена!

Припев

Славься, Отечество, наше свободное,
Братских народов союз вековой,
Предками данная мудрость народная!
Славься, страна! Мы гордимся тобой!

От южных морей до полярного края
Раскинулись наши леса и поля.
Одна ты на свете! Одна ты такая –
Хранимая Богом родная земля!

Припев

Широкий простор для мечты и для жизни
Грядущие нам открывают года.
Нам силу даёт наша верность Отчизне.
Так было, так есть и так будет всегда!

Припев

Республика Таджикистан Ҷумҳурии Тоҷикистон

Флаг представляет собой полотнище, состоящее из трёх горизонтальных полос: верхней – красной, средней – белой и нижней – зелёной. «Цвета нашего национального флага выражают исторический путь народа Таджикистана, ценностей национальной культуры и политики. Красный цвет – символ борьбы, самоотверженности народа за свободу и независимость, белый цвет – символ счастья, чаяния и надежды и зелёный цвет – символ процветания, гордости и вечности. В середине флага расположено изображение короны и семи звезд, что является знаком исторических корней государственности независимого Таджикистана». Президент Эмомали Рахмон.

Герб представляет собой изображение стилизованной короны и полукруга из семи звёзд на ней в лучах солнца, восходящего из-за гор, покрытых снегом и обрамлённых венком, составленным справа из колосьев пшеницы, слева из веток хлопчатника с раскрытыми коробочками. Сверху венок перевит трехполосной лентой, в нижнем секторе помещена книга на подставке.

Государственный гимн Таджикистана

Гимн Таджикистана – композиция «Суруди миллӣ». В качестве государственного гимна используется с 1994 года. Автор слов – Гулназар Келди, автор музыки – Сулаймон Юдаков.

Диёри арчманди мо,
Ба бахти мо сари азизи ту баланд бод,
Саодати ту, давлати ту бегазанд бод.
Зи дурии замонаҳо расидаем,
Ба зери парчами ту саф кашидаем, кашидаем.
Зинда бош, эй Ватан, Тоҷикистони озодаи ман!

Барои нангу номи мо
Ту аз умеди рафтагони мо нишонай,
Ту баҳри ворисон ҷаҳони ҷовидонай,
Ҳазон намерасад ба навбахори ту,
Ки мазраи вафо бувад канори ту, канори ту.
Зинда бош, эй Ватан, Тоҷикистони озодаи ман!

Ту модари ягонаӣ,
Бақои ту бувад бақои хонадони мо,
Мароми ту бувад мароми ҷисму ҷони мо,
Зи ту саодати абад насиби мост,
Ту ҳастиву ҳама ҷаҳон ҳабиби мост, ҳабиби мост.
Зинда бош, эй Ватан, Тоҷикистони озодаи ман!

Туркменистан Türkmenistan

Флаг представляет собой зелёное полотнище с вертикально расположенной красной полосой и пятью орнаментами у основания флага. Снизу этой полосы изображены оливковые ветви. Рядом с полосой у верхнего края флага – белый полумесяц и пять белых звёзд. Пять орнаментов-гёлей означают пять областей страны. Оливковые ветви символизируют провозглашённый в 1995 году нейтралитет Туркменистана.

Герб представляет собой восьмигранник зелёного цвета с жёлто-золотистой каймой, в который вписаны два круга голубого и красного цветов. Круги разделены между собой жёлто-золотистыми полосами одинаковой ширины. На зелёном фоне восьмигранника вокруг красного круга изображены основные элементы национального богатства и символики государства: в нижней части – семь раскрытых пятистворчатых коробочек бе-

лого хлопка с зелёными листьями; в средней части – колосья пшеницы жёлто-золотистого цвета, по два колоса с каждой стороны герба; в верхней части – полумесяц с пятью пятиконечными звёздами белого цвета. На кольцевой полосе красного круга размером в 2 диаметра голубого круга изображены по ходу часовой стрелки пять основных ковровых гёлей: ахалтеке, салыр, эрсары, човдур, йомут, которые символизируют дружбу и сплочённость туркменского народа. В голубом круге изображён Янардаг – ахалтекинский конь первого и пожизненного Президента независимой и нейтральной Туркмении Сапармурата Туркменбаши, представитель классического образца ахалтекинской породы.

Государственный гимн Туркменистана

До 1997 года в Туркменистане, получившем независимость за шесть лет до того, исполнялся гимн Туркменской ССР в версии без слов в качестве официального гимна. Гимн, известный по первой фразе припева «Великие создание Туркменбаши», действовал с 1997 по 2008 год. С 2008 года действует новая версия гимна, не содержащая элементов культа личности Туркменбаши.

Жизнь отдать я готов за родимый очаг, –
Духом предков отважных славны сыны,
Земля моя свята. В мире реет мой флаг –
Символ великой нейтральной страны!

Великая, навеки созданная народом
Держава родная, суверенный край,
Туркменистан — светоч и песня души,
Во веки веков ты живи, процветай!

Един мой народ, и по жилам племен
Течет предков кровь — нетленная весть,
Не страшны нам бури, невзгоды времен,
Сохраним и умножим славу и честь!

Великая, навеки созданная народом
Держава родная, суверенный край,
Туркменистан — светоч и песня души,
Во веки веков ты живи, процветай!

Узбекистан O‘zbekiston

На знамени имеется голубой цвет, белый цвет, зелёный цвет, красные линии, полумесяц и звезды. Голубой цвет на знамени – традиционный символ мира и символизирует чистоту, стремление к высокой нравственности. Белый цвет – это символ мира. Зелёный цвет – цвет обновления природы. Красные линии – жизненная сила, текущая в жилах живого организма. Молодой полумесяц (который на самом деле «стареющий») – символ обрётённой независимости. На флаге изображено 12 звёзд, которые связаны с древним солнечным календарем. 12 звёзд следует понимать как символ древности культуры узбекского народа. Также 12 звёзд символизируют 12 областей Узбекистана.

В центре герба изображена Хумо (птица счастья в Узбекистане) с простертыми крыльями – в узбекской мифологии символ счастья и свободолюбия. В верхней части герба находится восьмигранник, символизирующий утверждение республики, внутри – полумесяц со звездой. Изображение солнца символизирует свет, озаряющий путь узбекского государства, а также

подчеркивает уникальные природно-климатические условия республики. Две реки, изображенные под птицей – это Амударья и Сырдарья, которые протекают на территории Узбекистана. Колосья являются символом хлеба, стебли с раскрытыми коробочками хлопка характеризуют главное богатство Узбекистана. Вместе, колосья и коробочки хлопка перевитые лентой Государственного флага, символизируют консолидацию народов, проживающих в республике.

Государственный гимн Узбекистана

Государственным гимном является песня «Серқуёш хур ўлкам». Слова: Абдуллы Арипова. Музыка: Мутала Бурханова.

Вставай, моя свободная страна, счастье народу, удача,
Ты сама — друг среди друзей, о любимая моя!
Расцветай, о источник знания, науки,
Пусть слава твоя сияет вечно!

Привет

Золотые эти долины — дорогой Узбекистан,
Славный дух твоих предков с тобой!
Сила великого народа в тяжкие времена
Создала тебя на радость всему миру!

Не угаснет вера великодушного узбека,
Свободные молодые поколения — твоё сильное крыло!
Оплот независимости, хранитель мира,
Правдолюбивая, о родина, вечно цвети!

Привет

Украина Україна

Флаг представляет собой прямоугольное полотнище из двух равновеликих горизонтальных полос: верхней – синего и нижней – жёлтого цвета. Согласно популярной современной интерпретации, жёлтый цвет символизирует пшеничные поля, а синий – ясное небо над ними.

Центральной геральдической фигурой герба является «трезубец» (укр. тризуб) князя Владимира, владетеля и крестителя Руси (герб Рюрика).

Государственный гимн Украины

Композиция «Ще не вмерла України ні слава, ні воля» (русс. Ещё не умерла Украины ни слава, ни воля), в редакции, утверждённой

Верховной Радой Украины, является Государственным гимном Украины. Слова – Павла Чубинского, музыка – Михаила Вербицкого.

Ещё жива Украины и слава, и воля,
Ещё нам, братья-украинцы, улыбнётся доля.
Сгинут наши враги, как роса на солнце.
Заживём и мы братья на своей сторонке!

Припев:

Душу и тело мы положим за нашу свободу
И покажем, что мы, братья, казацкого рода.

Эстонская Республика Eesti Vabariik

Флаг представляет собой прямоугольное полотнище состоящее из трёх горизонтальных равновеликих полос: верхней – синего, средней – чёрного и нижней – белого цвета. Исходная трактовка цветов была такой:

синий – цвет неба, озёр и моря Эстонии; кроме того, символизирует верность национальным идеям;

чёрный – цвет родной земли и национальных эстонских пиджаков.

Чёрный как отражение всех тягот эстонского народа;

белый – олицетворяет человеческое счастье, стремление к свободе и надежду на лучшее будущее.

На большом государственном гербе в золотом поле щита три лазоревых леопарда (шествующих смотрящих впрям льва). Щит окаймлен венком из двух скрещенных золотых дубовых веток, перекрещивающихся в нижней части щита. Малый герб представлен только щитом.

Государственный гимн Эстонии

Mu isamaa, mu õnn ja rõõm — государственный гимн Эстонии с 1920 года, мелодия которого была написана финским композитором немецкого происхождения Фредриком Пациусом, также являющаяся мелодией гимна Финляндии. Текст песни на эстонском языке написал Йохан Вольдемар Янсен. В Эстонии её впервые спели на певческом празднике, который прошёл 18–20 июля 1869 года в Тарту.

Отчизна, счастье и радость моя,

как ты прекрасна!

Мне вовек не сыскать

на всём белом свете,

что было бы милее тебя,

отчизна моя!

Ты дала мне и жизнь,

и взрастила меня!

Вечно буду благодарен тебе

и верен до смертного часа!

Ты мне всего милей,

дорогая отчизна моя!

Да хранит тебя Бог,

дорогая отчизна моя!

Да будет он твоим заступником

и благословит тебя

во всех делах твоих,

дорогая отчизна моя!

Издания АИРО в 2006–2011 гг.

2006

Дмитрий Люшкин. Вторая русская смута: крестьянское измерение. («АИРО – Первая монография»).

А.Г. Ложкин. Право победителей. Правовой отдел СВАГ: история создания и деятельности. 1945–1949. («АИРО – Первая монография»).

Ф.Г. Куначёва. Религиозные воззрения абазин (с древнейших времён до наших дней). («АИРО – Первая монография»).

В.Э. Молодяков. Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887–1949) – дипломат, политик, мыслитель. («АИРО – Монография»).

Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917. Публ. Е.И. Щербаковой / Под ред. Г.А. Бордюгова. («АИРО – Первая публикация»).

Э. Саблина. 150 лет Православия в Японии. История Японской Православной Церкви и её основатель Святитель Николай. («АИРО – Монография»).

Советская политика в Австрии. 1945–1955 гг. Сборник документов / Под редакцией и составление Геннадия Бордюгова, Вольфганга Мюллера, Нормана М. Неймарка, Арнольда Суппана. («АИРО – Первая публикация»).

Советская Военная Администрация в Германии (СВАГ). Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945–1949 гг. Сб. документов. /Под ред. Геннадия Бордюгова, Бернда Бонвеца и Нормана Неймарка. («АИРО – Первая публикация»). Изд. 2-е, дополн. и измен.

Портрет современного японского общества.

В.Э. Молодяков. Гото Симпэй и русско-японские отношения. («АИРО – Монография»).

Н.А. Четырина. Сергиевский посад в конце XVIII – начале XIX вв. (Посад как тип городского поселения). («АИРО – монография»).

Павел Гвоздев. Русские на марше: от химеры к тотальной мобилизации.

Япония. Ежегодник. 2006.

В тени «Тихого Дона». Фёдор Крюков – забытый русский писатель. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 21).

2007

Я.В. Леонтьев. «Скифы» русской революции. Партия левых эсеров и её литературные попутчики. («АИРО – Монография»).

Стивен Коэн. «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза?

Ирина Каргина. Букет бессмертников. Константин Каргин и Михаил Шолохов: неизвестные страницы творческой биографии.

А.Г. Тепляков. «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. («АИРО – Первая монография»).

Р.А. Гоголев. «Ангельский доктор» русской истории. Философия истории К.Н. Леонтьева: опыт реконструкции. («АИРО – Первая монография»).

И.А. Алексеева. История всемирного христианского молодёжного движения в России. («АИРО – Первая монография»).

В.И. Колесов. Служил Советскому Союзу... Воспоминания. («АИРО – Первая публикация»).

Ф. Фирсов. Секретные коды истории Коминтерна. 1919–1943. («АИРО – первая публикация в России»).

2008

Сиратори Тосио. Новое пробуждение Японии. Политические комментарии 1933–1945. Составление, перевод, вступительная статья и комментарии доктора политических наук В.Э. Молодякова. («АИРО – первая публикация»).

Danke, профессор Аймермахер. 12 писем из России. Сост. Г.А. Бордюгов, Т.М. Горяева.

С.В. Константинов. «В неверном озаренье славы...»: реформаторы и жертвы. Сост.: Давыдов О.В., Касаев А.Ч., Молодяков В.Э.

Леонид Козлов. В диалоге с прошлым.

Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина. Сб. документов. Предисл. С. Бабурина. Введ. Ст. Коэна. («АИРО – Первая публикация»). Изд. 2-е, дополн., измен. и расшир.

Харуки Вада – сенсей российской истории. Сост. Г.А. Бордюгов.

Стивен Коэн и Советский Союз / Россия. Сост. Г.А. Бордюгов, Л.Н. Доброхотов.

Е.В. Суровцева. Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920-е – 1950-е гг.). («АИРО – Первая монография»).

А.А. Куренышев. Крестьянские организации Русского Зарубежья. (1920–1951 гг.). («АИРО – Монография»).

Ф.Ф. Торнау. Воспоминания кавказского офицера.

Общее прошлое и современность. Материалы польско-российско-немецкого триалога историков и журналистов (Россия, Тверская область, «Гелиопарк-Эммаус» на Волге, 6–9 сентября 2007 г.).

Глобальные вызовы – японский ответ / Рук. проекта Э.В. Молодякова.

Прошлое: российский и немецкий подходы. Материалы российско-немецкого коллоквиума. Москва, 12–13 июля 2007 года. Под ред. Фалька Бомсдорфа и Геннадия Бордюгова.

Роберт Эдельман. Серьезная забава. История зрелищного спорта в СССР.

А.Г. Тепляков. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. («АИРО – Монография»).

И.А. Родионов. Забытый путь. Из архивов писателя: письма, дневниковые записи, воспоминания, проза. Поиски материалов, обработка, комментарии, справочный аппарат журналиста Галины Стукаловой.

Стивен Коэн. Долгое возвращение. Жертвы ГУЛАГа после Сталина / Пер. с англ. Ирины Давидян.

Е.И. Щербакова. «Отщепенцы». Путь к терроризму (60–80-е годы XIX века) / Под ред. Г.А. Бордюгова; послесловие Н.И. Дедкова. («АИРО — Первая монография»).

Марк Юнге, Геннадий Бордюгов, Рольф Биннер. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД №00447.

С.Б. Веселовский. Московское государство: XV–XVII вв. Из научного наследия.

2009

В. Волков, С. Соколов. Антиманипулятор. Типизация постперестроечного государственного устройства в контексте глобализации и перестройки. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 24).

Н.В. Кравчук. История отечества глазами малоросса. (Метаисторические очерки). («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 25).

В.А. Рябинин. Идеология «тайны беззакония»: философский и политический анализ идеологии «мондиализм».

А.П. Ненароков. В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Книга первая. Вдаль к началу. («От первого лица. История России в воспоминаниях, дневниках, письмах»).

А.П. Ненароков. В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Книга вторая. Свеча в доме. («От первого лица. История России в воспоминаниях, дневниках, письмах»).

Старо-новые российские мифы: кризис знания или сознания? Материалы российско-немецкого форума. Москва, Овальный зал ВГБИЛ, 3 декабря 2008 г. Под ред. Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова, Екатерины Гениевой.

В.Н. Томилин. Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. («АИРО – Монография»).

Н.И. Бурнашева. В единении – сила! История кооперации Якутии (вторая половина XIX в. – 1920-е гг.). (АИРО – Монография).

Эрик Кулевиг. Народный протест в хрущевскую эпоху. Девять рассказов о неповиновении в СССР. (АИРО – Первая публикация в России).

Russia: a history of the twentieth century. Materials for course the lectures / G. Bordjugov, S. Devyatov, E. Kotelenets, A. Titkov.

Ф.Д. Крюков. Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. Возвращаясь на улицу Юности.

Л.А. Боева. «Особенная каста». ВЧК-ОГПУ и укрепление коммунистического режима в годы нэпа. («АИРО – Первая монография»).

Б.В. Соколов. Как провалилась бериевская «перестройка». Извержение enfant terrible из властных структур. Новые документы. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 26).

Япония 2009. Ежегодник.

Идейно-политические дискуссии в Советском Союзе в 1940–50-х гг. и национально-государственное размежевание 1990-х. Материалы круглого стола в «РИА Новости» 15 сентября 2009 г. Под редакцией Геннадия Бордюгова и Алана Касаева.

А.К. Конопацкий. Прошлого великий следопыт. Академик А.П. Окладников: страницы биографии.

Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.

2010

Посадский А. От Царицына до Сызрани: очерки Гражданской войны на Волге. – М.: АИРО–XXI; ГПИБ. 2010. – 412 с.

Цыганок А.Д. Война на Кавказе 2008: русский взгляд. Грузино-осетинская война 8–13 августа 2008 года. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 328 с.

Ирина Каргина. Горечь полыни. Пропавший в «Поднятой целине». – М.: АИРО–XXI. 2010. – 216 с.

Справочник молодого журналиста. – М.: «РИА Новости»; АИРО–XXI, 2010. – 512 с.

Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 1: Оболение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 1024 с.

Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 2: Бурные прорывы и разбитые надежды. Русские и немцы в межвоенные годы; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 896 с.

Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 3. Оттепель, похолодание и управляемый диалог. Русские и немцы после 1945 года; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 1032 с.

Барабаш В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А. Образы России в мире. Курс лекций. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 296 с.

Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова, – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2010. – 372 с.

Носович А.Л. Красный Царицын. Взгляд изнутри. Записки белого разведчика. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 96 с.

Кыласов А.В. Окольцованный спорт. Истоки и смысл современного олимпизма.

Гурвич Э.Б. Взгляд в настоящее прошлое. Фрагменты семейной хроники Николая Ивановича Бухарина. – (Серия «АИРО – первая публикация») – М.: АИРО-XXI, 2010. – 176 с. + 56 с. илл.

Загадки и тайны «Тихого Дона»: двенадцать лет поисков и находок. – М.: «АИРО-XXI», 2010. – 400 стр.

Суровцева Е.В. Жанр «письма вождю» в советскую эпоху (1950-е – 1980-е гг.). – М.: АИРО-XXI, 2010. – 128 с. (Серия «АИРО – монография»).

Стивен Коэн. Утраченное наследие Горбачева. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 56 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 27).

Мировой кризис и Япония / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М.: АИРО-XXI, 2009. – 256 с.

Виктор Кригер. Российские немцы вчера и сегодня. Народ в пути; перевод с нем. И. Черемушкинского.

А.В. Венков. «Тихий Дон»: источниковая база и проблема авторства. Часть 1-я. В поисках автора. Часть 2-я. Авторы «Тихого Дона». – М.: АИРО-XXI. 2010 г. – 884 с.

Н.В. Кравчук. История отечества глазами малоросса. Очерк третий. Русь расщепленная. XIII – XV вв. [Текст] / Н.В. Кравчук. – М.: «АИРО-XXI». 2010 г. – 124 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 28).

Япония: полвека правления либерал-демократов / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М.: АИРО-XXI. 2010 – 284 с.

Япония 2010. Ежегодник. – М.: «АИРО-XXI», 2010. – 320 с.

Ю.М. Коликов. Жемчужина седого Каспия. Документальная повесть. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 432 с.

Н.К. Веселовская. Воспоминания выездного врача скорой помощи (1940 – 1953). Редакция и предисловие А.Г. Макарова. Серия «АИРО – первая публикация» под редакцией Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI. 2010. – 184 с.

Г.А. Бордюгов. Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 256 с.; (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).

Пётр Баратов. «И с Москвой золотоголовой Вышеград заговорил...». Из опыта чешского либерализма. 1870–1880-е годы. Под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 240 с. – (Серия «АИРО – Первая монография»).

2011

Стивен Козн. Жизнь после ГУЛАГа. Возвращение сталинских жертв / Перевод Ирины Давидян. – (Серия «АИРО – первая публикация в России») – М.: АИРО-XXI, 2011. – 208 с.

Б.В. Соколов. Потери Советского Союза и Германии во Второй мировой войне: методы подсчетов и наиболее вероятные результаты. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 128 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 29).

З.С. Бочарова. Российское зарубежье 1920–1930 х гг. как феномен отечественной истории. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 304 с.

Научное издание

Серия «Историческая политика и политика памяти
в СССР, РФ и СНГ»

*Геннадий Аркадьевич Бордюгов,
Владимир Миннатович Бухараев*

**ВЧЕРАШНЕЕ ЗАВТРА:
как «национальные истории» писались в СССР
и как пишутся теперь**

Дизайн, верстка и подбор иллюстраций: *Сергей Щербина*

I S B N 591022154-X

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 17.04.2011
Формат 70×100 1/32. Бумага офс.
Тираж 1000 экз. Усл. печ. л. 15,5.